

ЧЭН-ЭНЬ У

ПУТЕШЕСТВИЕ НА
ЗАПАД. ТОМ 1

Китайская классическая литература

ЧЭН-ЭНЬ У

Путешествие на Запад. Том 1

«ЭННЕАГОН ПРЕСС»

У Ч.

Путешествие на Запад. Том 1 / Ч. У — «ЭННЕАГОН ПРЕСС»,
— (Китайская классическая литература)

ISBN 978-5-91051-020-7

Этот роман - жемчужина китайской классической прозы. Он написан более трехсот лет назад и стал неотъемлемой частью мировой культуры. Историческое ядро сюжета - путешествие буддийского монаха Сюань-цзана в Индию за священными сутрами. Реальное путешествие удивительно переплетается с фантастическими подробностями. Оригинальные сюжетные ходы, схватки с демонами и оборотнями окрашены юмором, который придает повествованию особую легкость. Образ одного из героев повествования. Сунь У-куна - Царя обезьян, - занял прочное место в современной массовой культуре. Путешествие буддийского монаха и его друзей продолжается в мультфильмах и мюзиклах. У Чэнь-энь создал роман, которым будут зачитываться многие поколения читателей. Роман в 4-х книгах.

ISBN 978-5-91051-020-7

© У Ч.

© ЭННЕАГОН ПРЕСС

Содержание

Предисловие	5
Глава первая,	22
Глава вторая,	43
Глава третья,	58
Глава четвертая,	71
Глава пятая,	85
Конец ознакомительного фрагмента.	97

У ЧЭН-ЭНЬ Путешествие на Запад. Том 1

Предисловие

А. Рогачев

«Путешествие на Запад» («Сиюцзы»)¹

Знаменитый роман «Сиюцзи» был написан в середине правления Минской династии (1368—1644 гг.). Китайские историки литературы относят его к «четырем жемчужинам» повествовательной прозы, помещая в один ряд с такими прославленными произведениями, как «Троецарствие» Ло Гуаньчжун (XIV в.), «Речные заводы» Ши Найяня (XIV – нач. XV в.) и «Цзин, Пин, Мэй» («Цветы сливы в золотой вазе») (аноним XVI в.). Подобная оценка более чем справедлива. Вот уже свыше трехсот лет это произведение пользуется в Китае необыкновенной популярностью. Оно стало поистине неотъемлемой частью китайской культуры, причем не только высокой, рафинированной, но и простонародной, низовой. Народные сказители *шошуды* донесли имена Сюань-цзана, Сунь У-Куна, Чжу Ба-цзе и прочих персонажей книги до самых глухих уголков Китая. Роман постоянно переиздается огромными тиражами, его ставят на сцене, экранизируют, на его основе создают сокращенные версии со множеством рисунков (наподобие комиксов). По свидетельству известного русского китаиста В. М. Алексева, скульптурные и рисованные изображения основных персонажей «Сиюцзи» можно встретить в китайских буддийских монастырях и храмах. В 1907 году, путешествуя по Китаю, В. М. Алексеев обнаружил в храме Сюань-у Дади в провинции Шаньдун «весьма любопытный ассортимент богов: два Люйгуна (громовика), Черепаха-Змея, Пять Драконов и др.». По мнению ученого, эти изображения служили своеобразной «иллюстрацией к роману-эпосе «Сиюцзи»².

Некоторые герои «Сиюцзи» были известны и почитаемы задолго до появления романа. Дело в том, что сюжетной основой этого произведения было реальное историческое событие – паломничество буддийского монаха Сюань-цзана в Индию за священными книгами, совершенное в годы правления династии Тан (618—907). Паломничество Сюань-цзана вскоре обросло бесчисленными легендами и преданиями, а сам он стал персонажем почти мифическим и для многих поколений китайских буддистов символом святого подвижничества. Это не означает, что реальный Сюань-цзан был забыт – просто, как это часто случается, историческая личность и ее житийный двойник начали вести параллельное существование. О том, как далеко могли расходиться фольклорный персонаж и его исторический прообраз, несколько неожиданно свидетельствует сделанное В. М. Алексеевым описание одной из картин его коллекции народного лубка: «Другой символ – «лошадь с перлами», «драгоценный конь» (бао-ма) или золотой жеребенок (цзинь-мацзюй) изображается нагруженным драгоценностями, горящими ярким блеском. Происхождение этого символа может быть буддийским, а именно от коня, на котором Сюань-цзан привез из Индии знаменитые книжные сокровища. Простое выражение «драгоценный конь», подразумевающее «коня, приносящего книжные сокровища», было понято буквально, как «конь с драгоценностями», то есть с перлами, кораллами, монетами и тому подобными вещами, более реальными и осязаемыми, чем буддийские книги»³.

¹ Предисловие составлено В. Рынкевичем по публикациям А. Рогачева.

² Алексеев В.М. В старом Китае. М., 1958. С. 150.

³ Алексеев В.М. Китайская народная картина. М., 1966. С. 164.

В результате мощного культурного влияния Китая на сопредельные страны знаменитые произведения китайской литературы (среди них одно из первых мест занимает «Сиюцзи») распространились далеко за пределы Серединного государства. В 1721 году «Сиюцзи» был переведен на монгольский язык и приобрел широкую популярность. В. И. Семанов и Б. Л. Рифтин, авторы статьи «Монгольские переводы старинных китайских романов и повестей», пишут: «Эпизоды из «Сиюцзи» использовались в оформлении архитектурных памятников ... они были изображены на воротах Богдо-гэгэна и на здании дворца его брата Чойджин-ламы в Улан-Баторе»⁴. Вскоре после появления романа его переводят и издают в Японии. Некоторые эпизоды «Сиюцзи», например «Мятеж в Небесных чертогах», стали темой театральных представлений. Во Вьетнаме «Сиюцзи» соперничает в популярности с «Троецарствием» и «Речными заводьями»; широко известны пьесы, инсценирующие отдельные эпизоды романа.

В России «Сиюцзи» стал известен гораздо позже, чем на Дальнем Востоке. Одно из первых, хотя и весьма беглых, упоминаний о нем содержится в трудах крупнейшего русского китаиста XIX века В. П. Васильева⁵, который был превосходным знатоком литературы, связанной с буддизмом.

В Западной Европе одним из первых исследователей, проявившим интерес к «Сиюцзи», был Сулье де Морон, который выпустил в 1912 году в Париже «Очерк китайской литературы». В 1913 году Ричард Т. издает в Шанхае английский перевод первых семи глав романа и краткое изложение остальных. Самые общие сведения о «Сиюцзи» даны в «Истории китайской литературы» Х. Джайлза (Лондон, 1901). На Западе утвердилась традиция сокращенного перевода романа. У ее истоков стоит крупнейший английский синолог и переводчик Артур Уэйли, который в 1943 году издал «Сиюцзи» в Лондоне не только в сокращенном виде, но и под другим названием – «Обезьяна», а через год в переработанном виде (для детей) выпустил в свет под названием «Приключения обезьяны». С перевода Уэйли сделан и первый немецкий перевод (Цюрих, 1946).

У Чэн-энь (второе имя – Жучжун, прозвище – Шэян шаньжэнь) родился в области Хуайань провинции Цзянсу. Единного мнения о дате его рождения нет до сих пор. На основании многочисленных исследований китайских и зарубежных ученых У Чэн-энь родился между 1500 и 1510 годами. Точно так же не известна дата смерти писателя. Однако, судя по его стихам, в 1579 году он был еще жив. Применительно к Китаю тот факт, что даты жизни автора романа, одного из самых популярных в наши дни (причем не только на Востоке, но и на Западе), остались неизвестными, свидетельствует о многом. В старом Китае, строго следовавшем традициям, предъявлялись достаточно жесткие требования к представителям образованного сословия. Если человек, какими бы высокими дарованиями он ни отличался, не занимал определенного места в иерархии чиновников, то у него было крайне мало шансов быть упомянутым в официальных биографических сводах – главных источниках наших знаний о жизни сколь-нибудь заметных персонажей китайской истории. Конфуцианская идеология, которая на протяжении многих столетий была одним из трех главных факторов (наряду с буддизмом и даосизмом^{6,229}), влиявших на формирование мироощущения китайцев, выработала определен-

⁴ Литературные связи Монголии. М., 1981. С. 234 – 279.

⁵ Васильев В.П. Очерк истории китайской литературы. СПб., 1880.

⁶ *Конфуцианство, буддизм, даосизм.* – Принципы конфуцианства, как религии, были заимствованы из социально-этического учения знаменитого китайского философа Конфуция, жившего приблизительно в 551—479 годах до н. э. Конфуций создал собственную философскую школу, которая сыграла огромную роль в формировании и развитии китайской феодальной культуры. Основными моральными принципами социально-этического учения Конфуция были почитание старших, гуманность, справедливость, сдержанность и честность. Помимо этого конфуцианство стремилось к укреплению общественного строя, проповедуя строгое подчинение подданных правителю, детей родителям и жены мужу. Как религиозное учение, конфуцианство главным образом стремилось к восстановлению обрядов древнекитайского культа предков и поклонения духам природы. Древнекитайская религия в основном сводилась к культу предков и поклонению многочисленному сонму духов

НЬИ ТИП ЧЕЛОВЕКА-ЧИНОВНИКА, ПОСВЯЩАЮЩЕГО СВОЮ ЖИЗНЬ СЛУЖЕНИЮ ИМПЕРАТОРУ, ГОСУДАРСТВУ И

природы, взаимоотношения между которыми определялись сложной иерархией. Во главе всей иерархической лестницы находилось небо, верховное божество, блюститель порядка на земле. Император считался его представителем на земле и назывался сыном неба. Внешняя сторона конфуцианства выражалась в жертвоприношениях и других обрядах. Жертвы приносились небу, земле, умершим предкам императора, богам урожая, Конфуцию и другим мудрецам, гениям – покровителям ремесел и занятий, государственным деятелям, оказавшим услуги государству, духам предков и т. д. Конфуцианская религия не требует особого сословия жрецов для выполнения религиозных обрядов, и необходимые церемонии чествования духов выполняются либо самим императором, либо официальными и административными лицами, а духам предков и домашним богам приносит жертвы глава каждого семейства. Для церемонии жертвоприношения существовал строго разработанный сложный ритуал, выполнение которого считалось обязательным и весьма важным. Необходимо отметить, что сам Конфуций обращал основное внимание на обрядовую сторону и, стремясь к укреплению нравственно-этических норм поведения, избегал касаться темы сверхъестественного. Свидетельством этого может служить следующий знаменитый ответ Конфуция на вопрос, как следует поклоняться духам и что такое смерть? «Когда не умеем служить людям, то где уж служить духам! Духам надлежит приносить жертвы, как если бы они присутствовали здесь. Если мы еще не знаем, что такое жизнь, то как мы можем знать, что представляет собой смерть?» Вера в сверхъестественное в конфуцианстве должна быть отделена от обычных конфуцианских представлений об идеальной жизни, которые тесно связаны с земной жизнью, с вопросами отношений между людьми. В течение многих столетий конфуцианство являлось государственной религией и отложило глубокий отпечаток на весь строй феодального общества. Поэтому нет ничего удивительного в том, что оно враждебно отнеслось к появлению в Китае буддизма, рассматривая последний как идеологию, опасную для китайского общественного строя, в основе которого находится семья и конфуцианская система отношений между государем и подданными. Вторая национальная религия в Китае – *даосизм* – связывается с учением другого китайского философа Лао-цзы (Ли Эр), жившего, согласно преданиям, одновременно с Конфуцием, то есть в VI—V веках до н. э. По китайской традиции, Лао-цзы был хранителем императорской библиотеки и придворным историографом при Чжоуском дворе²²⁹. Смысл учения, приписываемого Лао-цзы, в основном сводится к «Дао» – учению о правильном пути. Реальный мир и жизнь людей в обществе подчинены определенному, естественному пути – Дао, означающему всеобщий закон движения и изменения мира. Дао – это, по сути дела, абсолют, обезличенная природа, которая дает начало всему сущему. Дао предшествует видимому многообразию предметов природы – это бездна, породившая весь видимый мир. По учению Лао-цзы, истинный покой наступает с прекращением борьбы и установлением жизни в соответствии с Дао. Причина беспорядков в мире порождается отходом от природы, появлением искусственного, далекого от природы образа жизни. Единственное средство для избежания этих беспорядков – это возвращение на путь Дао. Такова философская основа даосизма. Основоположителем даосизма, как религии, считается Чжан Дао-лин, получивший звание «Тянь-ши» – «Небесный наставник», который жил, по преданию, в I веке н. э. Как религия даосизм представляет собой смесь шаманства и веры во всевозможных духов – злых и добрых. Но только буддизм способствовал его окончательному оформлению в культ. Даосы создали свой пантеон богов по буддийскому образцу. Верховным владыкой всей небесной даосской иерархии был Юй-хуан шан-ди – Нефритовый император. И свою концепцию божества последователи даосизма заимствовали у буддизма. Очень важную роль у даосов играет звездное небо. Ян и Инь – два основных начала древнекитайской философии, от движения и взаимодействия которых произошло все мироздание и которые означают: положительное – мужское и отрицательное – женское начала, или свет и тьму, жизнь и смерть, добро и зло, и в даосской космологии соответствуют солнцу и луне. От них образовались все остальные звезды и созвездия, которые являются местопребыванием различных духов, играющих огромную роль в жизни людей. Совершенно очевидно, что от философского учения тут уже почти ничего не осталось. Главным среди созвездий является Северное, представляющее собой средоточие всего мира духов. Каждая звезда имеет своего правителя, но все они зависят от духа Северной звезды. И, наконец, читатель может убедиться в том, что духами заселены не только планеты и созвездия. Духи обитают повсюду – в воздухе, на земле, под землей, в воде, в горах. Злые духи приносят вред человеку, добрые – помогают ему. Таким образом, всю свою жизнь человек чувствует себя в зависимости от этих духов и старается избежать злого воздействия одних и заручиться помощью и покровительством других. Следует сказать, что важное место в даосизме отведено верованию в возможность обрести бессмертие посредством магии и различным учениям о приготовлении эликсира бессмертия. Особенно большой известностью пользовались алхимики и их опыты с киноварью по изготовлению философского камня, приносящего бессмертие и сверхъестественную силу, о чем и повествуется в романе. И, наконец, *буддизм* – религия, которой в романе отводится основное место. Буддизм заимствован из Индии. Датой его возникновения, по преданию, считается 544 год до н. э. – год смерти Будды – Гаутамы, Будда – слово санскритское и значит: очнувшийся, прозревший. Оно обозначает высшую ступень святости в буддийской религии, когда наступает полное просветление, полное освобождение от всех законов перерождения. В Китае буддизм начал распространяться уже в первом столетии нашей эры. Особенно большое влияние он приобрел в VI—VII веках. По буддийскому учению, высшим божеством является некое духовное начало, извечно существующее и пребывающее в покое, в состоянии нирваны. Видимый, материальный мир (сансара) является лишь частью этого божественного начала. Однако в буддийском пантеоне мы находим огромное количество конкретных воплощений этого божественного начала в лице будд, бодисатв, архатов, представляющих собой различные степени святости на пути к достижению вечного блаженства. Материальный, видимый мир, по учению буддизма, не существует реально, а представляет собой лишь проявление мистического духовного начала. Все многообразие явлений природы создается в результате бесконечного движения и образования различных комбинаций «дхарм» – мельчайших частиц духовного начала. Исчезновение предметов видимого мира, или смерть, живых существ является результатом распада этих «дхарм». Однако смерть не есть полное исчезновение. Буддизм учит, что жизнь – это цепь бесконечных перерождений, обусловленных определенной причинной связью. Поэтому невзгоды и бедствия в земной жизни являются возмездием («кармой») за проступки, совершенные в одном из предыдущих перерождений. Равным образом вознаграждаются также добродетель и добрые дела. На примере многих героев романа «Путешествие на Запад», не исключая и самого Танского монаха, читатель узнает, что они проходят одну из стадий такого перерождения, как воздаяние за совершенные ими в прошлом поступки. За многие века своего существования буддийское учение непрерывно

обществу. Согласно Конфуцию, идеальным применением природных дарований была практическая деятельность на благо государства. Творческие достижения имели в глазах современников уже не так много ценности, если их автор не сделал достойную карьеру на государственном поприще. А чтобы добиться соответствующих званий, существовала строгая экзаменационная система. Человек, не сдавший экзаменов, фактически оказывался вытесненным на периферию общественной и культурной жизни и зачастую влачил скучное существование. Увы, именно так сложилась и судьба У Чэн-эня. Он много раз делал попытки сдать злополучные экзамены, но для него, талантливого поэта и литератора, непреодолимой преградой оказывалось экзаменационное, так называемое «восьмичленное» сочинение, требовавшее не столько творческого подхода, сколько виртуозного умения комбинировать отрывки и цитаты из канонических конфуцианских книг.

В силу названных причин дошедшие до нас сведения о жизни У Чэн-эня носят довольно фрагментарный характер. В распоряжении современных исследователей осталось не так много материалов, на основании которых можно восстановить хронику жизни писателя. Это, во-первых, семейная хроника (обычно семейные хроники велись в состоятельных старинных родах, однако она велась и в небогатой семье У, хотя отрывочно и нерегулярно). Во-вторых, принадлежащие перу У Чэн-эня поминальные надписи (особый, вполне почтенный жанр средневековой китайской литературы), собственно литературные произведения писателя, предисловия к чужим сочинениям, а также многочисленные стихи. (Поэзия в Китае носит традиционно «документальный» характер и вполне может служить источником точных данных.) У Чэн-энь оставил немало стихотворений, посвященных важным чиновникам своей эпохи, и зачастую снабжал эти стихи пространными предисловиями, в которых содержатся интересные исторические факты. В-третьих, это местная хроника – «Описание уезда Хуайань», в котором родился и жил У Чэн-энь. Такого рода местные хроники включают, как правило, погодную летопись событий, имена всех выдающихся местных уроженцев и т. п. Так, об У Чэн-эне в «Описании уезда Хуайань» говорится следующее: «Человек глубокого и острого ума, широкой образованности, исключительного поэтического таланта, блестящий стилист. Обладал удивительным чувством юмора. Первые же литературные произведения прославили его имя»⁷.

Дед и отец писателя были людьми образованными, хотя и образование, и мелкие чины достались им в тяжких трудах. Дед У Чэн-эня ведал местными школами, но жил довольно бедно. Когда он умер, его сыну У Жую, будущему отцу писателя, исполнилось всего четыре года. После смерти деда положение семьи стало вовсе плачевным. У Жуй в сравнительно позднем возрасте получил возможность учиться – его отдали в обучение сяньшэну. Как свидетельствует поминальная надпись, «учителю ежегодно полагалось делать подарки, но семья У не

развивалось и видоизменялось. Следует еще заметить, что широкому распространению буддизма в Китае в значительной степени способствовала большая приспособляемость его к местным условиям. Так, например, буддизм не останавливался перед тем, чтобы зачислить в буддийский пантеон богов местных религий. Он свободно заимствовал принципы национальных религий, например культ поклонения предкам в Китае. Кроме того, учение о рае и аде, одинаковом возмездии за грехи и награды за добродетель для всех без исключения, богатого и бедного, знатного и простолюдина, производило большое впечатление на простой народ, не видевший выхода из того бедственного положения, в котором он находился, и не могло не привлекать его симпатий. В целях усиления эмоционального воздействия на верующих в буддийских обрядах широко использовались изобразительное искусство, музыка, пышные процессии, ритуальные пляски. Широкое распространение в течение нескольких столетий буддизма в Китае не могло, конечно, не оказать глубокого влияния на всю китайскую культуру. В Минскую эпоху большим влиянием пользовалась даосская религия, и потому буддисты были не в почете и даже подвергались гонениям, о чем автор повествует в главах сорок четвертой, шестьдесят второй и других, где он описывает преследования буддийских монахов. Выражение симпатии и сострадания буддийским монахам, попавшим в беду, по мнению китайских исследователей, следует считать не проявлением религиозных чувств автора, а проявлением его симпатий к страданиям народа, его желанием, чтобы народ осознал свое бедственное положение и добивался правды, лучшего управления. Естественно, что автор вынужден был делать это иносказательно, описывая под видом монахов страдания самого народа.

²²⁹ Эпоха Джоу – 1122—247 года до н. э.

⁷ Цит. по: Лю Сюе. Гудянь сяошо сицуй цункао (Исследование классической художественной прозы и драмы). Пекин, 1958. С. 2.

имела на это средств»⁸. Далее в том же тексте говорится, что У Жуй «пользовался любой возможностью, чтобы послушать, хотя бы со стороны, уроки, которые наставник давал другим ученикам. В результате он овладел всеми необходимыми знаниями, в том числе и знанием классических книг, из которых особенно преуспел в изучении «Чуньцю» и «Сяоцзин»⁹. Успехи так поразили учителя, что он решил помочь ему поступить в уездную школу». Однако бедность помешала У Жую продолжить учебу. Он рано женился и принужден был помогать тестю, который владел небольшой лавкой по продаже шелка. В старом Китае считалось, что человек, даже если он только встал на путь к чиновничьей карьере, не должен заниматься торговлей, это считалось для него постыдным. Даже в лавке У Жуй каждую свободную минуту отдавал чтению, торговлей пренебрегал, сторонился цехового общества торговцев, не принимал участия в их пирушках. За ним установилась репутация чудака. Однако среди образованных людей края У Жуй слыл человеком независимых взглядов, правдивым и умным. Его очень ценил правитель уезда Гэ Му, крупный чиновник, основатель Училища Драконова Потока (частной школы, в которой впоследствии учился У Чэн-энь). К старости положение У Жуя укрепилось, он завоевал всеобщее уважение и почет. У Чэн-энь радовался за отца и как-то в шутку заметил: «А чудачества-то, выходит, помогли!» – чем очень рассердил старика, который строго ответил: «Уж не думаешь ли ты, что я всю жизнь притворялся, чтобы завоевать симпатии людей?»¹⁰

Не исключено, что подобный «житийный» облик У Жуя сложился во многом благодаря его сыну. У Чэн-энь, описывая отца, в значительной степени следовал канону жанра поминальных надписей, в который вполне укладывался образ чудака-бессребреника, терпящего насмешки и издевательства, отмеченного вниманием вельможи, а на склоне лет завоевавшего наконец почет и уважение как воздаяние за праведную жизнь... Как бы то ни было, но едва ли можно отрицать влияние отца на склад ума, характер и интересы У Чэн-эня.

У Чэн-энь родился от наложницы по имени Чжан (она была родом из Нанкина), которую У Жуй взял в дом после смерти жены. С детских лет У Чэн-энь увлекался литературой и в школе выделялся среди сверстников начитанностью (более удачливый в этом отношении, чем отец, он закончил полный курс начальной школы). Однако он интересовался не только историями династий и биографиями знаменитостей, но и народной литературой, хотя против такого «неканонического» чтения возражали отец и учитель. Еще в ранней юности У Чэн-энь решил стать писателем и начал собирать материал для будущей книги. В первую очередь он искал странные истории и анекдоты с сатирической окраской, хотя интерес к этим «низким» жанрам не делал чести для благородного человека, стремящегося к образованию в конфуцианском духе. Позднее, когда собранное сложилось в книгу, названную «Треножник Юя», У Чэн-энь в предисловии (только оно до нас и дошло, сама книга не сохранилась) так описал историю ее создания, а также мотивы своих странных литературных пристрастий:

«Всегда, еще с детства, душой я был читателем о странном и невиданном. Учась в местной школе, бывало, сбегал на рынок раздобыть простонародные повестушки или истории о прошлом. Забьюсь в укромную щель и читаю, опасаясь разноса от отца или учителя-сяньшэна – они могли и отнять мои находки. С возрастом я все больше предавался пагубной склонности к чтению. Начал собирать повествования обо всем необычном, и голова моя оказалась сверх меры забита подобным.

Еще я бывал в восторге от жизнеописаний, принадлежавших перу танских авторов – Ню Цичжана и Дуань Кэгу, особенно от их умения обрисовать манеру или характер героя. Я мечтал написать что-нибудь с ними вровень, но по лени своей так никогда и не взялся. Даже собран-

⁸ Там же. С. 2.

⁹ «Чуньцю» («Весны и осени») – летопись царства Лу, составление и редактуру которой традиция приписывает Конфуцию; «Сяоцзин» – «Книга сыновнего благочестия» – сочинение конфуцианского канона.

¹⁰ Там же. С. 5.

ное мною куда-то с годами рассеялось, кроме этой дюжины историй, которая оказалась столь несговорчивой по характеру, что победила мою сонную неподвижность, – я оказался в силах составить эту книгу. Я смеялся над собой: казалось, эти истории записали сами себя, без моего участия. Я же походил на старого рыболова, осушившего поток, чтобы достать свои сети. Прибавляя историю за историей в будущую книгу, я все сомневался, так ли уж ново собранное мною. И хотя название моих записок указывало, что это лишь беглая запись сюжетов, повествований о духах, – это было лишь частью общего замысла. В земном мире необычайное встретишь не так уж редко, порой даже и покритикуешь чуть-чуть. В древности государь Юй собирал от различных местностей подать железом; из этого железа были отлиты треножки с гравированными ликами чудищ и демонов, чтобы люди научились их распознавать и не поддаваться на их уловки.

Если бы мои читатели соблаговолили задуматься над разными случаями, а потом заколебались бы, прежде чем следовать по пути порока, – разве не превознес бы я их за сходство с людьми древности? ! Доморощенный ученый вроде меня не смеет касаться событий высокой истории, но то, что внизу и сбоку, не в лад – это по нему; в подобных трудах он не идет вослед ни за кем – таков и сей скромный труд»¹¹.

Этот небольшой отрывок – единственное достоверное свидетельство о более чем двадцати годах жизни У Чэн-эня, а написано это предисловие около 1526 года, после окончания начальной школы и поступления в Училище Драконова Потока.

Дарования У Чэн-эня помогали ему заводить дружбу с людьми, которые по общественному положению были много выше него. Перед ним открылись двери домов местных вельмож, они охотно проводили время с даровитым юношей, обладавшим несомненным поэтическим талантом. Если просмотреть поэтическое наследие У Чэн-эня, то окажется, что чуть ли не все сколь-нибудь известные его земляки упомянуты в его стихах. Ему нередко заказывали разного рода литературную работу, ибо слава о его талантах распространилась довольно широко. Известно, что У Чэн-энь был постоянным автором поминальных надписей. Все это приносило и заработок, и относительную известность, хотя бы отчасти скрашивая горечь от несложившейся карьеры ученого-чиновника.

В 1544 году ему, наконец, улыбнулась удача: У Чэн-энь был признан гуншэном уездного училища, то есть получил по результатам испытаний стипендию для продолжения образования в столице. Это было не только признанием его дарований и материальной поддержкой, но также и надеждой: при некотором везении он мог сдать столичный экзамен, открывавший путь к чинам, а кроме того, была еще возможность получить незначительный пост даже без экзаменов. Увы, экзамен в столице У Чэн-энь так никогда и не сдал. А надежда на мелкую официальную должность пока не сбывалась. Но можно было поехать в столицу.

В Пекине У Чэн-энь провел почти восемь лет. Здесь он свел знакомство со многими учеными и литераторами, оказался в гуще литературных споров. Тем не менее он чувствует себя здесь одиноким и несчастным и свою печаль изливает в стихах. Они передают его чувства: он томится в чиновном Пекине, страдает от тяжелого климата, переживает экзаменационные неудачи, тоскует по дому.

Следующий этап жизни У Чэн-эня – пребывание в Нанкине (1554—1558). Он по-прежнему не занимает чиновничьей должности и добывает заработок литературным трудом. В его доме часто собираются певцы и музыканты, а в стихах того времени упоминаются друзья и знакомые, с которыми он нередко устраивает веселые пирушки...

Из Нанкина У Чэн-энь возвращается домой, не оставляя надежды сдать когда-нибудь злополучный экзамен. Титул гуншэна дает ему право время от времени вести уроки в уездном

¹¹ У Чэн-энь ши вэнь цзи (Собрание стихов и прозы У Чэн-эня). Шанхай, 1958. С. 62.

училище, но по-прежнему основной источник его заработка и поглощающее все силы и время занятие – литературная работа.

В 1562 году У Чэн-энь вновь уезжает в Пекин. На этот раз он, видимо, простился с надеждами на успех на экзаменах и мечтает о каком-нибудь незначительном чиновничьем месте. Но только в 1564 году, после многократных просьб и унижений, он добивается более чем скромной должности – помощника начальника уезда Чан-син в провинции Чжэцзян. Вот стихотворение того периода:

Думы мои о надеждах былых и мечтах;
Чиновником стал и погряз в мирской суете.
Что-то давно не слышно из дому вестей;
Чиновник-бедняк, я на жалованье живу.
Ранних цветов вдыхаю в лесу аромат;
Рассветной порой возвещает о чем-то петух.
Душа, как всегда, с вечной природой в ладу:
Мысли текут, и рождаются эти стихи.¹²

Долгожданный пост не принес удовлетворения. У Чэн-энь не поладил с начальником уезда, и служба быстро сделалась ему в тягость. Спустя два года, как написано в официальной хронике уезда, он «встряхнул с отвращением рукавами, оставил пост и возвратился домой».

С 1573 по 1582 год, то есть почти до самой смерти, У Чэн-энь трудился над главным произведением своей жизни – романом «Путешествие на Запад». Умер писатель в глубокой бедности, не успев закончить роман. Видимо, творчество поглощало все его силы, и в последние годы он почти не занимался никакой другой литературной работой. Умирили те, кто знал знаменитого литератора У Чэн-эня, постепенно былая слава блекла, и писатель скончался почти в полной безвестности. Многие его рукописи исчезли. Тем не менее около 1500 года появляется первое собрание его сочинений. Спустя более чем столетие известный ученый У Юйцзинь писал в биографических заметках об У Чэн-эне: «К старости он сделался дряхлым и обеднел, умер без наследников. Цю Ду начал собирать его рассеянные рукописи, а друзья У Чэн-эня предложили свои разрозненные копии. Собрание состояло из четырех цзюаней и одного дополнительного, с предисловием Чэнь Вэньчжу, прозванного Отшельником Пяти Священных вершин...»

Историческое ядро сюжета «Сиюцзи» составляет путешествие буддийского монаха Сюань-цзана в Индию за священными сутрами, которое продолжалось с 629 по 645 год.

Исторический Сюань-цзан был выдающимся человеком своего времени. Он родился в 596 году в Лояне (провинция Хэнань). Его отец был образованным конфуцианцем, а старший брат занимался торговлей и много путешествовал по странам Южных морей, где и приобщился к буддизму. Он часто брал с собой в поездки юного Сюань-цзана. Очевидно, под его влиянием тот вскоре стал буддистом и принял постриг. Перечитав всю переводную литературу по буддизму, Сюань-цзан понял, что постичь сущность буддизма можно только на родине Будды. Он задумал совершить паломничество в Индию и привезти оттуда священные книги, потребность в которых остро ощущалась среди буддистов Китая.

В те годы на выезд из Китая существовал запрет. Но в 629 году Сюань-цзан с группой тибетских купцов тайно покидает родину и отправляется в путешествие, сопряженное с огромными трудностями и лишениями. По пути в Индию Сюань-цзан посетил двадцать четыре государства. В Индии он побывал во всех известных буддийских центрах, встречался со многими

¹² Перевод И. Смирнова.

знаменитыми учителями и проповедниками. В Китай Сюань-цзан вернулся только в 645 году и привел караван в двадцать лошадей, навьюченных буддийскими сутрами (всего 675 книг). Через некоторое время Сюань-цзан возглавил титаническую работу по переводу этих сутр на родной язык, продемонстрировав знания ученого буддиста и талант переводчика. Он организовал специальную школу по подготовке переводчиков буддийского канона и девятнадцать лет сам возглавлял это предприятие.

Император Тай-цзун, благоволивший Сюань-цзану, назначил его сначала настоятелем монастыря Хунфуся (монастырь Великого благословения), а затем – монастыря Цыньсы (монастырь Милосердия и благоденствия), где он пробыл до своей смерти в 664 году. Хоронили его с небывалой пышностью, в процессии приняло участие около миллиона человек, съехавшихся со всего Китая. Свыше тридцати тысяч провели ночь после погребения на могиле Танского монаха¹³. Сколь бы ни было гиперболизировано это описание, очевидно, что хоронили уже не простого смертного, ибо жизнь Сюань-цзана не кончилась с его физической смертью: он продолжал свое земное существование, но уже в качестве легенды.

Итак, путешествие Сюань-цзана в Индию – единственный строго реальный факт, своеобразная точка отсчета для начавшегося после паломничества осмысления сюжета в направлении его художественного воплощения. Даже принадлежавшие самому Сюань-цзану «Записки о Западном крае при Великой Тан» содержат наряду с безусловно достоверными сведениями (описаниями стран, городов, нравов и обычаев) сказочные, а также слухи о событиях явно баснословных. Правда, автор, включая эти сведения в свои «Записки», искренне считал их достоверными, но нас интересует в данном случае соотношение факта и вымысла в любой форме. Важно знать, что ряд деталей в последующих версиях путешествия Сюань-цзана, которые нам представляются очевидным вымыслом, введены в обиход самим Сюань-цзаном. Так, например, в «Записках» упоминается Страна женщин, в которой путешественник, по его признанию, сам не бывал, но о которой слышал: «К юго-западу от земли Фулинь, на острове посреди моря, лежит Западная Страна женщин. Там живут одни женщины, а мужчин нет вовсе...» Интересно отметить, что упоминание Страны женщин связывает «Записки» Сюань-цзана с предшествующей китайской традицией, в частности с «Шаньхайцзин» – «Книгой гор и морей», в которой эта страна кратко описана. У Чэн-энь, включая ее описание в свою книгу, следовал версии Сюань-цзана, расцвечивая ее подробностями из более ранних источников, а также собственной фантазией. То же самое можно сказать и об эпизоде гибели некоторых священных сутр в водах Ганга, когда на паломников, возвращавшихся в Китай, налетел внезапный шквал. В «Сиюцзи» этот эпизод также обрастает красочными подробностями и деталями. Вообще говоря, насыщенность «Записок» фантастическими, сказочными сюжетами – явление далеко не единичное: и в древности, и в Средневековье путешественники бестрепетно соединяли в своих описаниях то, что довелось увидеть им самим, с рассказами, слухами, легендами.

Вряд ли поэтому стоит удивляться стремительному насыщению сюжета о паломничестве в Индию Сюань-цзана элементами фантастики. Это произошло уже после его смерти, когда описания путешествия сделались непременной составной частью его биографий, получивших отчетливый житийный характер. В значительной степени способствовала скорому отделению правды от вымысла (вернее сказать, их тесному переплетению) канонизация Сюань-цзана, как бы санкционировавшая возможность всего необычайного, чуждого обыденности в его жизни и приключениях.

Этими чертами отмечены и самые первые по времени биографии, появившиеся еще при жизни Сюань-цзана, и более поздние. Среди них «Деяния Трипитаки, наставника Сюань-цзана, при Великих Танах», написанная монахом Мин-сяном; биографии Сюань-цзана в «Жизнеописаниях великих монахов» Хуэй-цзяо и в «Дополненных жизнеописаниях великих монахов»;

¹³ Чжоу Се. Сюань-цзан си-ю цзи (Путешествие Сюань-цзана на Запад). Шанхай, 1957. С. 123.

а также «Жизнеописание наставника Трипитаки из монастыря Великого милосердия времен Великих Танов», созданное Хуэй-ли и Янь-цунюм. Это не сохранившееся в Китае произведение было обнаружено в Японии, оно состоит из десяти глав, а отдельные отрывки из него известны (правда, в форме преданий) по своду конца X века.

В «Жизнеописании» вполне достоверно рассказывается о многочисленных препятствиях, которые приходилось преодолевать путешественнику Сюань-цзану. Авторы изображают его существом необычайным, осененным небесной благодатью, а путешествие оказывается предприятием, в котором воплотился небесный промысел.

Постепенно биографические элементы в разного рода описаниях паломничества отступают на задний план; путешествие Сюань-цзана в его историческом облике становится лишь удобным поводом к занимательному, насыщенному приключениями и вымыслом повествованию. Начинается и фольклорное бытование сюжета. К ранним фольклорным произведениям, в основе которых – паломничество Танского монаха, относится «Сказ со стихами о Трипитаке, добывшем при Великих Танах священные книги», отпечатанный в Ханчжоу в XIII веке.

Язык и «Сказа» и «Записок» скорее литературный, нежели разговорный, черты последнего можно встретить лишь в диалогах, тогда как классические сказительские обороты в нем практически отсутствуют. Основной тип описания в «Сказе» – присущее поэзии описание в обобщенной форме, а повествование развивается по принципу простого соединения эпизодов, связанных между собой только единством темы и героев, герои перемещаются в пространстве, и вместе с ними движется сюжет. Вот типичный пример обобщенного описания (в переводе Б. Л. Рифтина): «Путешественники шли еще три дня и увидели городские ворота, наверху было написано: «Индия». Вошли и увидели: на улицах несколько башен, повсюду-повсюду благостный дух; толпы людей, лошадей, паланкинов, туда и обратно снующих; видно только, как дым ароматный стелется-стелется, как плоды и бутоны тяжелы-тяжелы, как вещи и твари там необычны, и редко где увидишь их в мире».

Интересно отметить, что в «Сказе» – наиболее раннем фольклорном памятнике о паломничестве Танского монаха, – главным действующим лицом фактически выступает сказочный Царь обезьян, а не Сюань-цзан, реальная историческая личность. А поскольку Царь обезьян появляется в повествовании без всяких предварительных объяснений как уже хорошо известный знакомый образ, то можно предположить, что этот герой был широко известен задолго до появления «Сказа».

Жанровая неформленность сюжета о паломничестве Сюань-цзана вместе с его бесспорной популярностью привлекла к нему внимание многих китайских драматургов. Появляется драматургическая версия сюжета, в формировании которой уже в Юаньскую эпоху (XIII—XIV вв.) принимают участие многие авторы. Однако ни одна из их пьес целиком до нас не дошла, они сохранились только во фрагментах, известных поздним антологиям. Единственная из сохранившихся драматургических версий путешествия Сюань-цзана, пьеса Ян Цзинсяня, однозначно воспринимается как художественная основа романа У Чэн-эня. Он повторяет целый ряд эпизодов (история младенца, принесенного рекой, Красный ребенок), сохраняет героев (Сунь У-кун, Ша-сэн, Чжу Ба-цзе и пр.). Однако ни одно из дошедших до нас произведений на сюжет паломничества Сюань-цзана не было единственным предшественником «Сиюцзи». Книга У Чэн-эня, словно губка, впитала в себя и оригинальные сюжетные ходы, и фантастические подробности, и заимствовала героев (причем не только главных, но и второстепенных). Однако У Чэн-энь не просто суммировал достижения предшественников. Он создал нечто качественно новое, оригинальное произведение, которым будут зачитываться еще многие поколения читателей – не только у него на родине, но и далеко за ее пределами.

«Сиюцзи» относится к произведениям крупной повествовательной формы. В беллетризованном виде она сложилась в Китае довольно поздно (XIII—XIV вв.). Эволюцию художе-

ственной прозы, которая привела к возникновению крупной повествовательной формы, можно проследить на примере «Сиюцзи».

В самых первых образцах повествовательной прозы, появившихся в Китае на рубеже нашей эры (иногда их называют «древними повестями»), уже был заложен один из конституирующих принципов возникшей несколько веков спустя повествовательной прозы – опора на историческое предание, тесная связь с историческим прототипом.

В Танскую эпоху складывается традиция устного профессионального сказа. Видимо, тогда впервые появились профессиональные рассказчики, исполнявшие произведения, в которых сочетались прозаическое повествование и стихотворные вставки – *бяньвэнь*.

Этот жанр был тесно связан с буддийской проповедью. По мнению многих исследователей, он и возник из устной проповеди для мирян, которая представляла собой чтение буддийских сутр с объяснением терминов и сюжетов (несмотря на существовавшие переводы сутр на китайский язык, они оставались малопонятными неподготовленным слушателям). Со временем отдельные сюжеты сделали своего рода ядром повествования, причем дидактическая сторона последнего отступила перед требованием занимательности стремлением увлечь слушателей.

Связь с буддийскими сутрами сохранилась не только в сюжетах, но и в самой форме *бяньвэнь*, сохранившей типичное для сутр соединение стихов и прозы, причем стихи не только дополняли прозу, но занимали в *бяньвэнь* равноправное положение: в стихах передавались диалоги, а также стихотворные повествовательные отрывки.

Со временем сюжетный арсенал *бяньвэнь* расширился: в них использовались не только буддийские, но и традиционные китайские сюжеты. Постепенно сказители стали обращаться и к мирскому материалу, а ближе к эпохе Сун (X—XIII вв.) истории прошлых династий превратились в обширные историко-эпические повествования. Эти повествования на исторические и героические темы послужили основой для создания в конце сунского периода своеобразных «народных книг» (*пинхуа*). Постепенно, используя накопленный опыт организации крупных повествований в народных книгах, в литературе возникают обширные произведения, жанровую принадлежность которых точнее всего определить термином «роман-эпопея».

Опора на исторически достоверное событие (что вообще характерно для китайской литературы, проникнутой конфуцианским историзмом) была особенно необходима новым, нарождающимся жанрам, которым требовалось отвоевать себе место в жестко фиксированной жанровой системе китайской средневековой словесности. История паломничества в Индию, какими бы фантастическими подробностями она ни обрастала, сохраняла прочную связь с реальным путешествием за священными книгами, а личность Сюань-цзана – уже в ореоле легендарной святости – как бы дополнительно санкционировала правомочность сюжета.

Тип повествования, избранный У Чэн-энем, требовал, в отличие от исторически достоверных описаний путешествия в Индию, дополнительной сюжетной скрепы. Ею стала числовая символика, согласно которой Сюань-цзану отмерено в его паломничестве восемьдесят одно испытание: во-первых, искупление за грехи в предыдущих рождениях; во-вторых, своеобразная метафора мистического акта постижения вечной истины. (Об этом в конце книги напоминает бодисатва Гуаньинь: «Как же так! Ведь по учению Будды, чтобы войти во врата Истины и сделаться праведником, надо претерпеть девять раз по девять страданий, а этот монах перенес лишь восемьдесят злоключений – не хватает еще одного!» (гл. 99)).

Таким образом, сюжет «Сиюцзи» развивается как бы в двух планах: событийном и метафорическом. Оба эти плана тесно переплетены и взаимно мотивируют друг друга, хотя мистический план, выходя за пределы собственно «романного» времени (ибо он связывает нынешнее существование Сюань-цзана с событиями его предыдущих жизней), имеет в глазах средневекового читателя более важное значение. В самом деле, если бы не было мистической предопре-

деленности, Сюань-цзан не отправился бы за священными книгами или не сумел бы их добыть. Тот факт, что в судьбе «романного» Сюань-цзана присутствует целенаправленная внешняя воля, совершенно не воспринимается как фантазия У Чэн-эня, как произвольное искажение биографии реального Сюань-цзана. Во-первых, вся шестисотлетняя эволюция сюжета происходила в направлении все более фантастической его интерпретации; во-вторых, даже применительно к историческому Сюань-цзану почти невозможно было говорить об отсутствии предопределения: иначе его постигла бы неудача.

Опираясь на опыт предшественников, заимствуя и подражая, У Чэн-энь сумел создать новую художественную реальность, и книга его по мастерству и совершенству не имеет себе равных среди односюжетных произведений. Поэтому, сколь ни велика зависимость автора от традиции исторической прозы или «рассказов о необычайном», буддийских *бяньвэнь*, сунского сказа, юаньской драмы или минской повести, мы вправе говорить об У Чэн-эне как о создателе книги, а о «Путешествии на Запад» – как о произведении авторском.

Он соединил в одном произведении разнообразные сюжетные версии, главных и второстепенных героев, бытовавших дотоле порознь, стилистически противоречивые пласты лексики, соединил прозу со стихами – и хотя многое из составившего книгу не принадлежит ему как писателю, в художественном произведении элементы не просто суммируются, и потому У Чэн-энь – бесспорный создатель книги.

Исследователи творчества У Чэн-эня до сих пор не пришли к единому мнению относительно жанра созданного им произведения. Здесь следует подчеркнуть, что вообще жанровая принадлежность – определяющий признак для всякого произведения средневековой словесности, в значительной мере более важный, чем авторская индивидуальность, ибо именно жанр диктует создателю произведения форму организации сюжета – композицию. В устоявшихся жанрах набор композиционных моделей задан, как правило, более жестко, чем в жанрах складывающихся. Однако и в последнем случае не может быть и речи о произвольном выборе композиции произведения. К моменту появления «Сиюцзи» крупная повествовательная форма в Китае еще переживала период становления. Поэтому не удивительно, что одни исследователи литературы этого периода не выделяют авторские повествования из фольклора и называют такие произведения, как «Троецарствие», «Речные заводи» и «Сиюцзи», – «народными книгами» (Л. Д. Позднеева); другие же безоговорочно причисляют их к жанру романа (В. И. Семанов), уточняя жанровую характеристику определениями «исторический» и «фантастический». Нам представляется, что, определяя жанровую характеристику «Сиюцзи», наиболее точно будет назвать его романом-эпопеей.

Согласно М. Бахтину, предметом эпопеи служит национальное эпическое прошлое, а ее источником – национальное предание (а не личный опыт и вырастающий на его основе свободный вымысел). Кроме того, Бахтин подчеркивает, что эпический мир отдален от современности, то есть от времени автора – абсолютной эпической дистанцией¹⁴.

По вышеперечисленным параметрам «Сиюцзи» как будто можно отнести к эпическому жанру. В самом деле, историческое паломничество Сюань-цзана обрело за прошедшие столетия характер легендарный, почти баснословный; личность Танского монаха существовала в ореоле святости, обретенной на героическом поприще, и стояла в одном ряду с наиболее известными эпическими персонажами типа героев «Троецарствия». Однако, при несомненном наличии «глобальных» эпических черт, в книге У Чэн-эня обнаруживаются и другие, не менее «жанроопределяющие» характеристики, но уже иного, частного порядка. Как отмечает П. А. Гринцер, «в фантазмагории приключений героев «Путешествия на Запад» ... нетрудно

¹⁴ Бахтин М. М. Эпос и роман – *Он же*. Вопросы литературы и эстетики. М., 1986. С. 456.

усмотреть специфические для жанра романа пародийные черты»¹⁵. Именно это качество, не развитое еще во всей полноте, нарушает эпическую дистанцию, делает смешными некоторые поступки героев, порой разрушая героический ореол эпического Сюань-цзана. Далее П. А. Гринцер пишет: «Китайские романы-эпопеи... находятся, говоря словами М. Бахтина, «на границе между эпосом и романом, но все же отчетливо переступают эту границу в сторону романа»¹⁶. Трудно сказать, какие черты – эпические или романские – преобладают в художественной ткани «Сиюцзи». Нам было важно указать на двуединую природу этого произведения, с тем, чтобы на основании этого двуединства будущие исследователи могли рассматривать художественные особенности книги У Чэн-эня.

Организация повествования в книге У Чэн-эня крайне проста. Подавляющая часть книги (как минимум 87 глав из 100) представляет собой последовательное, происходящее во времени или пространстве чередование эпизодов. При очевидной установке автора на занимательность повествования, на уровне композиции эта установка практически не реализуется. Начальные главы, содержащие историю Сунь У-куна, лишь в незначительной мере усложняют композицию, не нарушая, однако, избранного автором последовательного во времени чередования эпизодов. Сюжет о Сунь У-куне только отдаляет в мифологическое прошлое исходную точку разворачивания повествовательной хронологии.

Отсутствие стремления усложнить композицию объясняется особенностью сюжета, положенного в основу повествования. Как и любой эпический сюжет, сюжет о паломничестве в Индию был сам по себе почти лишен всякой занимательности, ибо был прекрасно известен читателям. Исследуя эту особенность эпических сюжетов, М. М. Бахтин подчеркивал: «Специфический «интерес конца» в отношении эпического материала абсолютно исключен как по внутренним, так и по внешним мотивам (сюжетная сторона предания была заранее вся известна). Специфический «интерес конца» (чем кончится?) и специфический «интерес продолжения» (что будет дальше?) характерны только для романа...»¹⁷

В нашем случае читатель не сомневался, что Сюань-цзан добудет сутры и привезет их в Китай – «интерес конца» снят этим начисто. Однако при отсутствии интереса к тому, *что* случится, остается интерес к тому, *как* все это произойдет. Этот аспект повествования автор и стремился сделать как можно более занимательным, вот почему на нем, а не на общей композиции У Чэн-эня и сосредоточил свое внимание. Поэтому в первую очередь писателя интересует композиция отдельного эпизода, а не композиционное соположение эпизодов между собой. Поэтому эпизод, как правило, либо равен главе, либо меньше главы и очень редко выходит за ее пределы.

Все повествование организуется как бы на трех параллельных уровнях, имеющих сходные композиционные модели. Первый уровень, событийный, наиболее тесно связан с каноническим сюжетом о паломничестве на Запад; на этом уровне происходит основное действие. Композиция этого уровня – цепь эпизодов, которые образуют путь паломников; цель – Индия и священные книги. Второй уровень, мотивировочный, состоит из череды препятствий, число которых задано заранее: 81. Если на первом уровне паломники могут надеяться избежать препятствий, не столкнуться с врагом и т. п., то на втором уровне избежать запланированного свыше испытания невозможно. Наконец, третий уровень, мистический, обеспечивает мотивировку не отдельных эпизодов, а всего сюжета, вообще земного бытия героев. На этом уровне заранее предусмотрено все: автор еще только рассказывает историю Сунь У-куна, и о паломничестве как будто бы никто еще ничего не знает, а уже говорится следующее: «По окончании

¹⁵ Гринцер П. А. Две эпохи романа. – Генезис романа в литературах Азии и Африки. М., 1980. С. 24.

¹⁶ Там же. С. 26.

¹⁷ Бахтин М. М. Там же. С. 474.

срока наказания (Сунь У-куна. – А. Р.) сюда прибудет тот, кому предназначено освободить обезьяну... волею Будды отправится он (Сунь У-кун. – А. Р.) на Запад... В конце концов отринет гнет Будды – только бы дождаться, когда при Танской династии появится святой монах» (гл. 7).

По существу, по этим уровням распределены и роли, отведенные героям произведения. Так, Сюань-цзан, наиболее однозначная фигура повествования, реально деятелен только на первом, событийном, уровне: он в состоянии преодолеть самостоятельно (и то не всегда) самые примитивные препятствия – холод, неудобства, тяготы пути, которые не входят в заданное число 81. Второй уровень, соответствующий как раз сакральному набору испытаний, – это уровень действий чудесных помощников Танского монаха. Именно на этом уровне оправдывается их участие в паломничестве; главную роль здесь играет Сунь У-кун. Он же осуществляет связь с высшим, третьим, уровнем, где его собственных сил оказывается недостаточно и он призывает на помощь самого Будду, который и оказывает через своих помощников (бодисатв) поддержку паломникам.

Интересно, что композиционное завершение в рамках «Сиюцзи» получают только два первых уровня. Третий не имеет ни истока, ни итога. На первом уровне традиционный сюжет получает вполне каноническую концовку: император Тай-цзун встречает Сюань-цзана, который вернулся из паломничества. Завершается этот сюжетный и композиционный уровень сценой чтения священных книг, неожиданно прерванной появлением посланцев Будды, прибывших за Сюань-цзаном и его спутниками. Интересно отметить, что это неожиданное по видимости появление восьми хранителей Будды на самом деле вполне предугадано Танским монахом. Очевидно, что для него приказ – «положи священные книги и тетради, ты, собирающийся их читать!» – отнюдь не был неожиданным, и он готов был его услышать. Поэтому, не мешкая ни минуты, «находившиеся внизу у помоста Сунь У-кун и остальные ученики Танского монаха, а также белый конь, тут же, прямо с земли, поднялись в воздух. Танский наставник, оставив священные книги, тоже поднялся на воздух... и вознесся на девятое небо. Император Тай-цзун и его многочисленные придворные пришли в полное замешательство...» Так происходит композиционное завершение событийного сюжета с одновременным переходом на следующий уровень повествования. Дополнительным знаком этого перехода служат стихи, в которых впервые после возвращения паломников в Китай упоминается не только о трудностях, связанных с дальней дорогой, но и об испытаниях, условно отнесенных нами ко второму уровню: «Преодолею восемьдесят испытаний, а потом еще одно...» Таким образом, все дальнейшее происходит пред ликом Будды, который и объясняет первопричину всех событий. «Праведный монах, – молвил Будда Татагата, – в прошлой своей жизни ты был моим вторым учеником и носил имя Золотой кузнечик. Но так как ты не хотел слушать моих поучений и отнесся невнимательно к нашему великому учению, я понизил тебя и в наказание направил в восточные земли. Ныне, к моему великому удовольствию, ты обратился к истинному учению, строго соблюдаешь его, отправился за священными книгами и весьма отличился, совершив подвиг. За это я повышаю тебя в должности и жалую тебе звание Будды Добродетельных заслуг сандалового дерева». Высоких наград удостоились и спутники Танского монаха. Так композиционно завершается действие и на втором, мотивировочном, уровне и переходит на третий, мистический, который разомкнут и не имеет умопостигаемого конца. «Вот и достигли наши путники истинного перерождения» – эти слова, скорее, указывают на начало нового пути: «Взысканы милостью Будды паломники, достигли врат Пустоты».

Наши соображения об общей композиции «Сиюцзи» будут неполными, если не сказать несколько слов о композиционной роли стихов применительно к общей композиции произведения.

Особую композиционную роль играет стихотворение, открывающее книгу. Это – своеобразная рамка текста, отграничивающая художественный вымысел от действительности, отмечающая начало повествования. Как отмечает Ю. М. Лотман, «для многих мифов или текстов

Средневековья будет характерна повышенная роль начала как основной границы. Это будет соответствовать противопоставлению существующего как сотворенного – несуществующему. Акт творения-создания есть акт начала»¹⁸.

Хаос первичный единым был,
С небом сливалась Земля.
Простор без границ, безбрежная ширь,
Людей нигде не видеть.
С тех пор как хаос Паньгу всколыхнул,
И Небо воздвиг над Землей,
И замутненность от чистоты
Уразумел отличить, —
Небо, Земля, мириады существ,
Внемля законам благим
И на стезю добродетели став,
Все к совершенству пришли.
Если свершение творческих сил
Вы хотите познать, —
О многотрудном на Запад пути
Надобно повесть прочесть.

Это – граница текста и вместе с тем указание на его практически бесконечную (если иметь в виду третий, мистический, уровень) открытость: повествование рассматривается как почти случайный эпизод в жизни, истоки которой в предвечной дали времен. Завершается текст «Сиюцзи» тоже стихами со сходной функцией: они замыкают текст, обрамляют его и дают ему временную перспективу, помещая события книги в поток жизни.

Если задаться вопросом о соотношении прозы и стихов в «Сиюцзи», то наиболее правильно, на наш взгляд, следует считать его некой промежуточной формой между *бяньвэнь* (равноправие стихов и прозы) и «народной книгой» *пинхуа*, в которой поэзия явно подчинена прозе. Повествование, развитие сюжета движутся в «Сиюцзи» почти исключительно посредством прозаических фрагментов; редко встречающиеся стихотворения, которые имеют повествовательную функцию, не двигают сюжет вперед, а рассказывают о прошлых событиях. Вместе с тем описания даются почти всегда в стихотворной форме, и без этих описаний книга потеряла бы существенную часть своей художественной привлекательности.

«Сиюцзи» стилистически неоднородно. Рядом с чисто фольклорными стилевыми чертами оказываются слова и выражения, явно пришедшие из высокой словесности. В книге имеются и исторические экскурсы, но они далеки от сухого изложения исторических фактов, исполнены поэзии и воссоздают образы далекого прошлого с большой художественной убедительностью.

Речь персонажей «Сиюцзи» социально значима: пласты литературного языка, насыщенного высокопарными выражениями, ссылками на историю или литературу, перемежаются простонародными речениями, вульгаризмами, диалектными выражениями и оборотами.

Язык «Сиюцзи» свидетельствует о том, что его автор был подлинным народным писателем, талантливо использовавшим огромное богатство китайской речи и показавшим настоящее мастерство в употреблении самых разнообразных пластов лексики. Поэтому произведение У Чэн-эня можно с полным основанием считать новой страницей в развитии китайской

¹⁸ Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., С. 260. 1970.

литературной речи, в которой органически сочетается богатство народного языка с книжным, литературным слогом.

В книге У Чэн-эня масса действующих лиц. Дать их подробное описание не представляется возможным, поэтому мы попытаемся охарактеризовать только главных героев повествования (Сюань-цзана, Сунь У-куна и Чжу Ба-цзе), лишь попутно касаясь второстепенных персонажей.

Образ Танского монаха в наибольшей степени связан с историческим сюжетом о паломничестве в Индию и, разумеется, со своим прототипом – Сюань-цзаном. За те века, что отделяли исторического Сюань-цзана от времени У Чэн-эня, возникшая на основе реального путешествия легенда превратилась в популярный сюжет. Поэтому, создавая образ Сюань-цзана, писатель и опирался на легенду, и средства выбирал, достойные легендарной личности. Предыстория Сюань-цзана, то есть все, что предшествовало его паломничеству, – типично житийное повествование, созданное в традициях агиографической литературы конфуцианского толка. Необыкновенное рождение, высокое предопределение, добродетельные родители и сам почтительный сын, ревностный буддист, стремящийся к постижению Истины, – все это клише житийной литературы. В рамках жития и избрание Сюань-цзана паломником за священными книгами, причем выбор делают и бодисатва Гуаньинь, и Танский император – сбывается предсказание Духа Южной полярной звезды.

Однако по ходу развития сюжета У Чэн-энь постепенно демифологизирует своего героя, откровенно показывая все присущие ему чисто человеческие слабости и недостатки. Ибо писатель поставил перед собой задачу создать образ живого человека, которому не чуждо ничто человеческое. Вероятно, именно поэтому и подчеркнута связь чудесного рождения и воспитания Сюань-цзана – особенно через историю его отца – с традицией конфуцианских жизнеописаний, которые, не отвергая чудеса, во главу угла всегда ставили сугубо земные, практические дела и поступки людей.

Попытка воплотить в образе Сюань-цзана природу человека имела очень важное следствие. У Чэн-энь попытался создать не маску, а характер. Вместо канонической фигуры из легенды, с набором раз и навсегда заданных свойств, перед нами – человеческий характер, живой, противоречивый, способный не только поддаваться слабостям и искушениям, но и мужественно и самоотверженно бороться с ними. Когда Сюань-цзан проявляет слабость и откликается на зов искавшей его девы-оборотня, У Чэн-энь стремится объяснить читателю, что именно испытывал при этом Танский монах, дабы читатель мог поставить себя на его место: «Этот ответ он вырвал из себя, словно кусок живого мяса. Почему же тот, кого все считали прямодушным, удостоенным чести идти за священными книгами на Запад, в райскую обитель Будды, на этот раз все же откликнулся на зов обольстительной девы? Кто так спросит, тот, значит, никогда не бывал на грани жизни и смерти. На зов ответили уста Сюань-цзана, а сердце его молчало...» (гл. 82). Ничего подобного не было ни в устном сказе, в котором всегда доминировали четкие амплуа, ни эпопея, где действовали могущественные героические личности, четко разделенные на «хороших» и «плохих».

Если в многоплановом произведении У Чэн-эня Танский монах воплощает «земной» план, то второй главный герой, Царь обезьян (Сунь У-кун), принадлежит к совершенно иному миру. Его образ в значительной мере служит своеобразным дополнением к образу Сюань-цзана, подобно тому, как слабости последнего оттеняют почти безграничное могущество Сунь У-куна. Многие исследователи подчеркивали именно противостояние двух образов, их полярность – при явном преимуществе Сунь У-куна. Однако не менее плодотворным может оказаться и поиск точек соприкосновения, ибо автор не только выявляет их несходство, но и ясно показывает, насколько беспомощны они друг без друга, насколько важно им двигаться к вожденной цели вместе, вопреки всему тому, что их разъединяет.

Образ Сунь У-куна – Царя обезьян – безусловно, самый яркий в книге. В него писатель вложил все свое мастерство. Здесь он не был связан с историческим прототипом, однако и этот образ существовал в китайской словесности до «Сиюцзи».

Некоторые исследователи считают прообразом Сунь У-куна героя индийского эпоса «Рамаяна» – обезьяньего царя Ханумана. Так, например, Чжэнь Чжэньдо пишет: «Хануман – могущественная мудрая обезьяна, помогающая людям (...) Этот литературный персонаж наравне с богом Рамой известен каждому жителю Индии. Мы не можем точно установить время, когда сведения о Ханумане проникли в Китай. Однако в созданном еще при Сунах «Сказании о паломничестве Трипитаки за священными книгами» уже появляется обезьяна в образе ученого в белых одеждах, выразившая готовность охранять Трипитаку во время путешествия... Разве это не напоминает помощь Ханумана богу Раме в его борьбе с демонами? Возможно, что и сцена под названием «Мятеж в небесных чертогах» представляет собой переосмысленную на новой почве историю бунта Ханумана во дворце демонов»¹⁹.

В родословной Сунь У-куна, как и в биографии Сюань-цзана, разрабатывается мотив чудесного рождения, однако в мифологизированном варианте. У Чэн-энь явно моделировал чудесное рождение своего героя на основе китайской мифологии, где самозарождение – основной способ появления мифического персонажа. Однако вершина мифологизации образа Сунь У-куна – его выступление против небесных сил, отмеченное явными богоборческими чертами. Вместе с тем мятеж – это тот предел, далее которого могущество Сунь У-куна распространяться уже не должно. Волей Будды Сунь У-куну определено его место: между землей (ибо он превзошел могуществом всех земных существ) и небом (хотя многие небесные существа и потерпели в битве с ним поражение, все же Будду Сунь У-кун одолеть не смог). Так, Сунь У-кун вписался в строгую иерархию обитателей неба и земли, а заодно и получил цель существования: «в путешествии на Запад сопутствовать Танскому монаху», предварительно проведя пятьсот лет под горой Усишань в наказание за свои преступления.

Сунь У-кун – воплощение не только могущества, без которого Сюань-цзан непременно бы погиб в схватках с демонами и оборотнями, но и веселости, озорства, комической стихии «Сиюцзи». Его шутки и проделки придают повествованию живость, легкость, оттеняя серьезность главной цели паломничества.

Сколь бы ни были разнообразны черты, присущие Сунь У-куну, его образ в «Сиюцзи» привлекателен не многогранностью характера, а воплощенной в нем идеей героизма, неукротимой жаждой свободы. Сунь У-кун – это своеобразная театральная маска с заданным амплуа; не случайно Царь обезьян – популярнейший сценический персонаж. Описывая его, У Чэн-энь чаще, чем в портретах Сюань-цзана, прибегает к фольклорным клише: подобные герои всегда занимали важное место в повествованиях народных сказителей.

Чжу Ба-цзе, как и другие паломники, в прошлом существовании провинился и был наказан небом. Некогда он выпил лишнего на небесном пиру и повел себя непристойно с небожительницами. Его сослали на землю, где он должен был принять облик новорожденного, но по ошибке он попал в утробу свиньи. Основные черты его характера – грубость, лень, сластолюбие и невежество. В целом на протяжении всего путешествия он сохраняет эти черты в неизменном виде. Чжу Ба-цзе стал монахом случайно, на этом, в сущности, и строится комизм его образа: он как будто специально обладает теми качествами, которые не пристали монаху, – страстью к обжорству, похотью и пр. Однако главное в образе Чжу Ба-цзе – его подчеркнутая приземленность, практичность. Несмотря на лень, в крестьянском труде он далеко не последний. Даже став учеником Танского монаха, Чжу Ба-цзе продолжает заботиться о хозяйстве тестя, старается обеспечить благополучие жены. В трудных ситуациях Чжу Ба-цзе не теряет присутствия духа, старается пошутить, подбодрить себя и спутников, ему присущ грубоватый народный

¹⁹ Чжэнь Чжэньдо. Сию цзи дэ яньхуа (Эволюция «Путешествия на Запад»). – Вэньсюэ. Т. I. 1933, № 4. С. 573.

юмор. И в мыслях, и в шутках Чжу Ба-цзе как бы реализует семантическую связь своего имени с едой, с насыщением, в его характере резко гиперболизированы «материально-телесные образы, в особенности образы еды и питья» (М. М. Бахтин).

Если рассматривать «Сиюцзи» как художественно гармоническое сочетание приземленности и возвышенности, то в Чжу Ба-цзе воплотился как раз дух грубой приземленности, впрочем, далеко не всегда подвергающейся авторскому осуждению; У Чэн-энь говорит о Чжу Ба-цзе с мягким юмором, хорошо понимая распространенность и жизнестойкость подобного типа.

В художественной системе «Сиюцзи» Чжу Ба-цзе своими качествами – и внешними, и внутренними – призван оттенить свойства других героев, образовав вместе с ними своеобразное целое, некий собирательный образ, набранный из разнородных качеств всех остальных героев. В коллективном портрете действующих лиц «Сиюцзи» Чжу Ба-цзе отведена роль грубого и неказистого, но необходимого фона, он – яркий пример «титанической гиперболы реальности» (М. М. Бахтин).

Едва ли возможно в пределах краткого очерка охватить все стороны такого широко-масштабного произведения, как «Сиюцзи». Если принять за точку отсчета записки исторического Сюань-цзана, то за девять веков сюжет паломничества претерпел серьезную эволюцию. В результате только центральная сюжетная линия – своеобразный стержень всех произведений – сохранилась в книге У Чэн-эня. Мы не можем с определенностью назвать конкретные источники тех или иных эпизодов «Сиюцзи»: слишком неполон ряд известных нам сочинений-предшественников. Безусловно, во времена У Чэн-эня таких сочинений было значительно больше. Как бы то ни было, но тот факт, что писатель на столь обширном и разнородном материале сумел проявить свою творческую организующую волю, сплавив все это многообразие в единый художественный текст, свидетельствует о его выдающемся мастерстве. У Чэн-энь мастерски завершил эволюцию популярного сюжета о паломничестве созданием произведения, в котором главенствуют вымысел, фантазия художника, яркие художественные образы – то, что отличает литературу от ее жизненного прототипа.

**Глава первая,
которая расскажет вам о том, как в чудесном
камне зародилась жизнь и как появившееся
на свет существо, благодаря стремлению к
самоусовершенствованию, постигло Великое учение**

Стихи гласят:

Когда владел вселенной хаос²⁰ темный,
То покрывали весь простор огромный
И мрак, и мгла, и мутная вода,
Людского не виднелось здесь следа.

С тех пор, когда Пань-гу²¹ в порядок стройный
Привел начальный хаос беспокойный,
Земля и Воздух им разделены
И каждому созданию даны.
Так почвою земля отныне стала, И небо распростерло покрывало;
За эту милость тварь благодарит, Все принимает совершенный
вид.

Пусть тот, кто пожелает разуменья
Великого потока становленья,
«На Запад путешествие» возьмет,
Внимательно и тщательно прочтет!²²

Говорят, что жизнь вселенной исчисляется циклами. Полный цикл длится 129 600 лет. Цикл в свою очередь делится на двенадцать периодов, или двенадцать земных ветвей: Цзы, Чоу, Инь, Мао, Чэнь, Сы, У, Вэй, Шэнь, Ю, Сюй и Хай. Продолжительность такого периода 10 800 лет.

Если говорить о периодах применительно к суткам, то мы узнаем, что каждый период длится два часа. В период Цзы (между 11 часами вечера и часом ночи) появляется положительное начало созидания;²³ в период Чоу раздается пение петуха. Когда наступает Инь, еще не светает, а во время Мао уже всходит солнце. Период Чэнь приходит после того, как люди поедят, а в период Сы приводятся в порядок дела. Полдень приходится на У, во время Вэй солнце начинает катиться на запад, в период Шэнь день уже клонится к вечеру. В период Ю

²⁰ Хаос. – По китайской натурфилософии, первоначально в мире существовал хаос. Потом светлые частицы поднялись вверх, и образовалось небо, а тяжелые частицы опустились вниз, и образовалась земля.

²¹ Пань-гу – первый человек. По преданию, создал вселенную. Он отделил небо от земли и сделался первым правителем мира. Для завершения этой задачи ему потребовалось 18 000 лет, после чего он исчез, растворившись во вселенной.

²² С первой по десятую главу включительно (кроме некоторых страниц) стихи в обработке Н. Павлович.

²³ По натурфилософским воззрениям древних китайцев, изложенным в «Ицзине» («Книге перемен»), вся жизнь и развитие в природе происходят на основе борьбы противоположных сил *Инь* (женское, темное начало) и *Ян* (мужское, светлое начало), и на круговороте пяти основных элементов, из которых состоит мир: вода, огонь, дерево, металл, земля. Взаимодействие этих пяти элементов представляется в виде преодоления одного элемента другим: дерево преодолевает землю, земля преодолевает воду, вода преодолевает огонь, огонь преодолевает дерево и т. д. Все земные предметы и явления относятся к сфере действия какой-нибудь из этих пяти стихий.

солнце заходит за горизонт, когда наступает Сюй спускаются сумерки, и в период Хай все люди отходят ко сну.

Если теми же периодами исчислять историю мироздания, то происходит следующее. К концу периода Сюй вселенная погружается во мрак, и для всех живых существ наступают бедствия. По истечении 5400 лет, в начале периода Хай, не остается даже следов человека. Все окутано мраком. Поэтому-то и называют период Хай царством хаоса. Но проходит еще 5400 лет, и перед концом периода Хай появляются признаки чистоты, а при приближении периода Цзы начинается постепенное просветление. Об этом периоде Шао Кан-цзе²⁴ говорит так:

По середине Цзы
Зима была бессменно,
И неподвижно
Замер центр вселенной.
С движеньем
Животворного начала
Явленье жизни
Вэй знаменовало.

Только в этот период возникают признаки образования неба. Через следующие 5400 лет, в период Цзы, чистые пары возносятся вверх и появляются солнце, луна, звезды и разные созвездия, называемые четырьмя видами небесных светил. Недаром говорят, что небо появилось в период Цзы.

По истечении следующих 5400 лет, когда период Цзы уже завершается и приближается период Чоу, начинает появляться твердь. Вот что написано об этом в книге Ицзин²⁵.

Нет меры беспредельности небесной,
О, как земля огромна и чудесна!
Законы неба держат в подчиненье
Всего живого в мире зарожденье.

К этому времени масса земли начинает сгущаться, постепенно затвердевает. Проходит еще 5400 лет, и в период Чоу твердеющая масса опускается; образуются вода, огонь, горы, камни, земля – пять элементов²⁶, которые получили название пяти стихий. Поэтому и говорят, что земля появилась в период Чоу.

Через следующие 5400 лет период Чоу кончается, и с наступлением периода Инь на земле зарождается жизнь. Вот что написано об этом времени в календаре:

Дух неба опустился с высоты,
И к небесам свой дух земля послала,
От сочетанья неба и земли
Живого на земле первоначало.

В период Чоу небо полностью отделяется от земли и силы Ян и Инь – положительного и отрицательного начал – приходят во взаимодействие. Проходит еще 5400 лет, и наступает

²⁴ Шао Кан-цзе, он же Шао Юн (1011—1077 гг.). Ученый Сунской эпохи (960—1278 гг.). Комментатор книги Ицзин.

²⁵ Ицзин – книга Перемен. Третья книга Конфуцианского Пятикнижия.

²⁶ *Пять элементов природы.* – По китайской натурфилософии – пять первоначальных элементов: металл, дерево, огонь, вода и земля, от взаимодействия которых произошла вся вселенная.

период Инь. В этот период появляются живые существа и человек. Недаром говорится, что к этому времени три начала – Небо, Земля и Человек – заняли свои места. Вот почему и говорят, что человек появился в период Инь.

После того как Пань-гу преобразовал первобытный хаос на земле, три императора устроили мир, а пять императоров установили отношения между людьми²⁷. Земля разделилась на четыре больших материка: Пурравидеха, Джамбудвипа, Го-данья и Курудвипа²⁸. Но в нашей книге речь пойдет лишь о материке Пурравидеха.

Была за морем страна и называлась она Аолайго. Страна эта прилегала к великому морю, посреди которого возвышалась Гора цветов и плодов. Она образовалась после того как отделились друг от друга небо и земля и был положен конец хаосу. От этой горы шли подземные жилы²⁹, питавшие десять больших островов и являвшиеся источником благоденствия трех малых островов, населенных небожителями.

Это была поистине чудесная возвышенность, доказательством чего служит хвала, которую ей воздали в стихах:

Она по положенью своему
Владычицею стала над морями,
По грозному величью своему
Над бурными господствует морями.

Волн перламутр смиряется пред ней,
Но если волны серебристо-серы,
И кажутся горами серебра,
То рыбки робко прячутся в пещеры.

Когда ж она в величии сном
Встает державно, над волной зеленой,
Чудовище, живущее на дне,
Вдруг выплывает из морского лона.

И дерева стихии, и огня
Взлетают ввысь, зияет море щелью,
Здесь вся гора в обрывах страшных скал,
Здесь красные, глубокие ущелья.

Здесь фениксов четы всегда поют,
Уходят ввысь заостренные пики,
А у подножья гор лежит Цилинь³⁰,
Фазанов золотых не молкнут крики.

²⁷ Три мифических императора – Фу-си, Шэнь-нун и Хуан-ди и пять императоров, живших, по преданию, в 2952 – 2205 гг. до н. э.

²⁸ По буддийской космологии, в центре плоской земли возвышается огромная гора Сумеру, по сторонам которой расположены *четыре больших материка*. Санскритские названия этих материков следующие: 1) к востоку от горы – Пурравидеха; 2) к югу – Джамбудвипа, 3) на западе – Годанья и 4) на севере – Курудвипа.

²⁹ По представлениям древней космологии, под землей проходят драконовы *жилы*, которые представляют собой «магнетические, подземные соки», питающие почву животворной влагой.

³⁰ *Цилинь* – одно из четырех сказочных животных (Единорог, Феникс, Черепаха и Дракон), обычно переводится Носорог. Символ счастья и благополучия. Имеет тело оленя, хвост быка, один рог; покрыт чешуей. Ногами он не касается ничего живого, даже травы. Его рог оброс мясом в знак того, что хотя он и готов к бою, но предпочитает мир.

И часто можно видеть у пещер
Драконов, выходящих и входящих,
И можно встретить оборотней лис,
Оленей долговечных в горных чашах.

И птицы там разумные живут,
Там аист мудрый, там прекрасны сосны,
В цветенье вечном редкие цветы,
И персики волшебю плодоносны.

И кажется весенним кипарис,
А на бамбуке задержались тучи,
Всегда свежа и зелена трава,
В долинах горных – сеть лиан могучих.

Поистине возможно говорить,
Что многих рек здесь чудное скрещенье,
Что эту гору – корень всей земли —
Не возмутят стихийные волнения,

Что бедствия бессильны перед ней,
Она стоит твердыней непреклонной,
Поддерживая весь небесный свод,
Как непоколебимая колонна.

На вершине Горы цветов и плодов стоял волшебный камень, высотой в три чжана³¹ шесть чи и пять цуней и окружностью в два чжана и четыре чи. Три чжана, шесть чи и пять цуней составляют триста шестьдесят пять цуней, что соответствовало тремстам шестидесяти пяти дням, в течение которых происходит смена года на земле. Два чжана и четыре чи составляют двадцать четыре чи, что соответствует двадцати четырем периодам года, указанным в императорском календаре. На горе было девять углублений и восемь отверстий, что соответствовало восьми триграммам³² и девяти гунам³³ в исчислении.

Вокруг этого камня не росли деревья, которые могли бы защитить его от горячих лучей солнца, однако там зеленела душистая трава и цвели чудесные цветы чжи-лань, приносящие долголетие.

Прошло много времени, и вот небо и благоухания земли, животворная энергия солнечных лучей и сияние луны словно вдохнули жизнь в скалу, и она зачала чудесный плод. Однажды скала эта раскололась и произвела на свет каменное яйцо величиной с мяч. Под действием ветра это яйцо постепенно развивалось и наконец превратилось в каменную обезьяну, наделенную всеми пятью органами чувств и четырьмя конечностями. Обезьяна сразу же выучилась карабкаться и бегать.

³¹ Чжан – мера длины, равная 3,2 метра, ч ж а н равен 1 чи; 1 чи равен 10 цуням.

³² *Восемь триграмм (ба-гуа)*, или восемь первоэлементов. – Согласно древним китайским материалистическим воззрениям, из восьми триграмм состоит природа. Эти первоэлементы, или триграммы, изображаются в виде трех линий, или черт, целых и прерывистых. Восемь триграмм являются символами неба, земли, огня, воды, озера, ветра, горы и грома. Триграммы, комбинируясь в определенном порядке, составляют шестьдесят гексограмм.

³³ *Девять гунов* – девять дворцов, расположенных по цвету в соответствии с делениями круга, относящимися к ба-гуа (восьми триграммам): 1) белый – север; 2) черный – юго-запад; 3) голубой – восток; 4) темно-зеленый – юго-восток; 5) желтый – центр; 6) белый – северо-запад; 7) красный – запад; 8) белый – северо-восток; 9) пурпурный – юг.

Прежде всего она поклонилась на все четыре стороны и, совершая поклоны, устремила свой взор вдаль. Сверкавшие золотом лучи ее глаз достигли дворца созвездия Полярной звезды³⁴, и сияние этих лучей так встревожило священного властителя неба – всемилостивого высочайшего Нефритового императора³⁵, восседавшего в это время в тронном зале в высших сферах неба в окружении священных сановников, что он приказал своим придворным Всевидающему глазу и Всеслышающему уху открыть Южные ворота неба и разузнать, что происходит.

Выполняя приказ своего повелителя, оба небесных сановника вышли за ворота, тщательно все осмотрели, прислушались и, возвратившись, доложили:

– По вашему повелению мы установили, что золотистый свет исходит из страны Аолайго, расположенной на материке Пурравидеха, в восточной части моря. Там стоит Гора цветов и плодов, а на ней священная скала. Скала эта произвела на свет яйцо, которое под действием ветра превратилось в каменную обезьяну. И вот, когда эта обезьяна совершала поклоны, лучи света, исходящие из ее глаз, достигли дворца Полярной звезды. Сейчас обезьяна стала пить воду и есть пищу, поэтому блеск ее глаз уже тускнеет.

Выслушав такое сообщение, Нефритовый император соизволил склониться, удостоил сановников взглядом и милостиво промолвил:

– Создания, живущие там, внизу, появились в результате взаимодействия животворной силы неба и земли, и поэтому подобное событие не может вызывать удивления.

Между тем обезьяна, живя в горах, научилась ходить, бегать и скакать. Она питалась травой и растениями, утоляла жажду из ручьев и источников, собирала горные цветы и отыскивала на деревьях плоды. Ее постоянно сопровождали волки и пантеры; она была дружна также с тиграми и барсами, ланями и оленями. Родственные ей породы обезьян окружали ее. На ночь обезьяна устраивалась под утесами, а с наступлением дня отправлялась бродить по горным пикам и ущельям. Поистине про нее можно было сказать:

В горах мгновеньям
Не ведется счет,
Кому же знать,
Который ныне год?

Однажды утром, когда уже наступила сильная жара, обезьяна в сопровождении своих друзей, укрывшись в тени сосен, предавалась играм и забавам. Вы только посмотрите, что они проделывали:

Взбирались они на деревья,
В игре проводили все дни,
Но Будду они почитали,
И кланялись небу они.

Карабкались резво по веткам,
И в ямы бросались стремглав,
Песчаные строили башни
И туфли сплетали из трав.

Искали плодов они вкусных,

³⁴ *Полярная звезда*. – По верованиям древних китайцев, все небесные светила – солнце, луна, а также планеты и созвездия – были заселены небесными духами. Особо важной обителью духов считалось созвездие Полярной звезды.

³⁵ *Нефритовый император* – высшее даосское божество. Верховный правитель на небесах.

Красивых цветов для венка,
Купались они и плескались
В прозрачной воде родника;

Чесались, ища насекомых,
И блох выгрызали в шерсти,
Толпились, теснились, толкались,
Другим не давая пройти.

И вот как-то раз это стадо обезьян, вдоволь нарезвившись, отправилось к горному потоку купаться.

Глядя на его бурные воды, которые перекатывались, словно дыни, обезьяны задумались. «И птицы и животные имеют свой язык» – гласит старая поговорка.

– Никто не знает, откуда течет эта вода, – говорили между собой обезьяны. – Делать сегодня нечего, не отправиться ли нам ради забавы вверх по течению потока, чтобы посмотреть, откуда он берет свое начало! Кликнув младших и старших братьев, таща за собой детенышей, они с веселым шумом гурьбой стали карабкаться в гору, к тому месту, откуда начинался поток. И здесь они увидели водопад. Это было поистине великолепное зрелище!

Здесь, радугою трепеща,
Спадала лента водопада.
И в мириадах брызг цветных
Стояла горная громада.

Морского ветра никогда
Не прекращалось дуновенье.
Стекавший по траве ручей
Поил прибрежные растенья.

Холодный воздух наполнял
Скалистых круч разрез природный.
Поистине тот водопад
Был дивной занавесью водной.

– Что за прелесть! Какая чудесная вода! – в один голос закричали обезьяны, хлопая от восторга в ладоши. – Так вот откуда, оказывается, вытекает поток. Беря начало у подножья этой горы, вода проделывает огромный путь к далекому морю. Если бы среди нас нашелся кто-нибудь, кто решился бы проникнуть через этот водный занавес, – продолжали они, – и вернулся бы цел и невредим, мы сделали бы его своим царем.

И вот, когда они повторили это несколько раз подряд, из толпы выскочила каменная обезьяна.

– Я пойду! Я пойду! – громко крикнула она.

О, дорогая обезьяна! —
Ведь это вызвалась она!
В тот день решающий, великий
Она прославиться должна.

Ей уготовано жилище

И предназначены пути,
Чтоб в этот самый день отсюда
В чертог небесных сил взойти.

Теперь послушайте, что сделала наша обезьяна. Она зажмурила глаза, присела на корточки, затем распрямилась и одним прыжком перемахнула через струю водопада. И вот, когда она открыла глаза и, подняв голову, осмотрелась, ни воды, ни волн уже не было. Ее глазам представился большой мост во всем блеске.

Замерев на месте, она с затаенным дыханием стала рассматривать его. Мост был сделан из железа. Вода под ним была струей из скалы и затопляла вокруг все пространство. Наклонившись немного вперед, обезьяна взобралась на мост и, осмотревшись по сторонам, вдруг увидела перед собой что-то вроде жилища. Что это было за прекрасное зрелище!

Всюду расстился
Мох ковром зеленым;
Облака скользили
Вдаль по небосклону.

То они сверкали,
То они белели,
То они, как яшма,
В небе розовели.

Через окна видишь
Тихие покои:
Отшлифован камень
Опытной рукою.

Гладкие скамейки,
Каменные ложа,
Чаши и кувшины —
На цветы похожи.

Влага чуть сочится
Из расселин в скалах,
Как глаза драконьи,
Светится в кристаллах.

Есть цветы живые
И теперь в жилище;
На столах остатки
И питья и пищи;

Очага обломки,
След огня бывшего...
И казалось, люди
Поселятся снова.

Рос бамбук у входа,

Зеленели сосны,
Зацвела слива,
Сеял дождик росный.

Обезьяна долго рассматривала все это, затем перебралась на середину моста и здесь увидела каменную плиту, на которой большими квадратными знаками была сделана надпись: «Благословенная земля на Горе цветов и плодов, Пещера водного занавеса – обитель бессмертных».

Прочитав это, обезьяна пришла в неистовый восторг. Она бросилась назад, закрыла глаза, присела и, сделав прыжок, снова очутилась за струей водопада.

– Ну и удача! – громко закричала она. – Нам просто счастье привалило !

– Что же там такое? – окружив ее, стали расспрашивать другие обезьяны. – Очень глубоко?

– Да там совсем нет воды, – отвечала каменная обезьяна. – Там стоит большой железный мост, а рядом с ним возвышается дом, созданный самим небом и землей.

– С чего ты взяла, что это дом? – снова спросили ее.

– А вот с чего, – продолжала каменная обезьяна, – вода вырывается из расщелины в скале и, протекая под мостом, заполняет собой все пространство. А за мостом, там где растут цветы и деревья, стоит каменный дом. В нем все сделано из камня: и котлы, и очаги, и чашки, и посуда, а также кровати и скамьи. Я видела там каменную плиту с надписью: «Благословенная земля на Горе цветов и плодов, Пещера водного занавеса – обитель бессмертных». Это великолепный уголок для нас. Там очень просторно и места хватит на тысячи таких, как мы. Давайте все вместе отправимся туда и станем жить. Это будет для нас прекрасным убежищем в любую погоду.

Возможно было спрятаться от ветра,
Убежище подобное найдя,
Возможно было отдыхать спокойно,
Не опасаясь бури и дождя.

Возможно было не бояться снега;
Сюда не долетал весенний гром...
Здесь розовое облако блистало,
Дышал благоуханьем светлый дом.

Бамбук вставал, и зеленели сосны,
Был круглый год прекрасен их убор;
Здесь никогда цветы не увядали
И красотою восхищали взор.

Выслушав каменную обезьяну, остальные обезьяны пришли в восторг и закричали:

– Ну что же, в таком случае ты иди первая и веди нас за собой.

Тут каменная обезьяна снова закрыла глаза, присела на корточки и прыгнула.

– Следуйте за мной! – крикнула она. – Идите все сюда!

Те, что были посмелее, тотчас же прыгнули вслед за ней, а трусливые лишь вытягивали и втягивали голову, почесывали за ушами и потирали от волнения щеки. Но наконец вся ватага с шумом и криком ринулась вперед, и вскоре все они очутились за водопадом. Тут обезьяны стали карабкаться на мост, хватать тарелки и чашки, дрались друг с другом из-за очагов и кроватей, перетаскивали вещи с места на место, словом, вели себя так, как и полагается обезья-

нам, обладающим буйным, озорным характером. Они ни на минуту не успокоились до тех пор, пока вся эта суматоха окончательно не утомила их. Лишь тогда они притихли. Тут каменная обезьяна уселась на возвышении и, приняв чинный вид, заявила:

– Друзья мои! Пословица гласит: «С человеком, которому нельзя верить, не следует иметь дела». Не вы ли только что говорили, что того, кто сумеет пройти сюда и возвратиться невредимым, вы сделаете своим царем. И вот я не только вошла сюда и возвратилась назад, но и привела всех вас на это место, нашла убежище, где вы можете спокойно отдыхать, спать и наслаждаться благополучием людей, имеющих свое собственное жилище. Почему же вы не приветствуете меня как своего повелителя?

Выслушав это, обезьяны почтительно стожили ладони рук и выразили свою покорность. Затем все они выстроились в ряд по старшинству и, почтительно кланяясь ей, воскликнули:

– Да здравствует великий государь!

Взойдя на возвышение, обезьяна не пожелала больше называться «каменной», а стала величать себя: «Прекрасный царь обезьян». Об этом рассказывается в стихах:

Если пробуждается природа,
Силы жизни в ней пробуждены.
И таит в себе священный камень
Семена и солнца и луны.

Из яйца родилась обезьяна,
Постепенно к истине пришла,
Имя новое себе снискала
И бессмертья камень обрела.

Внутреннюю сущность обезьяны
Невозможно было бы познать —
У нее нет образа и формы,
Как же этот образ начертать!

Внешнее же было очень ясно —
Ведь таков весь человечесин род:
Государем быть захочет каждый,
Мудростью снискать себе почет.

Возглавив обезьянье царство, Прекрасный царь обезьян разделил своих подданных на группы и распределил между ними должности сановников и их помощников. Днем обезьяны разгуливали по Горе цветов и плодов, а с наступлением ночи устраивались на ночлег в Пещере водного занавеса. Жили они в дружбе и согласии, от птиц и зверей держались особняком. Сердце Царя обезьян было исполнено радости: ведь он стал независимым правителем. Поистине:

И пища и питье
Для них цветы —
Весной;
Плоды
Они вкушали
В летний зной;
А овощи

Их осенью питали;
Увядшую траву
Зимой собирали.

Довольно долго наслаждался этой простой, беззаботной жизнью Прекрасный царь обезьян, пока однажды, когда все обезьяны предавались веселью на пиру, он вдруг загрустил и разразился слезами. Увидев это, обезьяны встревожились, выстроились перед ним и, почтительно склонившись, спросили:

– Что вас так опечалило, великий государь?

– Даже сейчас, во время веселья, меня не покидает забота о будущем; вот о чем я печалюсь, – ответил им Прекрасный царь обезьян.

– Никак не угодишь на вас, великий государь, – сказали в ответ на это смеясь обезьяны. – Мы, что ни день, весело проводим время, живем в благословенных местах среди волшебных гор, в древних пещерах и на священных островах. Мы не подвластны ни единорогу, ни фениксу. Нас не притесняют также правители людей, и мы наслаждаемся полной свободой и безграничным счастьем. Что же может заботить и печалить вас, великий государь?

– Хотя сейчас мы и не подчинены законам человеческих правителей и можем не бояться ни зверей, ни птиц, но вот в будущем, когда я состарюсь и стану дряхлым, в один прекрасный день владыка преисподней Янь-ван прервет мою жизнь. Так разве не напрасно проживу я свою жизнь, если не сумею добиться бессмертия и остаться навсегда среди небожителей?

Выслушав это, обезьяны закрыли лица руками и горько заплакали; каждая из них думала о своем смертном уделе и бренности жизни. Вдруг в этот момент выскочила вперед какая-то обезьяна и громко крикнула:

– Раз вы, великий государь, стали беспокоиться о будущем, то это значит, что в вас зародилось стремление познать путь Истины – Дао!³⁶ Из живущих на земле существ только три категории³⁷ не подчинены владыке преисподней Янь-вану.

– Что же это за категории? – с живостью спросил царь.

– Это – Будда, бессмертные и мудрецы, – отвечала обезьяна. – Они не подчиняются законам жизни, перевоплощения³⁸ и разрушения; они вечны, как небо и земля, как горы и реки.

– А где же находятся эти небожители? – спросил повелитель обезьян.

– Они живут в стране Джамбудвипа, на священной горе, в древней пещере, – отвечала обезьяна.

Услышав это, Царь обезьян очень обрадовался и сказал:

– Тогда я завтра же распрощаюсь с вами, спущусь с горы и отправлюсь вслед за облаками. Пусть даже мне придется идти на край света, я непременно должен найти бессмертных, чтобы научиться у них бессмертию и навсегда избежать власти Янь-вана – владыки преисподней.

И что же вы думаете? ! Слова эти были сказаны не напрасно. Царь обезьян научился, как избавиться от мук перевоплощения и в конце концов стал Великим Мудрецом, равным небу.

А обезьяны громко захлопали в ладоши:

– Вот и чудесно! – кричали они. – Вот и прекрасно ! Завтра мы обойдем горы и холмы, наберем фруктов и ягод и устроим большое пиршество в честь отъезда нашего повелителя.

³⁶ «Дао» – путь, истина. Основа учения даосизма, философии, основоположником которой считается философ Лао-цзы, родившийся в 604 году до н. э. Дао – это абсолютное начало вселенной, порождающее все многообразие мира. Высший идеал поведения человека – это «следование по пути Дао, что значит: познать самого себя, ограничить свои желания, победить свои страсти». Даосизм, как религия, соединяет в себе основные принципы даосской философии, некоторые суеверия и колдовство.

³⁷ Три категории – представители трех господствующих религий в Китае – буддизма, конфуцианства и даосизма.

³⁸ *Первоплощение*. – Согласно буддийской религии, прежде чем достигнуть святости, человек проходит целый ряд перевоплощений и только после окончательного очищения от грехов достигает состояния высшего блаженства – нирваны.

И действительно, на следующий день обезьяны отправились собирать волшебные персики и невиданные плоды. Накопали горных корнеплодов, собрали лечебные травы, орхидеи, душистые цветы и другие удивительные растения. Все это они аккуратно разложили на каменных скамьях и столах, а затем подали великолепную еду и напитки. Чего здесь только не было !

Вот пилюли золотые,
Шарики жемчужные!
Вот и вишни восковые,
Вишни в пору выюжную.

Это косточки краснеют,
Мякоть – желтовата;
Цвет – чудесен; вкус приятен!
Сладость аромата.

Золотистые пилюли,
Жемчуга зернистые...
Вот плоды созревшей сливы,
Сочные, душистые!

Это косточки краснеют,
Мякоть желтовата,
Слива зимняя прекрасна,
Нежно-кисловата.

Плод похож на виноградный,
Кожица – атласная.
Плод лайчи с малюткой косточкой,
Мякоть – ярко-красная.

Яблоки приносят с ветками,
А кизил – с листочками;
Головам подобны заячьим
Эти груши сочные.

Формой финики кунжутные,
Как сердца куриные,
А плоды личжи³⁹, с агатовой
Твердой сердцевиною.

Абрикосы здесь и персики
Как вино небесное,
И бодрят они с похмелья
Сладостью чудесною.

Здесь лежат арбузы красные,
С семечками черными

³⁹ Личжи, най, – плоды, произрастающие на Юге Китая.

И гранаты переспелые
С жемчугами-зернами.

Нежный вкус настоек грушевых
Чистых, прохладительных,
Виноградных вин и сливовых,
Крепостью живительных.

Апельсины, мандарины
Горкою высокою,
И хурма четырехдольная
И золотобокая.

Абрикос – годятся косточки
На заварку чайную;
Сок пьянящий пальм кокосовых,
Най – необычайные.

И орехов блюда полные,
С гор картофель жареный,
И фулин⁴⁰ с целебной силою,
Медленно распаренный.
Но, хотя в еде изысканность
У людей встречается,
С дивной трапезой бессмертною
Стол их не сравнивается.

Своего повелителя обезьяны усадили на главном месте, а сами устроились ниже, в соответствии с возрастом и занимаемым положением. Братская чаша переходила из рук в руки, и каждая из обезьян старалась поднести царю вино, цветы, фрукты. Пир продолжался целый день. Назавтра Царь обезьян поднялся рано утром и распорядился:

– Дети мои! Срубите несколько старых сосен и сделайте из них плот. А затем найдите длинный бамбуковый ствол для шеста и соберите для меня плоды. Я отправляюсь в путь.

Когда все было готово, Царь обезьян взошел на плот. С силой оттолкнувшись от берега, он поплыл по волнам все дальше и дальше, направляясь прямо к морю. Благодаря попутному ветру он очень быстро добрался до границ страны Джамбудви́па. Вот что можно сказать про его путешествие:

Велик был совершенствования путь
У той, рожденной небом обезьяны;
Спустившись с гор, на маленьком плоту
Она пересекала океаны.

Ей было предназначено судьбой
Быть от земных страстей освобожденной
И беспечально встретить на пути
Главнейшего, сильнейшего дракона.

⁴⁰ Фулин – лекарственный гриб.

Великую себе поставить цель,
Имела и великие деянья;
Она хотела с помощью друзей
Постигнуть все законы мирозданья.

Надо сказать, что судьба благоприятствовала Царю обезьян. С того самого момента, как он взошел на плот и все время пока плыл, дул сильный юго-восточный ветер. Вскоре плот прибило к северо-западному берегу. Там начиналась страна Джамбу-двипа. Измерив шестом глубину воды и убедившись, что здесь мелко, Царь обезьян оставил плот и вскарабкался на берег. На берегу было много народу. Одни ловили рыбу, другие охотились на диких гусей, третьи вылавливали из воды ракушек и устриц, сушили соль.

Приблизившись к ним, Царь обезьян стал проделывать всевозможные штуки. Это так напугало людей, что они побросали свои корзины и сети и разбежались кто куда. Лишь один из них от страха не смог бежать. Царь обезьян поймал его, сорвал с него одежду и нарядился, как это делают люди. Затем он с важным видом отправился разгуливать по городам и селениям, площадям и рынкам. Он перенял манеры и привычки людей, научился их языку. Утром он вставал и завтракал, вечером ложился спать. Все его помыслы были устремлены к тому, чтобы найти бессмертных и узнать у них секрет вечной юности.

Но, встречаясь с людьми, он убедился в том, что все они гонятся лишь за выгодой и славой и никто не думает о бренности жизни.

За выгодой или за славой,
Когда ж прекратится погоня?
С утра до отхода ко сну
Человек все мятется...
Имеет осла или мула.
И все недоволен,
И все он стремится
Себе завести иноходца,
Сановником будучи первым,
Мечтает о троне;
Все думы людей об одном, —
Как поесть им сегодня,
И нет даже мысли
О времени том неизбежном,
Когда призовет их Янь-ван —
Господин преисподней.
И все помышляют о том,
Чтоб оставить наследство,
Никто и подумать не хочет
О праведном деле,
О том, как прожить эту жизнь,
Восходя к совершенству,
В своем оставаясь
Назначенном кармой – уделе.

Все поиски Царя обезьян оказались тщетны – он так и не нашел бессмертных. Незаметно прошло лет девять. Продолжая свои поиски, он странствовал из города в город, от селения

к селению, пока вдруг не очутился у Западного океана. Тут он решил, что за этим океаном непременно должны жить бессмертные. Тогда он соорудил себе такой же плот, какой у него был когда-то, и отправился в путь через Западный океан. Он плыл до тех пор, пока не достиг Западных земель. Выйдя на берег и внимательно оглядевшись вокруг, он увидел красивую высокую гору, покрытую густым зеленым лесом. А так как Царь обезьян не боялся ни волков, ни тигров, ни барсов, то он смело стал взбираться на вершину горы, чтобы узнать, что там есть. Гора поистине была прекрасна.

Словно трезубцы,
К небу вздымались
Тысячи пиков.

Множество лезвий
Ширмой колючей
Рядом вставали.

Ливни смягчили
Ярость блистанья
Солнечных бликов.

Средь испарений,
Как изумруды,
Солнце играло.

Цепко лианы
Ствол обвивали,
Сохли, чернели.

Издавна тропы
Здесь обрывались
У переправы;

Стебли бамбука,
Стройные сосны
Здесь зеленели.

Склоны Пэнлая⁴¹
Плотно покрыли
Пышные травы.

Неподалеку
Пели на склонах,
Дивные птицы,

И неумолчно
Чистых потоков
Слышался лепет.

⁴¹ Пэнлай – один из трех островов, где, по преданию, обитают бессмертные.

Скалы, долины,
Луг в орхидеях
Шли вереницей...

То подымались,
То опускались
Горные цепи.

Местность удобна,
Чтоб предаваться
Здесь размышленью.

Мудрого мужа
Встретить смогу я
В уединенье.

И вот, когда Царь обезьян стал осматриваться кругом, до него из глубины леса донеслась вдруг человеческая речь. Он поспешил на голос, вошел в самую чащу и, внимательно прислушавшись, понял, что кто-то пел песню:

Пока глядел с восторгом дровосек,
Как шахматная шла игра,
За это время сгнила у него
Вся рукоятка топора⁴².

«Я лес рублю в горах,
И слышен звук – дин-дин,
Я рядом с облаком
Иду среди теснин.

Продав дрова,
Вина себе купил,
И хохочу я
До потери сил.

Я осенью лежу,
Лицом к луне;
Сосновый корень,
Как подушка, мне.

⁴² *Сгнила... рукоятка топора...* – Здесь имеется в виду китайская легенда, согласно которой живший в Цзиньскую эпоху (2615— 420 гг.) дровосек по имени Ван Чжи, однажды отправился в горы собирать хворост. Там он увидел двух отроков, игравших в шашки. Ван Чжи остановился посмотреть на игру. Отроки предложили ему какой-то плод, похожий на косточку жужуба. Проглотив его, Ван Чжи не ощущал никакого чувства голода. Когда игра окончилась, отроки, указывая Ван Чжи на его топор, смеясь сказали: «Смотри, топорнице-то у тебя сгнило». Когда же Ван Чжи вернулся обратно домой, он обнаружил, что с момента его ухода прошло сто лет и в деревне уже не осталось в живых никого из его сверстников. Здесь необходимо еще указать, что китайские шашки – «вэйци» – в переводе значит «окружение», или «война», игра очень сложная, требующая большого искусства и сообразительности. Ведется она на большой доске, разделенной на триста шестьдесят клеток, по количеству земных градусов, и сводится к тому, чтобы захватить как можно большее пространство и окружить противника. Изобретение этой игры приписывается легендарному императору Яо (2356—2258 гг. до н. э.).

О, как высок
Осенний небосвод
И вот рассвет
На труд меня зовет.

Вокруг меня
Знакомые места,
И я иду
На перевал хребта.

Рублю лианы
По обрываю гор,
В руках моих
Испытанный топор.

Когда же я
Вязанку наберу,
Пойду на рынок
С песней поутру.

И вот цена
Товару моему:
Три шэна риса
За него возьму.

Я по дешевой
Продаю цене,
И торговаться
Непривычно мне.

Ни заговоров
Я не составлял,
Ни хитростей,
Ни зол не замышлял.

Ни славе, ни позору
Не сродни,
Простая жизнь
Мои продолжит дни.

И тот, кого
Встречаю с простотой,
Иль дух бессмертный,
Иль земной святой.

Спокойно сидя,
Разъясняет он
Ученья Дао

Правильный закон».

Услышав это, Прекрасный царь обезьян несказанно обрадовался и подумал: «Здесь, конечно, обитает бессмертный!» Он подбежал поближе и, присмотревшись, увидел дровосека, который, взмахивая топором, рубил кустарник. Наряд дровосека был не совсем обычен:

Одетый непохоже на других,
Он – в шляпе из побегов молодых,
Бамбуковой, с широкими полями,
А поясок на нем расшит шелками.
Ногам его удобны и легки
Из скрученных травинок башмаки.

Халат на нем широкий, полотняный,
Из пряжи хлопковой искусно тканый,
В руке его поднят топор стальной,
И вот над расщепленной сосной
Взвивается веревка с коромысла:
Умело брошена, – петля повисла.

Тут Царь обезьян выступил вперед и сказал:

– Уважаемый бессмертный, ученик почтительно приветствует вас.

Дровосек, быстро отбросив топор, повернулся к подошедшему и, отвечая на приветствие, сказал:

– Вы ошибаетесь, уважаемый! Я простой невежественный дровосек и не в состоянии даже прокормить себя, как же я могу называться бессмертным?

– В таком случае почему вы говорите так, как говорят бессмертные? – спросил Царь обезьян.

– Да что же я особенного сказал, что вы приняли меня за бессмертного? – удивился дровосек.

– Когда я был у опушки леса, – отвечал Царь обезьян, – то слышал, как вы говорили: «Тот, кого мне приходится встречать, либо бессмертный, либо праведник, и я спокойно сажусь с ним разбирать священную книгу Хуан-тин». А ведь книга «Хуан-тин» проповедует учение Дао. Кто же вы тогда, если не бессмертный?

– Ну что же, мне нечего обманывать вас, – промолвил, улыбаясь дровосек. – Этой песне, которая называется «Маньтин-фан», меня действительно обучил бессмертный: он живет недалеко от моей хижины. Видя, сколько горя в моей жизни и как много и тяжело я работаю, он посоветовал мне, когда придет какая-нибудь беда, читать вслух слова песенки. «Это, – сказал он, – утешит тебя и избавит от многих трудностей». И вот как раз сейчас мне нелегко приходится, грусть одолевает, потому я и пел свою песенку. Однако я не предполагал, что вы слушаете меня.

– Но ведь ты живешь по соседству с бессмертным, почему же не стал его учеником? – снова спросил Царь обезьян. – Не так уж плохо было бы узнать от него, как остаться вечно молодым.

– Жизнь моя очень тяжела, – отвечал на это дровосек. – До девяти лет я жил с отцом и матерью. Но не успел я узнать жизнь, как отец мой умер. Мать осталась вдовой. У меня нет ни сестер, ни братьев, и мне одному приходится трудиться с утра до ночи, чтобы поддерживать ее. Сейчас моя мать уже стара, и я не вправе бросить ее. Кроме того, с нашего огорода, который запущен, мы не можем прокормиться и одеться, вот и приходится мне рубить хворост и нести

его на рынок для продажи. На вырученные медяки я покупаю несколько доу⁴³ риса, сам вожусь у очага, готовлю пищу и чай и кормлю свою старую мать. Поэтому я и не могу стать учеником бессмертного.

– Судя по всему я вижу, что ты достойный человек и почтительный сын, – сказал Царь обезьян. – И за это в будущем ты будешь, конечно, вознагражден. А мне все же хотелось бы повидать бессмертного.

– Да это совсем недалеко отсюда, – заметил дровосек. – Эта гора называется Священной террасой. В центре ее есть пещера под названием «Пещера косых лучей луны и звезд». Вот там и живет бессмертный. Имя его Суботи. Много было у него учеников, да и сейчас есть человек сорок. Вы идите вон по той тропинке и, когда пройдете на юго-восток семь-восемь ли, увидите его дом.

– Уважаемый брат, – обратился Царь обезьян к дровосеку, взяв его за руку, – пойдем вместе со мной. И, если там меня ждет удача, я никогда не забуду, что ты помог мне найти бессмертного.

– Ну до чего же трудно с тобой договориться, – отвечал Царю обезьян дровосек. – Ведь я только что объяснял тебе, почему не могу идти, а ты все понять не можешь! Да если я пойду вместе с тобой, то у меня остановится работа. Кто же будет кормить мою мать? Нет, уж ты ступай один, а я буду рубить дрова.

После этих слов Царю обезьян не оставалось ничего другого, как распрощаться с дровосеком. Он вышел из леса, отыскал нужную тропинку и отправился к бессмертному на гору. Пройдя ли восемь, Царь обезьян увидел пещеру; он вытянул шею и осмотрелся кругом. Что за чудесное место! Да вы, читатель, сами посмотрите:

Вся в радуге – туманов пелена;
Сияют ярко солнце и луна,
И кипариса тысячи стволов
Вбирают жадно влагу облаков,
Бамбук высокий в тысячу колен
Листвой зеленой взял ущелье в плен,
И золотой парчой цветы лежат,
А травы льют у моста аромат.

Все заросло темно-зеленым мхом,
С вершины повисает он ковром;
Порой священным крикам журавля
Внимает потрясенная земля,
И фениксов прекрасные четы
Слетают постоянно с высоты.
Когда кричит журавль, протяжный звук
Летит и небо сотрясает вдруг;

Когда же длится фениксов полет,
В их оперенье радуга цветет;
Играя, в чаще спутанных лиан,
Мелькают стаи желтых обезьян,
Гуляют белоснежные слоны,
А тигры и видны и не видны —

⁴³ Доу – мера объема, равная примерно 10 литрам.

Скрываясь, прячутся они в тени,
И снова появляются они.
К благословенной присмотришь стране —
Она поспорит с раем в вышине!

Царь обезьян увидел, что дверь в пещеру крепко заперта. Кругом царила полная тишина, ничто здесь не напоминало о присутствии человека. Оглядевшись, Царь обезьян заметил на краю скалы камень, вышиной в три чжана и восемь с лишним чи в ширину. На нем была надпись большими иероглифами:

«Гора «Священная терраса», «Пещера косых лучей луны и звезд». Прекрасный царь обезьян пришел в неистовый восторг: «А народ здесь очень правдивый и честный, – подумал он. – И гора такая и пещера – все как дровосек сказал, так и есть».

Царь обезьян долго глядел на дверь, но постучаться не решался. Наконец он взобрался на верхушку сосны, стал там срывать сосновые шишки, грызть орехи и забавляться. Немного погодя он вдруг услышал скрип, дверь растворилась и из пещеры вышел божественный отрок удивительной красоты. От него так и веяло благородством, и он ничуть не был похож на обычных молодых людей. Да вы только взгляните на него !

Он в две косички волосы заплел
И ленточкою подвязал с боков;
И отличался у него халат
Свободной шириною рукавов.

У отрока был необычный вид;
Был чужд страстей всегда спокойный взор,
Ничто его не смело б загрязнить.
То был бессмертный отрок этих гор.

И шло вдали течение времен,
Которому был неподвластен он.

Появившись в дверях, отрок крикнул:

– Кто нарушает здесь тишину?

Тут Царь обезьян спрыгнул с дерева и почтительно поклонился.

– Божественный юноша, – сказал он, – я пришел для того, чтобы научиться бессмертию.

Разве осмелился бы я бесчинствовать здесь?

– Ты пришел учиться бессмертию? – со смехом переспросил отрок.

– Да, – подтвердил Царь обезьян.

– Как раз сейчас после отдыха мой учитель вошел на кафедру читать проповедь, но, еще не начав ее, он велел мне выйти. «Там за дверью стоит человек, который хочет заняться самоусовершенствованием, выйди навстречу ему», – сказал он. Это он, наверное, о тебе и говорил.

– Ну, конечно, обо мне, – смеясь сказал Царь обезьян.

– Тогда ступай за мной! – приказал отрок.

Царь обезьян оправил на себе одежду и вошел вслед за отроком в пещеру. И вот чем дальше они углублялись в пещеру, тем больше открывались перед ними огромные покои. Они проходили по величественным жемчужным залам и великолепным перламутровым палатам. В отдаленных покоях стояла какая-то необыкновенная тишина. Наконец они приблизились к возвышению из зеленой яшмы, на котором восседал сам патриарх Суботи. Кафедру окружало человек тридцать бессмертных учеников. Поистине:

На западе наставник он святой,
Великий непорочной чистотой;
И времени не подчинялся он;
Бессмертный, он в себе являл закон,
И был он в созерцанье каждый миг, —
Таким путем он святости достиг
И стал подобен вечным небесам;
Людское горе он изведаль сам,
Но чистоту хранил и чувств и дел:
Все трудности свои преодолел,
И, умудренный святостью своей.
Наставником он сделался людей.

При виде патриарха Царь обезьян тотчас же распростерся перед ним и, без конца отбивая земные поклоны, бормотал:

– О, учитель! Я, твой ученик, пришел сюда с искренним намерением приветствовать тебя! Прими мое низжайшее уважение.

– Из какой страны явился ты? – спросил патриарх. – Ты вначале скажи, откуда ты родом, назови свою фамилию, а потом уж совершай поклоны.

– Я из Пещеры водного занавеса, что находится на Горе цветов и плодов, в стране Аолайго, на земле Пурравидеха, – отвечал на это Царь обезьян.

– Выгоните его вон! – вскричал тут патриарх. – Он, оказывается, лжец и обманщик! Как же может он говорить о самоусовершенствовании!

Царь обезьян, оторопев, изо всех сил продолжал отбивать поклоны.

– Я говорю сущую правду, – уверял он.

– В таком случае, – продолжал патриарх, – как можешь ты говорить, что прибыл сюда из Пурравидеха? Ведь Пуррави-деха от здешних мест отделяют два океана и Южный материк. Как же мог ты добраться сюда?

– Я переплыл океаны, более десяти лет странствовал по суше и наконец добрался сюда, – отвечал с поклоном Царь обезьян.

– Вот как! Ну, раз ты пришел сюда не сразу, то это еще понятно, – промолвил патриарх. – А как твоя фамилия?

– Я никогда не проявляю своего характера⁴⁴, – отвечал Царь обезьян. – Когда меня бранят, я не обращаю внимания, и если даже бьют, то и тогда не сержусь. Наоборот, я становлюсь куда почтительнее – вот и все. За всю свою жизнь я ни разу не проявил характера.

– Да нет же, под словом «син» я подразумеваю не характер, а фамилию в вашем роду, – объяснил патриарх.

– У меня не было родителей, – сообщил Царь обезьян.

– Как же это у тебя не было ни отца, ни матери, – удивился патриарх, – ты что же на дереве вырос, что ли?

– Да нет, не на дереве, – отвечал Царь обезьян, – меня породил камень. Я знаю, что на Горе цветов и плодов стоит священная скала. Когда пришло время, она раскололась, и вот тогда я и появился на свет.

– Ну, в таком случае ты действительно являешься порождением неба и земли, – сказал патриарх. – Встань и пройдишь, я посмотрю на тебя.

Царь обезьян вскочил на ноги и вразвалку прошелся несколько раз.

⁴⁴ Игра слов. Слова «фамилия» и «характер» по-китайски произносятся одинаково – «син».

– Скроен-то ты как-то нескладно, – засмеялся патриарх, – и по виду напоминаешь обезьяну Ху-сунь, питающуюся кедровыми орехами. Если дать тебе фамилию в соответствии с твоим видом, то ты будешь называться Ху. Этот иероглиф состоит из трех частей: первая обозначает животное. Ее можно бы и откинуть. Но остальные две части имеют значение «древний» и «луна». Древний – это значит старый, луна – относится к темному началу в природе. А, как известно, ни старое, ни темное не поддаются перевоспитанию. Поэтому, пожалуй, лучше дать тебе фамилию Сунь, которая также состоит из трех частей. Если отбросить первую часть, обозначающую животное, то остальные две значат – «ребенок» и «отпрыск» и вполне соответствуют смыслу этих слов. Поэтому я даю тебе фамилию Сунь.

Выслушав это, Царь обезьян был безгранично счастлив и, отвешивая поклоны с благодарностью, воскликнул:

– Вот и прекрасно и чудесно! Только сейчас наконец я получил фамилию! Никогда не забуду, учитель, оказанную мне великую милость! Ну а теперь, раз у меня уже есть фамилия, то я почтительнейше прошу дать мне еще и имя.

– В нашей школе есть двенадцать категорий иероглифов, которые мы берем для имен. Ты принадлежишь к десятой.

– А что это за иероглифы? – поинтересовался Царь обезьян.

– Это – гуан, да, чжи, хуэй, чжэнь, жу, син, хай, ин, у, юань, цзюэ, что значит: широта, величие, мудрость, даровитость, истина, уподобление, натура, океан, разум, понимание, совершенство и просвещенность. Ты по своему положению принадлежишь к десятой ступени, поэтому тебе следует дать имя У, что значит понимание. Мы дадим тебе еще буддийское имя, и будешь ты называться У-кун, что значит Познавший небытие. Таким образом, твое полное имя будет Сунь У-кун. Ну что, согласен?

– Чудесно ! Замечательно ! – радостно воскликнул Царь обезьян. – Отныне все будут называть меня Сунь У-кун.

Поистине можно сказать:

Тогда, когда лишь хаос был кругом
И родового не было деленья,
Когда же в пустоте небытия
Великое свершилось разрушенье,
То истина осознана была,
И мысль тогда в сознание вошла.

Если вы хотите узнать, каковы были успехи Царя обезьян в самоусовершенствовании, то прочтите следующую главу, которая вам об этом расскажет.

Глава вторая, повествующая о том, как Сунь У-кун проникает в тайны учения Суботи, побеждает Демона – нарушителя спокойствия и возвращается к своему родному очагу

Вы знаете уже о том, как Царь обезьян получил фамилию и имя. Это привело его в такой восторг, что от избытка радости он прыгал перед патриархом и, в знак благодарности, почтительно кланялся ему. Патриарх велел своим ученикам отвести Сунь У-куна в помещение во втором дворе, научить его опрыскивать водой и подметать пол, объяснить, как нужно обращаться с людьми и как вести себя. Получив приказание, ученики покинули зал. Тут Сунь У-кун поклонился всем своим товарищам и затем устроил себе на террасе место для спанья.

На следующее утро Сунь У-кун вместе со всеми стал обучаться разговору, манерам поведения, читал священные книги, учился писать, а также возжигать фимиам. Так проходили день за днем. В свободное время Сунь У-кун подметал полы, полол сад, ухаживал за цветами и деревьями, ходил за хворостом и топил печи, носил воду. В общем, вел все хозяйство. Так незаметно он прожил в пещере несколько лет. Однажды патриарх, поднявшись на кафедру и заняв свое место, выступил перед собравшимися учениками и начал излагать учение о великой Истине. О том, как он излагал это учение, действительно можно сказать:

Поистине он был красноречив,
Ученики речам его внимали.
Он высоту ученья разъяснял,
Не пропуская ни одной детали.

Бычачьим он размахивал хвостом,
Казалось, нить жемчужная блистала, —
Порядок объясненья был таков:
Он положенье предлагал сначала,

А позже доказательства к нему...
Один исток у главных трех учений⁴⁵,
Одно живое слово мудреца
Давало ясность ходу рассуждений.

Однажды во время проповеди Сунь У-кун пришел в такой восторг, что в волнении стал пощипывать себя за уши и потирать щеки. От возбуждения глаза его были широко открыты, он ни минуты не мог оставаться спокойным и все время двигал руками и ногами. Наконец патриарх обратил на него внимание.

– Сунь У-кун, ты ведь на занятиях! – заметил он ему. – Почему же, вместо того чтобы слушать мои разъяснения, ты пляшешь и прыгаешь?

⁴⁵ *Три учения, или три колесницы.* – По буддийскому учению три способа достижения высшего блаженства (нирваны). Из этих трех учений, способов, наибольшее распространение в Китае получило учение Большой колесницы (да-чэн), или по-санскритски Махайяна, открывающее доступ к спасению всем смертным, в отличие от учения Малой колесницы (сяо-чэн), или по-санскритски Хинаяна, открывавшей доступ к достижению нирваны только тем, кто целиком посвятил себя служению Будде.

– Я с большим вниманием слушаю вас, учитель, – отвечал Сунь У-кун. – Но вы рассказываете так чудесно, что я не могу удержаться от восторга. Потому и кажется, что я прыгаю. Умоляю вас простить меня!

– Ну, раз ты уяснил глубокий смысл моего учения, то ответь мне на такой вопрос: сколько времени прожил ты в этой пещере?

– А вот этого я как раз и не знаю, – даже смутился Сунь У-кун. – Помню только, что, когда в очаге погасал огонь, меня посылали собирать хворост. Там, за горой, я видел прекрасные персиковые деревья, они покрывали всю гору. Раз семь наедался я персиками до отвала.

– Гора, на которой ты был, называется Горой спелых персиков, – пояснил патриарх, – и если ты ел плоды семь раз, то я думаю, что прожил ты здесь семь лет. Чему же ты хотел бы научиться у меня?

– Я целиком полагаюсь на вас, учитель, – отвечал на это Сунь У-кун, – и готов заниматься всем, что относится к великому учению.

– Для постижения великого Дао существует триста шестьдесят всевозможных учений, – промолвил патриарх. – И все они обеспечивают путь к совершенству. Какое же из этих учений хотел бы ты познать?

– И в этом я тоже полностью полагаюсь на вас, учитель, – повторил Сунь У-кун. – Я готов выполнить все ваши указания.

– Ну хорошо. А что, если я предложу тебе изучать волшебство?

– В чем же заключается этот способ? – поинтересовался Сунь У-кун.

– Изучив его, ты сможешь при помощи оракула общаться с небожителями, гадать на стеблях тысячелистника, ты узнаешь, как обрести счастье и избежать несчастья.

– А можно ли этим способом добиться бессмертия? – спросил Сунь У-кун.

– Нет! Нельзя, – последовал ответ.

– Ну, в таком случае я не стану изучать его, – сказал Сунь У-кун.

– Может быть, ты хочешь постичь учение о перевоплощениях? – предложил тогда патриарх.

– А в чем оно заключается?

– Сюда входят разные школы: конфуцианцы, буддисты, даосы, гадатели, альтруисты, школа Мо-цзы⁴⁶, врачеватели. Одни из них занимаются конфуцианскими канонами, другие постигают учение Будды, некоторые проводят дни в молениях, общаются с праведниками или вызывают духов. И все в таком роде.

– Ну а таким путем можно добиться бессмертия? – спросил Сунь У-кун.

– Если ты хочешь добиться бессмертия, то этот путь будет для тебя чем-то вроде подпорки к стене.

– Учитель, – проговорил Сунь У-кун. – Я человек простой и вашего городского языка не понимаю. Что значит подпорки к стене?

– Когда люди начинают строить дом и хотят сделать его прочным и крепким, то между стенами они ставят подпорки. Но проходит время, и здание рушится, это значит, что подпорки сгнили.

– Судя по вашим словам и этот способ не годится для вечной жизни. Нет, в таком случае я не хочу заниматься этим, – заявил Сунь У-кун.

– Ну что ж, тогда, может быть, ты будешь изучать созерцание? – спросил патриарх.

– А что это такое? – спросил Сунь У-кун.

⁴⁶ *Мо-цзы*, или *Мо Ди* (479—381 гг. до н. э.) – один из выдающихся представителей древней китайской философии. В основе этического учения Мо Ди лежал принцип «всеобщей любви», противопоставленный конфуцианскому принципу «гуманности» (жэнь) и эгоистической морали Ян Чжу (философ V – IV вв. до н. э.).

– Тут необходима умеренность в пище, полная бездеятельность, созерцание, самоуглубление и покой, а также воздержание в речах и соблюдение поста. Приверженцы этого учения совершали подвиг, пребывая в распростертом положении или же стоя. Некоторые сидя замирали и углублялись в самосозерцание, другие заточали себя в крохотные кельи, отказывались от всего мирского.

– А разве подобным путем можно достичь вечной жизни? – спросил Сунь У-кун.

– Учение это все равно, что сырой кирпич до обжига в гончарной печи, – отвечал патриарх.

– Учитель, это просто невозможно, – рассмеялся Сунь У-кун. – Ведь я только что сказал, что не понимаю ваших загадок, а вы опять говорите о какой-то сырой глине и гончарной печи.

– Кирпич и черепица, сделанные из глины, имеют определенную форму, однако, если их не обжечь в печи, они при первом же ливне превратятся в грязь.

– Раз этот путь тоже не сулит долголетия, то я и учиться ему не желаю.

– Ну а если я предложу тебе обучаться действию, что ты на это скажешь? – снова спросил патриарх.

– А это что за способ?

– Этот способ заключается в деятельности и энергии, – отвечал патриарх. – Ты будешь упражняться в заимствовании жизненной силы от темного начала и пополнять им светлое начало, натягивать лук и ударять по катапульте, растирать живот, чтобы сделать правильным дыхание, изготавливать лекарства и снадобья, сжигать пырей, бить в треножник, изготавливать лекарство из мочи мужчины, принимать в виде лекарства месячные женщин, питаться грудным молоком и многое другое.

– Ну а этим путем можно достичь долголетия? – спросил Сунь У-кун, выслушав патриарха.

– Надеяться на это все равно, что пытаться выловить луну из воды, – отвечал патриарх.

– Ну вот, вы опять за свое! – воскликнул Сунь У-кун. – Что значит выловить луну из воды?

– Луна находится на небе, и хоть отражение ее мы видим в воде, но все попытки выловить ее оттуда оказались бы напрасными.

– Ну, тогда учить мне все это совершенно не нужно! – заявил Сунь У-кун.

Услышав подобные слова, патриарх даже крикнул от изумления, спустился с возвышения и, тыча в Сунь У-куна линейкой, воскликнул:

– Ах ты, жалкая обезьяна! И этого ты не хочешь, и того не желаешь, так чего же тебе надо?

С этими словами он подошел к Сунь У-куну и стукнул его три раза по голове.

После этого он покинул своих слушателей и, заложив руки за спину, удалился во внутренние покои, закрыв за собой дверь. Испуганные ученики набросились на Сунь У-куна:

– Ты совсем не умеешь вести себя, мерзкая обезьяна! – кричали они. – Вместо того чтобы изучать законы истинного пути, которые предлагал тебе учитель, ты стал препираться с ним. Ты оскорбил его, и теперь неизвестно, когда он снова выйдет к нам.

Возмущенные поступком Сунь У-куна, ученики старались всячески выказать ему свое негодование. Однако Сунь У-кун ничуть не опечалился, а наоборот, широко улыбался, не вступал ни с кем в спор и молча сносил нападки. А дело заключалось в том, что Царь обезьян понимал условный язык. Он знал, что три удара, которыми наградил его учитель, это третья стража⁴⁷, в которую он – Сунь У-кун – должен явиться на свидание к учителю. Заложенные за

⁴⁷ *Третья стража.* – В древнем Китае ночное время делилось на стражи. Время с семи часов вечера до пяти часов утра разделялось на пять ночных страж (у-цзин). Каждая стража равнялась двум часам. Первая стража – семь – девять часов, вторая – девять – одиннадцать часов вечера, третья – с одиннадцати до часу ночи, четвертая с часу до трех часов ночи и пятая стража – с трех до пяти часов утра. Стражи отбивались деревянной колотушкой соответствующим количеством ударов.

спину руки патриарха звали Сунь У-куна во внутренние покои, а закрыв двери, учитель дал понять Сунь У-куну, что он должен прийти с черного хода и выслушать его учение.

Остаток дня Сунь У-кун провел у пещеры, играя и забавляясь с остальными учениками и с нетерпением ожидая наступления ночи. И вот, как только стемнело, он вместе с другими отправился спать. В постели Сунь У-кун притворился спящим, стараясь дышать ровно и спокойно. А надо вам сказать, что в горах ночную стражу не отбивают и там нет никаких приборов для измерения времени, поэтому определить время там трудно. И Сунь У-куну приходилось отсчитывать каждый свой вдох и выдох и так узнавать время. Когда, по его подсчетам, приближалась третья стража, он потихоньку поднялся, натянул на себя одежду и, крадучись, оставил своих товарищей. Выйдя за двери, Сунь У-кун поднял голову, и что же он увидел!

Луна светила яркая,
Роса была чиста,
И блеском звездных полюсов
Сияла высота.

Дремали птицы сонные
Под мерный плеск реки,
И светляков мерцающих
Мелькали огоньки.

Летели гуси дикие,
И час уже настал,
Когда пред третьей стражею
Наставник ожидал.

Вы только посмотрите: по знакомой дороге наш Сунь У-кун прошел к черному ходу и здесь увидел, что дверь полуоткрыта.

«Сомнений нет, – с радостью подумал Сунь У-кун, – учитель желает дать мне наставления и поэтому оставил дверь полуоткрытой». Он согнулся, вошел внутрь и направился прямо к постели патриарха. Учитель, поджав ноги, спал, повернувшись лицом к стене. Сунь У-кун не решился будить его и опустился перед постелью на колени. Вскоре патриарх проснулся и, вытянув ноги, пробормотал:

Это трудно! Это очень трудно —
Все глубины истины понять!
Разве философский камень⁴⁸ можно
К придорожным камням приравнять!

Если я достойного не встречу,
Чтобы в тайны жизни тот проник,
Значит, проповедь была бесплодной,
Я – напрасно иссушал язык.

Заметив, что патриарх проснулся, Сунь У-кун промолвил:
– Учитель, я давно уже здесь ожидаю, преклонив колена!

⁴⁸ *Философский камень* (цзинь-дань). – Киноварная пилюля, дающая, по представлениям даосов, бессмертие и сверхъестественную силу. В даосской религии существует особое учение о способах приготовления этих пилюль.

Услышав знакомый голос, патриарх накинул на себя одежду и, сев на постели, закричал: – Ах ты, жалкая обезьяна! Почему ты покинул помещение и не спишь? Зачем пришел в мои покои?

– Я осмелился появиться перед вашим ложем лишь потому, что вчера во время беседы вы при всех велели мне прийти к вам в третью стражу через черный ход, чтобы выслушать ваши наставления, – отвечал на это Сунь У-кун.

Патриарха удовлетворил подобный ответ, и он подумал: «Этот парень действительно создан небом и землей! Иначе он не мог бы понять мои условные знаки».

– Здесь нет посторонних, – продолжал Сунь У-кун, – я здесь один, умоляю вас, учитель, проявите великое милосердие и передайте мне учение о вечной жизни. Подобную милость я никогда не забуду!

– Ну, раз у тебя такая судьба, – сказал патриарх, – и ты понял мой условный язык, я охотно научу тебя. Подойди ближе и внимательно слушай, я открою тебе тайну вечной жизни.

В благодарность Сунь У-кун отвесил земной поклон, снова опустился перед постелью на колени и, прочистив уши, приготовился внимательно выслушать все наставления патриарха. И учитель сказал:

– Способ этот наиболее совершенный, всеобъемлющий и таинственный из всех существующих. Нет иного учения, которое помогло бы постичь тайну вечной жизни. Способ этот сводится к совершенствованию духа и соблюдению полной тайны. То, что я передам тебе, – ты спрячь глубоко в своей душе, бережно храни это и способствуй его процветанию. Учение, в которое я посвящу тебя, откроет перед тобой широкий путь. Крепко запомни сказанное мной, и это принесет тебе большую пользу. Все твои мысли должны быть устремлены только к одной цели, и все остальное ты должен забыть. Только тогда ты будешь способен наслаждаться небесным светом и любоваться блеском луны. На луне спрятан яшмовый заяц⁴⁹, на солнце – золотой ворон⁵⁰. Змея и черепаха сочетаются с ними⁵¹, и от этого сочетания жизнь твоя станет настолько крепкой, что ты будешь в состоянии разводить в огне золотой лотос. Природа пяти элементов будет полностью подвластна тебе, и за свои заслуги ты станешь равным Будде и небожителям.

Познав все тайны, Сунь У-кун возликовал душой. Он крепко запомнил все, что поведал ему патриарх, и, почтительно поблагодарив его за оказанную высокую милость, вышел через черный ход и огляделся. На востоке медленно пробивалась бледная полоса света, на западе небо стало золотым. Вернувшись к себе прежней дорогой, Сунь У-кун легонько толкнул дверь и, подойдя к своей постели, нарочно стал с шумом убирать ее.

– Уже рассвело! Вставайте! – крикнул он.

Все ученики еще крепко спали и, конечно, ничего не знали о том великом, что произошло в эту ночь с Сунь У-куном. Весь последующий день Сунь У-кун был словно в тумане. Он все время сдерживал себя, стараясь спокойно сидеть и отсчитывать свое дыхание.

Время летело, и незаметно прошло еще три года. Однажды патриарх взошел на свою кафедру и обратился с проповедью к ученикам. Предметом беседы были принципы жизни, излагавшиеся в виде притчей, и внешние проявления и формы этих принципов. Неожиданно патриарх прервал беседу вопросом:

– А где Сунь У-кун?

– Я здесь, учитель, – выступив вперед и опустившись на колени, отвечал Сунь У-кун.

– Многому ли ты научился за это время? – спросил его патриарх.

⁴⁹ Китайское предание гласит, что на луне живет яшмовый заяц, который толчет в ступе снадобье, дающее человеку бессмертие. Как божество этот заяц чествовался в старом Китае в праздник осени, то есть в половине восьмой луны.

⁵⁰ Ворон – по-китайски «У» – символ солнца, так же как заяц – «Ту» – символ, луны.

⁵¹ Изображение черепахи с обвившейся вокруг нее змеи, по представлениям древних китайцев, являлось символом Севера, или же бога отгаки.

– За последнее время я в известной мере постиг сущность законов Будды и чувствую, что силы мои постепенно крепнут, – почтительно молвил Сунь У-кун.

– Ну, раз ты уже постиг основы учения Будды, смог освоить его основные начала и всем своим существом проникся этим учением, то тебе остается лишь подготовиться к тому, чтобы уберечь себя от трех стихийных бедствий.

Выслушав учителя Сунь У-кун долго думал и наконец сказал:

– По-моему вы, учитель, ошибаетесь. Я давно уже слышал, что тот, кто постиг великое учение, становится бессмертным. У того стихии огня и воды находятся в полной гармонии, и он избавлен от всяких болезней. О каких же трех бедствиях вы говорите?

– Это совсем особый закон, – пояснил патриарх, – ему подвластны творения неба и земли, которые он может разрушать. Это волшебная сила, способная поглотить даже солнце и луну. После того как ты овладеешь философским камнем, с тобой не смогут справиться ни черти, ни бессмертные, – ты будешь вечно юным. И все же через пятьсот лет небо ниспошлет на землю гром, который поразит тебя. Чтобы избежать беды, ты должен обладать прозорливостью, и, если тебе удастся спастись, ты будешь вечен как небо, иначе жизнь твоя оборвется. Пройдет еще пятьсот лет, и небо пошлет на тебя огонь, который испепелит тебя. Огонь этот не небесный огонь, а особенный, называется он «скрытый огонь». Он возникнет в тебе самом и дойдет до мозга. Он сожжет все твои внутренности и уничтожит весь твой организм. И тогда все те лишения и трудности, которые ты претерпел на пути к своему усовершенствованию, окажутся призрачными. Но пройдет еще пятьсот лет, и с неба придет новое бедствие – ветер, который уничтожит тебя. Он не будет похож на ветры, дующие с востока, юга, запада и севера, или те ветры, которые колышут цветы, ивы, сосны и бамбук. Это будет страшный смерч, который появится в тебе самом, проникнет в твои внутренности, пройдет через грудобрюшную преграду и вырвется через девять отверстий. Он рассеет твои кости и мускулы, и все тело твое распылится. Вот от каких бедствий ты должен спастись.

От слов патриарха волосы у Сунь У-куна стали дыбом. Распростершись ниц перед учителем, он стал умолять его:

– Учитель, сжальтесь надо мной, научите, как избавиться от этих трех бедствий. Подобной милости я никогда не забуду.

– Да в этом не было бы ничего трудного, если бы ты не отличался от обыкновенных людей. А так ничего сделать для тебя не могу, – сказал патриарх.

– Да ведь у меня такая же круглая голова, которая поднята кверху, такие же ноги, которыми я хожу по земле. У меня девять отверстий и четыре конечности и такие же внутренности, как у человека. Чем же я отличаюсь от людей?

– Хотя ты и похож на человека, однако щеки у тебя меньше, – возразил патриарх.

А у обезьяны действительно были впалые щеки и заостренная мордочка. Сунь У-кун пощупал их рукой и рассмеялся.

– Да ведь это же пустяки! Хотя щеки мои малы, но зато у меня есть подсумок, которого нет у людей, и это должно быть зачтено мне как достоинство.

– Ну ладно, – сказал патриарх. – Избежать этих бедствий можно двумя способами: способом созвездия ковша Большой Медведицы, который включает в себя тридцать шесть превращений, и способом звезды Земного исхода, который состоит из семидесяти двух превращений. Какой же из них ты хотел бы изучить?

– Я желал бы изучить более сложный, – отвечал Сунь У-кун, – способ звезды Земного исхода.

– Ну, тогда подойди ко мне, и я скажу тебе магическое заклинание.

С этими словами патриарх наклонился и стал шептать на ухо Сунь У-куну. Царь обезьян был очень способным; он запомнил заклинание, стал упражняться в применении семидесяти двух способов превращений и вскоре полностью овладел ими.

Однажды, отдыхая со своими учениками перед пещерой и любуясь вечерним пейзажем, патриарх вдруг спросил:

– Сунь У-кун, как твои успехи?

– Я глубоко признателен вам за вашу великую милость, – отвечал Сунь У-кун. – Все ваши наставления я хорошо усвоил и теперь могу уже летать на облаках.

– Ну-ка, поднимись в воздух, я посмотрю, – предложил патриарх.

Сунь У-кун употребил все свое умение и, напрягшись, сделал прыжок, оторвавшись от земли на несколько чжан. Оседлав облако, он поехал на нем ровно столько времени, сколько необходимо для одного приема пищи, и, проделав около трех ли⁵², опустился перед патриархом на землю. Сложив на груди руки, Сунь У-кун с поклоном обратился к учителю:

– Это и называется парить в облаках.

– Ну, я бы этого не сказал, – со смехом отвечал патриарх. – Это скорее можно назвать ползанием в облаках. Ведь еще в древности говорили: «Бессмертные утром отправляются к Северному морю, а вечером они уже в Цан-у». А ты так долго пробыл в воздухе и не проделал даже трех ли. Да это и ползанием, пожалуй, не назовешь!

– А что это значит: «Бессмертные утром отправляются к Северному морю, а вечером они уже в Цан-у»? – спросил Сунь У-кун.

– Тот, кто парит в облаках, – объяснил патриарх, – утром отправляется от Северного моря, пролетает над Восточным, Западным и Южным морями, поворачивает обратно и прибывает в Цан-у. А Цан-у – это горный пик в Северном море. Совершить в течение одного дня круговой полет по четырем морям, вот что называется парить в облаках.

– Это очень, очень трудно! – заметил Сунь У-кун.

– В мире нет ничего трудного, – возразил патриарх, – было бы твердое желание.

Тут Сунь У-кун почтительно склонился перед патриархом.

– Учитель, – сказал он, – говорят: «Если быть человеком, так надо уж быть им до конца». Прошу вас оказать еще одну великую милость и научить меня парить в облаках. Я никогда не забуду ваших великих благодеяний.

– Когда бессмертные собираются в облака, они прежде всего ударяют ногой о землю. Ты же делаешь не так. Я наблюдал, как ты перекувырнулся в воздухе и затем подпрыгнул. Я научу тебя делать настоящий прыжок в облака.

Сунь У-кун снова почтительно склонился перед учителем, и патриарх сообщил ему волшебное заклинание.

– Смотри на это облако, правильно произнеси заклинание, сделай движение руками, крепко сожми кулаки и затем сильным рывком оторвись от земли. Выполнив все это, ты сразу очутишься за сто восемь тысяч ли отсюда.

Ученики, услышав об этом, захихикали.

– Посчастливилось Сунь У-куну! – говорили они. – Если ему удастся изучить этот способ, он может служить гонцом, быстро доставлять почту, донесения и везде заработает себе на хлеб.

Так как время было уже позднее, учитель и ученики разошлись по своим помещениям. Сунь У-кун всю ночь усиленно изучал способ, который рассказал ему учитель, и постиг прыжок в облака. Последующие дни никто его не беспокоил, и он наслаждался сознанием того, что может изучить способы достижения бессмертия.

Однажды, в конце весны, когда уже начиналось лето, ученики долго занимались, сидя под соснами. Наконец один из них сказал:

– Сунь У-кун, в каком же это перевоплощении тебе была предназначена такая судьба? Ты уже знаешь, как избежать трех бедствий, ведь тебя недавно обучил этому наставник?

⁵² Ли – мера длины, равная 876 метрам.

– Не стану скрывать от вас, – отвечал Сунь У-кун, – благодаря наставлениям учителя, а также моему усердию в течение многих дней и ночей, мне удалось уже овладеть всеми способами превращений.

– Сейчас как раз подходящий случай, – сказал один из учеников, – показать нам хоть что-нибудь из того, чему ты научился.

Тут Сунь У-кун и сам загорелся желанием показать свое искусство и, обращаясь к товарищам, спросил:

– Во что бы вы хотели, чтобы я превратился?

– Да вот хотя бы в сосну, – ответили ему.

Сунь У-кун сделал магическое движение руками, произнес заклинание, встряхнулся и превратился в сосну.

Поистине прекрасная сосна!
Туманами всегда окружена,

Она стоит и свежей и зеленой,
Упершись в тучи горделивой кроной,

И признаков нет обезьяньих в ней
Она укрыта пологом ветвей,

В ней столько закаленности природной,
Что ей не страшен снег зимы холодной.

Превращение Сунь У-куна вызвало у товарищей восторг. Они хохотали и, громко аплодируя, восклицали:

– Прекрасно, обезьяна! Замечательно !

Своим шумом они потревожили патриарха, который с посохом в руках вышел к ним.

– Кто это поднял здесь такой шум? – спросил он.

Услышав его голос, ученики тотчас же притихли и, оправляя на себе одежду, выстроились перед учителем. Сунь У-кун поспешил принять обычный вид и, смешавшись с остальными, заговорил:

– Разрешите сказать, уважаемый учитель! Мы занимались своим делом, посторонних здесь не было, так что никто не мог шуметь.

– Люди, занятые своим усовершенствованием, не станут так кричать, – сердито сказал учитель. – Когда человек, занимающийся самоусовершенствованием, открывает рот, то с дыханием у него исчезает одухотворенность, когда он действует языком, то он либо скажет правду, либо соврет. Как же вы смеете здесь смеяться?

– Мы не осмелимся скрыть от вас правду, учитель, – сказали тогда ученики. – Мы только что попросили Сунь У-куна для забавы показать нам свое искусство превращения и уговорили его превратиться в сосну. Он выполнил просьбу, и это привело всех в такой восторг, что мы стали громко выражать свое одобрение и аплодировали ему. Вот какой шум обеспокоил вас. Простите нас за это, учитель.

– Уходите отсюда все, – приказал патриарх. – А ты, Сунь У-кун, подойди поближе! Хотелось бы мне знать, на что ты растрачиваешь свои духовные силы, превращаясь в какую-то сосну? Ты, видно, проделываешь это, чтобы позабавить других? Но представь себе, что ты увидел бы, как кто-нибудь совершает то, чего ты не умеешь, разве не стал бы ты допытываться, как он это делает? Так вот, когда ты будешь показывать другим свое искусство, то, несомненно, найдутся такие, которые захотят выведать твою тайну. И если у тебя не хватит решимости

отказать, тебе придется выдать им свой секрет. А если ты не захочешь отвечать, то неизбежно навлечешь на себя беду. Вот видишь, ты сам подвергаешь свою жизнь опасности.

– Я виноват, простите меня, учитель! – взмолился Сунь У-кун, земно кланяясь.

– Я не стану наказывать тебя, но ты должен уйти отсюда, – сказал патриарх.

Выслушав это, Сунь У-кун со слезами на глазах спросил:

– Куда же вы хотите послать меня, учитель?

– Мне кажется, ты должен вернуться туда, откуда пришел, – сказал патриарх.

– Вы хотите, чтобы я отправился в Пещеру водного занавеса, на Горе цветов и плодов, в стране Аолайго? – быстро проговорил Сунь У-кун, поняв мысль патриарха.

– Да! – подтвердил патриарх. – И если ты хочешь сохранить свою жизнь, ты должен сделать это сейчас же. Оставаться здесь тебе больше нельзя!

– Разрешите сказать вам, учитель, – виновато проговорил Сунь У-кун. – Двадцать лет я не был дома, и мне, конечно, хотелось бы повидать своих подданных. Но как могу я уйти отсюда, зная, что еще не отблагодарил вас за все оказанные мне милости.

– Какие там еще милости? – сказал патриарх. – Мне хотелось бы лишь одного: чтобы ты не натворил какой-нибудь беды и меня в нее не впутал!

Видя, что делать нечего, Сунь У-кун поклонился патриарху и распростился со своими товарищами.

– Я уверен в том, – сказал, прощаясь, патриарх, – что в этих твоих странствованиях тебя ждет немало злоключений. Однако какую бы беду ты ни натворил, я запрещаю тебе даже упоминать, что ты был моим учеником. И если только я узнаю, что ты хоть намекнул на это, я сдеру с тебя, обезьяна, шкуру и разрежу тебя на куски, а душу твою спущу в преисподнюю, где она и останется на веки вечные, без всякой надежды на перевоплощение!

– Можете не сомневаться, учитель, я не обмолвлюсь о вас ни словом, – поспешил заверить патриарха Сунь У-кун. – Я буду говорить, что до всего дошел сам.

Еще раз поблагодарив учителя, Сунь У-кун повернулся, сделал движение руками, произнес заклинание и, выпрямившись, прыгнул в воздух на облако. Он направился прямо к Восточному морю и через каких-нибудь два часа уже увидел Пещеру водного занавеса на Горе цветов и плодов. Прекрасный царь обезьян был очень рад.

Он опустился на облаке прямо к Горе цветов и плодов и, отправившись по знакомой дороге, вдруг услышал курлыкание журавлей и крики обезьян. Они кричали так жалобно, что становилось даже больно.

– Дети мои! – позвал Сунь У-кун. – Я вернулся домой.

В тот же миг из всех расщелин скалы, из травы и кустарников повыскакивали тысячи обезьян, больших и малых. Они окружили Прекрасного царя обезьян и, земно кланяясь ему, восклицали:

– Великий царь! Вы совсем забыли о нас! Как же могли вы бросить нас на произвол судьбы на такое долгое время. Мы ждали вас с таким нетерпением, как голодающий ждет еду и питье. Сейчас нам житья не стало от злого духа. Он хочет отобрать у нас Пещеру водного занавеса, но мы боремся с ним не на жизнь, а на смерть. За это время этот негодяй отобрал у нас все имущество, отнял детей и довел до того, что мы все время должны сторожить наше жилище, не смыкая глаз ни днем, ни ночью. Как хорошо, что вы наконец вернулись. А не будь вас еще год-два, мы все и наша пещера оказались бы в чужих руках!

Выслушав обезьян, Сунь У-кун пришел в ярость.

– Что за злой дух осмелился безобразничать здесь? – заорал он. – Расскажите-ка мне обо всем подробно, и я постараюсь отомстить ему за вас!

– Разрешите сообщить вам, великий царь, что прозвали его Демон – нарушитель спокойствия, – с поклоном отвечали обезьяны, – и живет он к северу отсюда.

– А далеко это? – осведомился Сунь У-кун.

– Он появляется здесь словно облако и исчезает подобно туману, ветру или дождю, грому или молнии, – отвечали обезьяны. – Поэтому мы даже не знаем, далеко ли это отсюда.

– Ну, теперь-то вам бояться нечего, – успокоил их Сунь У-кун. – Вы тут мирно забавляйтесь, а я отправлюсь искать его.

Прекрасный царь обезьян! Он весь напрягся, подпрыгнул и, сделав прыжок, очутился на севере. Взглянув вниз, он увидел высокую гору, грозную и суровую на вид. Это была поистине замечательная гора:

Гора вздымалась кистью
В вышину.
Ущелья уходили
В глубину.

Подобно кисти,
Горный пик вздымался;
Казалось, ад
В ущельях раскрывался.

Крутые склоны
Грозных этих скал
Ковер цветов
Чудесных покрывал.

Породы незнакомой,
Неизвестной —
Росли деревья
На горе отвесной.

Соперничая в зелени,
Вокруг
Вставали рядом
Сосны и бамбук.

Гуляли слева
Мирные драконы,
Приютом игр
Лесные были склоны.

Ручные тигры
Справа жили тут,
И вол железный⁵³
Начинал свой труд.

Распахивал прилежно
Землю эту,
Где золотые выросли

⁵³ *Вол железный.* – В древнем Китае отлитые из железа изображения волов ставили по берегам рек или бросали в воду, так как, согласно поверью, это предотвращало наводнения.

Монеты.

Здесь голос птиц
Невиданных звучал,
Пурпурный феникс,
Весь в лучах стоял.

И свет от камня
Лился фосфористый;
Родник в горах
Плескал струею чистой.

Бежали тропы
Вверх по кручам гор,
И был прекрасен
Дальний кругозор.

Пусть славных гор немало
Во вселенной,
Но эти пребывают
Неизменно.

Цветы, раскрывшись,
Скоро опадут,
Но мириады новых
Зацветут.

Из бездны
Восходя до облаков,
Встает гора —
Источник трех миров.

И пять стихий,
Питая светлой верой,
Видна в горе
Огромная пещера.

Залюбовавшись пейзажем, Сунь У-кун вдруг услышал голоса. Пройдя немного вниз по холму, он увидел пещеру, а перед ней – нескольких бесов, которые забавлялись и танцевали. Заметив Сунь У-куна, они бросились наутек.

– Постойте! – остановил их Сунь У-кун. – У меня есть к вам дело. Я – владелец Пещеры водного занавеса на Горе цветов и плодов. Ваш начальник, Демон – нарушитель спокойствия, кажется, так его называют, много раз обижал моих подданных; вот сейчас я пришел, чтобы рассчитаться с ним!

Услышав это, бесы опрометью ринулись в пещеру.

– Великий царь! Беда пришла! – доложили они.

– Что еще за беда? – спросил Демон-повелитель.

– Возле пещеры стоит кто-то с головой обезьяны и заявляет, что он владетель Пещеры водного занавеса на Горе цветов и плодов. А поскольку вы много раз обижали его подданных, то сейчас он пришел расправиться с вами, – отвечали бесы.

– Я часто слышал от обезьян о том, что царь их отправился куда-то, чтобы заняться самоусовершенствованием, – со смехом сказал Демон. – Вот он, вероятно, вернулся. А как он одет и есть ли при нем оружие?

– Оружия при нем нет никакого, – отвечали бесы, – и голова ничем не покрыта, а одет он в красный халат, подпоясан желтым кушаком и на ногах у него черные туфли. Ни на монаха, ни на мирянина он не похож, да и даоса как будто не напоминает. Он пришел с голыми руками, стоит около пещеры и вызывает вас на бой.

– Ну-ка, дайте мне сюда мое оружие! – приказал Демон.

Бесы тотчас же подали боевые доспехи. Демон надел шлем, взял в руки меч и, выйдя в сопровождении бесов из пещеры, громко крикнул:

– Ну, кто это тут владетель Пещеры водного занавеса?

Сунь У-кун уставился на Демона и увидел:

Шлем на нем
Прекрасный, медный.

Пламенеющий
Победно,

Сверх брони
Железной, черной

Он халат
Носил узорный;

С плеч
Халат его спускался

И по ветру
Развевался.

Был ремень
Затянут туго,

Опоясывал
Кольчугу;

Сапоги
Из легкой кожи...

Облик грозный
И похожий

На вождя
И полководца...

Мощный стан его
Не гнется:

В десять он охватов
Станом.

Высотой
В четыре чжана;

Меч в руках его
Блестящий.

Страшен этот дух
Грозящий.

Выходящий
Для сраженья, —

Дух могучий
Разрушенья.

– Негодный, мерзкий Демон! – заорал Сунь У-кун. – Глазищи у тебя огромные, а не можешь даже меня распознать!

– Ты что, взбесился, что ли? – смеясь крикнул Демон. – В тебе нет и четырех чи роста, и лет тебе не больше тридцати. Да к тому же ты без оружия, а кричишь о том, что пришел расправиться со мной!

– Ах ты, проклятый дух! – стал браниться Сунь У-кун. – Ты, видно, совсем ослеп. Я хоть и мал, но могу сделаться таким большим, как пожелаю. Пусть нет у меня никакого оружия, но этими вот руками я могу обхватить луну на небе. Ну, держись, испробуй, каковы мои кулаки!

С этими словами Сунь У-кун распрямился, прыгнул вперед и замахнулся, стремясь ударить Демона по лицу, но тот протянул руку, отразил удар и крикнул:

– Ты по сравнению со мной – карлик и дерешься одними кулаками, а у меня меч. Да если я убью тебя, меня же и засмеют. Постой, я положу свой меч и покажу тебе, как надо драться на кулаках!

– Вот это правильно! – воскликнул Сунь У-кун. – Ну, герой, выходи-ка!

Демон приготовился и нанес удар. Сунь У-кун ринулся на него, и завязалась борьба. Они дрались кулаками и ногами, налетая друг на друга. И надо сказать, что длинный удар часто пропадал впустую, тогда как короткий был крепким и твердым. Сунь У-кун наносил Демону удары под ребра, в пах и так его дубасил, что тот вынужден был отступить. Схватив свой меч, Демон нацелился в голову Сунь У-куну и размахнулся, однако Сунь У-кун увернулся, и удар не попал в цель. Увидев, что Демон рассвирепел, Сунь У-кун применил способ «бесконечного размножения». Он выдернул у себя клочок шерсти, изжевал его в мелкие куски и, развеяв их по воздуху, крикнул:

– Изменитесь!

В тот же момент частички шерсти превратились в маленьких обезьян, которых оказалось не меньше трехсот. Они окружили Демона – нарушителя спокойствия и стали наступать на него.

Вы должны знать о том, что человек, ставший бессмертным, получает способность выделять частицу своей души и совершать всевозможные превращения. Так было и с Царем обе-

зьян. После того как он постиг истину, каждый из восьмидесяти четырех тысяч волосков на его теле он мог по желанию превращать во что угодно. Вызванные им к жизни маленькие обезьяны оказались настолько проворны и изворотливы, что их нельзя было поразить ни мечом, ни пикой. Чего только они не проделывали! Они налетали на духа спереди, вцеплялись в него, тащили, колотили в грудь, дергали за ноги. Они награждали его пинками, вырывали у него волосы, ковыряли глаза, щипали за нос, налетали толпой и опрокидывали его. Между тем Сунь У-кун, воспользовавшись суматохой, протиснулся вперед и схватил меч Демона. Растолкав маленьких обезьян, он размахнулся и с такой силой хватил Демона по голове, что рассек его пополам. Затем впереди остальных обезьян он ринулся в пещеру, и там они быстро прикончили остальных демонов, больших и малых. После этого Сунь У-кун снова произнес заклинание, и вырванный им у себя самого клочок шерсти вернулся на место. Однако осталось еще штук пятьдесят обезьян. Это были те самые обезьяны, которых Демон похитил из Пещеры водного занавеса.

– Как это вы очутились здесь? – удивился Сунь У-кун.

Обезьяны со слезами на глазах отвечали:

– Вы, великий царь, отправились в путь, чтобы постичь истину, и вот за последние два года, что вас не было с нами, мы подвергались нападениям этого Демона. В конце концов он выкрал нас, похитил все наши пожитки – тарелки, чашки и притащил сюда.

– Ну, раз все это имущество наше, забирайте его с собой! – приказал Сунь У-кун.

После этого они подожгли пещеру, принадлежавшую Демону, и уничтожили ее дотла.

– Ну а теперь за мной! Двинемся в обратный путь! – сказал Сунь У-кун, когда они собрались все вместе.

– Великий царь, – отвечали ему на это обезьяны, – по дороге сюда мы слышали лишь свист ветра, который домчал нас в эту пещеру, но дороги мы не знаем. Как же мы теперь вернемся домой?

– Демон доставил вас сюда при помощи волшебства, – пояснил Сунь У-кун. – Однако трудного в этом ничего нет. Теперь я сам овладел магией и умею делать то же, что и он. Вы только закройте глаза и ничего не бойтесь!

Прекрасный царь обезьян! Он произнес заклинание, и сразу же сильный вихрь поднял всех их в воздух. Вскоре облако, на котором они неслись, опустилось вниз.

– Ну, ребята! Можете открыть глаза! – крикнул Сунь У-кун.

Осмотревшись, обезьяны увидели, что стоят на твердой земле возле своего жилища. В неистовом восторге помчались они по знакомой тропинке. Вместе с другими обезьянами они заполнили всю пещеру и, выстроившись в ряд соответственно возрасту и положению, приветствовали своего повелителя. В честь его приезда устроили большое пиршество. Обезьяны расспрашивали Сунь У-куна о том, как удалось ему расправиться с Демоном и освободить их сородичей. Царь рассказал обо всем, что произошло, не упустив ни малейшей подробности, и привел в восторг слушателей.

– Вот уж никак мы не думали, что, пройдя учение, вы овладеете столь замечательным волшебством! – восклицали они радостно.

– В тот год, когда мы расстались, – продолжал Сунь У-кун, – я доверился волнам, и меня прибило к берегу в стране Джамбудвипа. Я проезжал Восточное море и страну Синюхэчжоу. Там я изучил обычаи и нравы людей. Научился носить их одежду и обувь. Затем в течение восьми-девяти лет я скитался по свету, но никак не мог познать истину. Мне пришлось пересечь еще один, Западный, океан, и тогда я очутился в стране Синюхэчжоу.

Прошло много времени пока, наконец, мне посчастливилось найти одного старца. Он стал моим учителем и открыл мне тайну вечной жизни.

– Какое редкое счастье обрести бессмертия! – радостно восклицали обезьяны, поздравляя своего повелителя.

– Дорогие мои дети! – продолжал Сунь У-кун. – У меня есть еще одна приятная новость для вас. Все мы отныне будем носить фамилию!

– Как же вас зовут? – поинтересовались обезьяны.

– Фамилия моя Сунь, а имя У-кун, – отвечал он.

Услышав это, обезьяны пришли в еще больший восторг и, хлопая в ладоши, зашумели:

– Великий царь, вы наш родоначальник, а мы все ваши потомки, дети. Теперь наш род и вся наша страна будут называться Сунь.

И тут все они наперебой стали подносить своему властелину чаши с финиками и виноградным вином, волшебные цветы и фрукты. Каждая из обезьян переживала торжественный момент.

Их связывает всех единый род,
Одно желанье в их сердцах живет,

Чтоб в список жизни им попасть блаженной
И пользоваться жизнью совершенной.

Однако мы не знаем, чем кончится все это и как потечет жизнь обезьян в дальнейшем, поэтому давайте послушаем, о чем расскажет нам следующая глава.

Глава третья, ***из которой читатель узнает о том, как все горы и моря покорились Царю обезьян и почему были вычеркнуты имена из десяти списков Преисподней***

Итак, уничтожив Демона – нарушителя спокойствия и захватив его огромный меч, Прекрасный царь обезьян с триумфом возвратился домой. С этих пор он стал ежедневно проделывать военные упражнения и научил своих подданных изготавливать из бамбука острые пики, делать деревянные мечи и носить знамена. Показал им, как нужно нести дозорную службу, вести наступление и отступление, располагаться лагерем, строить заграждения и еще многому другому. Много времени проводили обезьяны в подобных забавах. Но однажды их царь сел и задумался.

– Наши забавы, – сказал он, – могут принять за военные приготовления. И тогда какой-нибудь правитель людей, птиц или животных подумает, что мы замыслием что-то недоброе и обвинит в том, что мы готовим войну. Как же мы будем защищаться? Ведь вы вооружены только одними бамбуковыми пиками да деревянными мечами! Надо иметь острые мечи, алебарды, трезубцы – настоящее оружие: только тогда мы будем жить спокойно. Но где достать все это?

Обезьяны встревожились.

– Наш повелитель совершенно прав, – говорили они, – но нам негде достать оружие.

Тут выступили вперед четыре старые обезьяны – две краснозадые и две с совершенно гладкой спиной.

– Великий царь, – молвили они. – Достать настоящее оружие не так уж трудно.

– Почему вы так думаете? – спросил Сунь У-кун.

– А вот почему, – отвечали обезьяны. – К востоку от нашей горы на двести ли расстилается водное пространство. Это – граница страны Аолайго. Там в одном из городов живет правитель, у которого войска и населения не перечесть. Вот где можно найти мастера и по металлу, и по золоту, и по серебру. Стоит вам только побывать в тех краях, и, можете не сомневаться, – вы закажете или купите оружие. Тогда вы обучите нас пользоваться им, и мы будем готовы защитить нашу гору и на долгие времена сохраним мир и спокойствие.

Мысль эта очень понравилась Сунь У-куну, и он сказал:

– Вы пока оставайтесь здесь, забавляйтесь, как и прежде, и ждите меня, а я отправлюсь в путь.

И с этими словами Прекрасный царь обезьян подпрыгнул, уселся на облако и в одно мгновение очутился по ту сторону водного пространства. Там он действительно увидел большой обнесенный рвом город со множеством домов и улиц. Везде было полно народу, у всех был счастливый и радостный вид.

«Здесь, конечно, можно найти оружие, – решил Сунь У-кун. – Спустишь-ка я вниз да куплю немного. А может быть, лучше добыть его с помощью волшебства?»

Подумав так, он произнес заклинание и, глядя на землю, с силой выдохнул из себя воздух. Тотчас же поднялся невообразимый ветер, песок и камни закружились в воздухе и напугали людей.

Сходились облака из разных стран,
Мрак наступил, и черный пал туман.

Вздымались волны силы несравненной
Во всех концах взволнованной вселенной.

И эти волны испугать могли б
Креветок, крабов и проворных рыб.

В лесах деревья, падая, ломались,
И волчьи стаи в страхе разбежались.

Тигр присмирел и в горы убежал,
Чтоб прятаться под выступами скал.

И продавцов на улицах не стало,
И покупателей осталось мало:

Князя в покоях ищут тишины,
Военные, гражданские чины

Давно уже вернулись в управленья;
Дворец многовековый впал в смятенье,

Шатаются высокие дома,
И трон свалила эта кутерьма.

Буря повергла в страх правителей страны Аолайго. В городе началась паника. Народ спешил закрыть двери и окна, и никто не решался выходить на улицу. Тогда Сунь У-кун спустился на землю и направился прямо ко дворцу. Он отыскал арсеналы с оружием, взломал двери и увидел бесчисленное количество оружия. Чего там только не было – и мечи, и пики, и сабли, и алебарды, и боевые топоры, и секиры, косы, кнуты, грабли, вилы и дубинки, луки и арбалеты, копья и многое другое. Глядя на все это, Сунь У-кун пришел в восторг и воскликнул:

– Много ли смогу я один унести? Нет, чтобы переправить все, придется снова прибегнуть к волшебству.

Тут Прекрасный царь обезьян выдернул у себя пучок шерсти, разжевал ее на мелкие кусочки и, выплюнув, произнес заклинание.

– Превращайтесь! – крикнул он.

В тот же миг появились тысячи маленьких обезьян, которые наперебой стали хватать оружие. Кто посильнее, тащил по шесть-семь штук сразу, послабее – по две-три штуки. Арсенал быстро опустел. После этого все они взобрались на облако, и вызванный волшебством страшный ветер сейчас же доставил их на Гору цветов и плодов.

В это время обезьяны как раз забавлялись около своей пещеры. Вдруг они услышали вой ветра и в воздухе увидели бесчисленное множество существ, которые визжали и кричали. В страхе обезьяны разбежались и попрятались кто куда. Но вскоре Прекрасный царь обезьян спустился вниз, рассеял туман и, отряхнувшись, водворил на место выданный клочок шерсти. Сложив на склоне холма все оружие в кучу, он крикнул:

– Ну-ка, ребята! Идите, разбирайте оружие! Выглянув из своих укрытий, обезьяны увидели, что, кроме Сунь У-куна, никого больше нет. Тогда они бросились к нему и, кланяясь, стали спрашивать обо всем, что с ним произошло. Сунь У-кун рассказал подробно о том, как вызвал бурю и доставил сюда оружие. Поздравив своего повелителя с успехом, обезьяны

подбежали к оружию и целый день таскали его. Кто хватал меч, кто саблю, кто пику, кто топор, тащили луки и арбалеты. Шум стоял весь день невообразимый.

Назавтра они, как обычно, выстроились в ряд. Сунь У-кун насчитал более сорока семи тысяч обезьян. Цари диких зверей и животных, населяющих окрестные горы: волков, тигров, кабарги, оленей, диких кошек, барсуков, лис, сусликов, обезьян, львов, слонов, горилл, медведей, кабанов, козлов, маралов, носорогов, а также повелители Духов семидесяти двух пещер⁵⁴ – все пришли засвидетельствовать свое уважение Прекрасному царю обезьян и выразить ему свою покорность. Каждый год они преподносили ему дань и четыре раза являлись на проверку. Некоторые из них по очереди отбывали разные работы, другие доставляли в определенный срок продовольствие. На Горе цветов и плодов воцарился полный порядок, и она стала крепка, как железная стена. Отовсюду повелители Духов наперебой слали бронзовые барабаны, цветные знамена, кольчуги и шлемы. С этих пор обезьяны ежедневно обучались владению оружием и совершали боевые походы.

И вот как-то раз, любуясь всем происходящим, Прекрасный царь обезьян вдруг обратился к своим подданным.

– Ну что же, – сказал он, – вы, кажется, научились обращаться с оружием, умеете стрелять из лука и арбалета. Только вот мой меч мне не особенно нравится, какой-то он большой и нескладный. Не знаю даже, как мне быть.

Тут вперед выступили четыре старые обезьяны и почтительно доложили:

– Ведь вы, великий царь, бессмертны, и вам просто не пристало носить обычное оружие. А теперь скажите нам, могли бы вы проникнуть в водные пучины?

– С тех пор как я познал путь истины, я овладел искусством семидесяти двух земных превращений, – отвечал им на это Сунь У-кун. – И самым чудесным из них является то, что я научился летать на облаках. Я могу также стать невидимым. Для меня открыт путь и на небо и под землю. Проходя мимо солнца и луны, я не оставляю тени, могу без всяких препятствий проникать сквозь камень и металл. Вода не поглотит меня, а огонь не сожжет. Что же может помешать мне проникнуть в морские глубины?

– Раз уж вы, великий царь, владеете подобным волшебством, – молвили обезьяны, – то должны знать, что вода, которая протекает под этим мостом, ведет прямо во дворец Дракона Восточного моря. И если только вы пожелаете нанести визит повелителю драконов, то могли бы попросить у него какое-нибудь оружие. Он, конечно, не откажет вам в этом.

Совет обезьян пришелся Сунь У-куну по душе, и он сказал:

– Ждите меня! Я сейчас же отправляюсь туда.

Остановившись на краю моста, Прекрасный царь обезьян произнес заклинание, которое должно было предохранить его от действия воды. Нырнув в волны, он, прокладывая себе через воду путь, очень быстро очутился на дне Восточного моря. По дороге ему вдруг встретился дозорный Якша⁵⁵, который остановил его.

– Что за праведник прокладывает себе путь в воде? – спросил он. – Скажите, кто вы такой, чтобы я мог доложить о вас своему повелителю, и он устроит вам подобающую встречу.

– Как же можешь ты не знать меня? – удивился Сунь У-кун. – Ведь я – рожденный небом праведник с Горы цветов и плодов по имени Сунь У-кун и прихожусь, можно сказать, ближайшим соседом вашему Царю драконов.

⁵⁴ *Духи семидесяти двух пещер.* – По верованиям древних китайцев, небесные светила, планеты, созвездия и звезды были заселены различными духами и божествами. На земле также имеется много знаменитых благословенных мест – обителей бессмертных. Из этих мест наиболее часто упоминаются тридцать шесть небесных пещер, управляемых духами, и семьдесят два благословенных места, управляемых праведниками. Иногда эти же цифры, как в данном случае, связываются с местами, населенными духами вообще.

⁵⁵ *Якша (санскр.)* – в китайской транскрипции – Е-ча. Демоны, подчиненные небесному князю Вайсравана. Они двигаются быстро, как стрела. В подземном и водном царстве выполняют роль посланцев или стражей.

Якша мигом бросился в хрустальный дворец и доложил своему повелителю:

– Великий царь, сюда пожаловал рожденный небом праведник Сунь У-кун. Он называет себя вашим ближайшим соседом и говорит, что прибыл с визитом во дворец.

Услышав это, Царь драконов Восточного моря Ао Гуан поспешно поднялся и, ведя с собой детей и внуков, а также креветок-солдат и крабов-генералов, вышел из дворца навстречу Сунь У-куну.

– Прошу вас, почтенный бессмертный, входите! – обратился он к пришедшему и ввел гостя. После обычных церемоний гостя усадили на почетное место и поднесли ему чаю.

– Могу ли я узнать, – спросил Царь драконов, – когда вы постигли истину и какому волшебному искусству научились?

– Только появившись на свет, – отвечал Сунь У-кун, – я сразу же отрешился от бренного мира и начал самоусовершенствоваться. И вот сейчас тело мое уже неподвластно законам рождения и разрушения. Недавно я стал обучать своих подданных военному делу, чтобы они могли защищаться, если будет нужно, и мне самому необходимо хорошее оружие. Я давно уже слышал, что у вас, уважаемый сосед, в покоях вашего дворца из кораллов и зеленого нефрита хранится много волшебного оружия. И вот сейчас я прибыл сюда только для того, чтобы попросить у вас что-нибудь из этого оружия для себя.

Царь драконов не решился отказать его просьбе и велел командиру-окуню тотчас же принести огромный меч, который и преподнес гостю.

– Я почему-то не могу пользоваться этим мечом, – сказал Сунь У-кун, – может быть, вы соизволите дать мне что-нибудь другое?

Тогда Царь драконов послал командира-малаявку и силача-угря за боевыми вилами с девятью зубцами. Увидев вилы, Сунь У-кун вскочил, схватил их и, проделав несколько упражнений, воскликнул:

– Нет, они легкие! Очень легкие! Да к тому же мне как-то неудобно ими действовать. Очень прошу вас, дайте мне что-нибудь другое.

– Уважаемый бессмертный! – возразил смеясь Царь драконов. – Да вы разве не видите, что в этих вилах три тысячи шестьсот цзиней⁵⁶ весу.

– Все равно они мне не годятся, – повторил Сунь У-кун.

Тут Царь драконов растерялся и приказал генералу-лещу и командующему-карпу доставить огромную алебарду весом в семь тысяч двести цзиней. Увидев алебарду, Сунь У-кун подбежал к ней, схватил и, сделав несколько упражнений и выпадов, воткнул ее в землю.

– И это все еще не то! Легковата она! – сказал он.

Царю драконов стало страшно.

– Уважаемый бессмертный! – обратился он к Сунь У-куну. – Это самое тяжелое оружие, которое есть в моем дворце. Больше мне нечего вам предложить.

– Еще в старину люди говорили, – отвечал со смехом Сунь У-кун, – «Это все равно, что Царю драконов печалиться о том, что у него нет сокровищ!» Вы поищите-ка получше, и если найдется что-нибудь подходящее для меня, то я перед вами в долгу не останусь.

– Но у меня действительно ничего больше нет! – продолжал уверять Царь драконов.

В этот момент из внутренних покоев появилась жена Царя драконов с дочерью и, приблизившись к супругу, сказала:

– Великий царь! По всему видно, что этот мудрец – существо необыкновенное. У нас есть волшебное железо, которым был утрамбован Млечный Путь. В последние дни от этого железа исходит какое-то странное сияние. Я думаю, что оно предвещало нам приход этого мудреца, а сейчас словно велит нам отдать железо ему.

⁵⁶ Цзинь – мера веса, равная 0,6 килограмма.

– Да ведь железо это священное. Сам великий Юй⁵⁷ устанавливал с его помощью глубину рек и морей, – сказал на это Царь драконов. – Как же сможет мудрец им пользоваться?

– А ты не беспокойся об этом, – уговаривала жена своего супруга, – ты подари ему железо, и все. Пусть делает с ним, что хочет. Лишь бы только выпроводить его из дворца.

Царь драконов послушался совета жены и рассказал о железе Сунь У-куну.

– Ну-ка, принесите его мне, я посмотрю, – попросил Сунь У-кун.

– Да что вы! – замахал руками Царь драконов. – Оно такое тяжелое, что его и с места не сдвинуть. Вы сами пойдите посмотрите.

– Что же, покажите тогда, где оно находится, – попросил Сунь У-кун.

И вот Царь драконов привел Сунь У-куна в сокровищницу моря. Тут вдруг в глаза им ударил блеск множества золотых лучей.

– Вот здесь оно и лежит! – сказал Царь драконов, указывая на то место, откуда исходило сияние.

Сунь У-кун подобрал полы своего халата, сделал несколько шагов вперед и, приблизившись к предмету, пощупал его. Оказалось, что это большой железный столб, толщиной с бадью и длиной свыше двух чжан. Сунь У-кун поднатужился и схватил его обеими руками.

– Длинноват, пожалуй, да и объемист! – сказал он. – Если бы чуть покороче и потоньше, вот было бы хорошо!

Не успел он закончить, как железный столб уменьшился в объеме и стал короче. Сунь У-кун прикинул, сколько он весит, и опять сказал:

– Еще бы чуточку потоньше!

И подумать только! Столб снова уменьшился, чем доставил Сунь У-куну огромное удовольствие. Сунь У-кун вытащил его и стал рассматривать. Столб был сделан из черного железа, по краям сверкали золотые обручи. На одном из них выделялись выгравированные иероглифы: «Посох исполнения желаний с золотыми обручами. Весит 13 500 цзиней» – гласила надпись.

Сунь У-кун остался очень доволен и решил: «Это как раз то, что мне нужно».

Однако, неся посох и подбрасывая его на ходу, Сунь У-кун снова стал размышлять:

«Как было бы чудесно, если бы он стал еще меньше».

Но когда Сунь У-кун вышел из сокровищницы, то оказалось, что посох уже имел два чжана длины, а толщиной был лишь в чашку. По дороге во дворец Сунь У-кун начал проделывать с посохом всякие чудеса, показывал различные приемы, и так напугал всех, что Царь драконов дрожал от страха, а у принцев душа ушла в пятки. Напуганные черепахи втянули головы, рыбы же, крабы и креветки попрятались кто куда мог.

Придя в хрустальный дворец, Сунь У-кун уселся и, не выпуская из рук своего сокровища, с улыбкой обратился к Царю драконов:

– Я вам очень благодарен, уважаемый сосед, за вашу доброту.

– Ну что вы, стоит ли говорить об этом.

– Слов нет, этот кусок железа мне очень нравится, – продолжал Сунь У-кун, – однако я хочу попросить вас еще об одном.

– О чем же, великий бессмертный?

– Пока я не имел этого железа, то и говорить было не о чем, – сказал Сунь У-кун. – Но теперь, когда оно у меня в руках, а на мне нет подобающего одеяния, я чувствую себя как-то неловко. Что же делать? Может быть, у вас найдется какой-нибудь наряд, я бы очень просил подарить его мне, а я за все сразу уж и отблагодарю вас.

– Вот уж таких вещей у меня действительно нет, – отвечал Царь драконов.

⁵⁷ Юй – один из первых трех легендарных императоров, основателей первых трех династий. Юй – основатель династии Ся (2205—1783 гг. до н. э.). По преданию, Юй усмирил водную стихию, избавил народ от наводнений и разделил страну на девять областей.

Но Сунь У-кун сказал на это:

– Старая поговорка гласит: «Порядочный гость не будет беспокоить двух хозяев». Вы хоть и говорите, что у вас нет подходящего одеяния, но знайте, что я не уйду отсюда, пока не добыюсь своего.

– Вы бы отправились в другое море, быть может, вам удастся там найти то, что нужно, – посоветовал Царь драконов.

– Говорят: «Лучше остановиться в одном доме, чем бегать зря по трем», – возразил Сунь У-кун. – Я еще раз очень прошу вас найти для меня что-нибудь.

– Но право же, у меня ничего нет, – продолжал уверять Царь драконов. – Поверьте, имей я такое одеяние, я с удовольствием преподнес бы его вам.

– Так вы говорите, что у вас действительно ничего нет? – с угрозой в голосе сказал Сунь У-кун. – Ну что ж, придется мне тогда испробовать на вас это железо.

– Пойдите, великий бессмертный, не надо драться, – поспешно заговорил Царь драконов. – Я посмотрю, нет ли чего-нибудь у моих братьев. Тогда, может быть, я и смогу удовлетворить ваше желание.

– А где ваши братья? – поинтересовался Сунь У-кун.

– Один из них – Ао Цинь – Царь-дракон Южного моря, другой, Ао Шунь – Царь-дракон Северного моря и третий, Ао Жун – Царь-дракон Западного моря.

– Но я вовсе не желаю идти к ним! – воскликнул Сунь У-кун. – Правильно говорит пословица: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе». Я надеюсь все же, что вы сами найдете что-нибудь подходящее для меня.

– Да вам и не нужно идти к ним, – успокоил его Царь драконов. – В моем дворце есть металлический барабан и золотой колокол. И вот в особо важных случаях мы бьем в эти инструменты, и братья тотчас же являются сюда.

– Ну, тогда бейте скорее в колокол и барабан, – согласился Сунь У-кун.

И действительно, не успел крокодил ударить в колокол, а черепаха в барабан, как три царя-дракона, встревоженные этими звуками, немедленно явились на зов. Хозяин встретил их около дворца.

– Дорогой брат, – молвил Дракон Южного моря Ао Цинь, – что случилось? Почему ты бьешь в барабан и колокол?

– Дорогие братья, – заговорил старый Дракон. – Трудно даже рассказать вам об этом. Какой-то праведник с Горы цветов и плодов, рожденный небом, пришел навестить меня, как своего соседа. А затем стал просить какое-нибудь оружие. Я дал ему стальные вилы, но они показались ему малы. После этого я предложил ему огромную алебарду, однако и ее он счел легкой. Тогда я решил отдать ему священное железо, которым утрамбовывали Млечный Путь. Он сам вытащил его и проделал несколько упражнений. Сейчас этот праведник сидит во дворце и требует для себя еще одеяние, а у меня здесь ничего подходящего нет. Вот почему я приказал бить в барабан и в колокол и звать вас сюда. Может быть, у вас, дорогие братья, найдется для него какое-нибудь платье, тогда мы отдадим его праведнику и выпроводим его.

Выслушав это, Дракон Ао Цинь так и вскипел от гнева.

– А почему бы нам не привести сюда наши войска и не схватить его? – воскликнул он.

– Об этом ты даже и не заикайся! – поспешно перебил его старый Дракон. – Стоит только ему взять в руки это железо, и гибель наша неизбежна. От одного прикосновения этого железа можно расстаться с жизнью.

– Действительно, лучше не трогать его, братья, – предложил Дракон Западного моря Ао Жун. – Мы найдем ему какое-нибудь платье, лишь бы только избавиться от него, а затем обратимся с жалобой к небу, и оно накажет его.

– Правильно, – подтвердил Дракон Северного моря Ао Шунь. – У меня, например, есть туфли из корней лотоса, в которых можно ходить по облакам.

– А я захватил с собой золотую кольчугу с замками, – сказал Дракон Западного моря Ао Жун.

– У меня есть шлем из пурпурного золота, украшенный перьями феникса, – сообщил Дракон с юга Ао Цинь.

Слова их доставили огромное удовольствие старшему Дракону. Он ввел братьев во дворец, чтобы познакомить их с Сунь У-куном и преподнести ему подарки.

Сунь У-кун надел на себя шлем, кольчугу и туфли и с жезлом в руках сейчас же покинул дворец.

– Ишь разворчались! – сердито бросил он, проходя мимо драконов.

Мы не будем рассказывать о том, что возмущенные братья стали держать совет, как обратиться к владыке неба с жалобой на Сунь У-куна.

Послушайте лучше, что случилось дальше. Покинув подводное царство, Царь обезьян быстро очутился у железного моста и взобрался на него. Здесь его уже поджидали четыре старые обезьяны, а с ними и остальные. Они увидели, что неожиданно появившийся из воды Сунь У-кун совершенно сух. Весь сияя золотом, он прошел на мост, и тут все обезьяны склонились перед своим повелителем, то и дело восклицая:

– Какое великолепиие! Какая роскошь!

Широко улыбаясь, Сунь У-кун поднялся на трон и поставил перед собой свой посох. Не зная, что это за диковина, обезьяны бросились к сокровищу, желая поддержать его. Но представьте себе, что стрекоза захотела бы потрясти железный столб! Они даже с места не могли его сдвинуть. Покусывая пальцы и высовывая языки, обезьяны выражали свое удивление:

– Повелитель! Лишь тебе одному под силу такая тяжесть!

Тут Сунь У-кун выступил вперед и поднял посох одной рукой.

– Каждая вещь имеет своего хозяина! – улыбаясь, проговорил он. – Это сокровище пролежало на дне моря много тысяч лет и лишь в этом году стало излучать свет. Царь драконов думал, что это просто кусок черного железа, хоть и называл его чудесным сокровищем, которым утрамбовали Млечный Путь. Никто не мог поднять посох, и они попросили меня пойти и взять его. Когда он впервые очутился в моих руках, то имел более двух чжан в длину и был толщиной с бадью. Я решил, что это, пожалуй, велико для меня, и он тотчас же стал намного меньше. И вот всякий раз, как я хотел, чтобы посох уменьшился, желание мое исполнялось. На посохе я увидел надпись: «Посох исполнения желаний с золотыми обручами. Весит 13 500 цзиней». А теперь расступитесь и посмотрите, как по моему велению посох будет изменяться.

И действительно, держа в руке свое сокровище, Царь обезьян крикнул:

– Уменьшайся! Уменьшайся! Уменьшайся!

И посох сразу же стал таким маленьким, как игла для вышивания, которую совершенно свободно можно спрятать в ухе. Все были поражены и закричали:

– Великий царь! Прodelай с ним еще что-нибудь!

Тогда Царь обезьян вытащил иглу из уха и, положив ее на ладонь, приказал:

– Становись больше, больше, больше!

И посох увеличился до двух чжан длины и стал толщиной с бадью. Тут Сунь У-кун вошел в азарт. Он вскочил на мост, выбежал со своим сокровищем из пещеры и, прибегнув к небесному волшебству, нагнулся и крикнул:

– Становись длиннее!

В тот же момент Сунь У-кун поднялся вверх на десять тысяч чжан. Голова его стала подобна горе Тайшань, талия напоминала горные хребты, глаза сверкали, словно молнии, рот походил на кровавую чашу, а зубы – на ножны сабель. Посох, который Сунь У-кун не выпускал из рук, достигал вверху тридцать третьего неба⁵⁸, а внизу касался восемнадцатого слоя преис-

⁵⁸ *Тридцать три неба* – синоним неба, или рая. Название связано с легендой о том, что после смерти Будды – Сакья-муни,

подней. Перепуганные тигры, барсы, волки, шакалы и другие звери заполнили горы, а злые Демоны – правители обитателей семидесяти двух пещер, дрожа от страха, пали ниц и отбивали земные поклоны. Вдруг Сунь У-кун снова произнес магическое заклинание и принял прежний вид, а его драгоценность превратилась в иглу для вышивания. Он спрятал ее в ухо и вернулся к себе в пещеру. Демоны – обитатели пещер явились к нему с поздравлениями.

И тогда приказали бить в барабаны и гонги. Был устроен торжественный пир, во время которого подавали всевозможные редкие яства, сок из кокосовой пальмы, разные наливки и настойки из винограда. Веселились очень долго, а затем снова приступили к занятиям военным делом.

Царь обезьян пожаловал четырем старым обезьянам звания полководцев. Двух макак он назвал командующими Ма и Лю, а двух других назвал военачальниками Пэн и Ба.

Поручив четырем обезьянам устройство и укрепление лагеря, а также распределение наград и наложение наказаний, Сунь У-кун со спокойной душой стал каждый день совершать на облаках прогулки по окрестным морям и горам. Он упражнялся в военном деле, посещал доблестных героев, совершенствовался в применении волшебных заклинаний и завел много друзей среди небожителей. Он успел побрататься с шестью злыми демонами: быком, водяным драконом, грифом, духом обезьяны, макакой, львом. Они часто встречались, беседовали о житейских делах и о военном искусстве, пили чарами и кубками вино, играли на музыкальных инструментах, распевали песни и танцевали. Так, собираясь по утрам и расходясь лишь к вечеру, проводили они время во всевозможных забавах и увеселениях. Прodelать путь в десять тысяч ли было для них все равно, что выйти за ограду своего дома. Стоило им кивнуть головой, и они могли очутиться в другом месте, где-нибудь за три тысячи ли. Один поворот тела переносил их дальше, чем на восемьсот переходов.

Как-то раз Сунь У-кун приказал своим четырем полководцам устроить пиршество и пригласил к себе в пещеру шестерых своих побратимов – правителей духов. Забили коров и лошадей, чтобы принести жертвы небу и земле. Всем было разрешено петь, плясать и веселиться до упаду, есть и пить вволю.

Проводив своих гостей – шестерых повелителей духов, Сунь У-кун оделил подарками больших и малых начальников, после чего прилег у моста в тени под сосной отдохнуть и тотчас же уснул. Четыре военачальника охраняли покой своего повелителя, и никто не осмеливался громко разговаривать.

И увидел Царь обезьян во сне, что к нему приблизились два духа с бумагой в руках. На бумаге было три иероглифа, из которых состояло его имя: Сунь У-кун. Не успел Царь обезьян произнести и слова, как они вытащили веревки и, связав ему душу, поволокли ее за собой к обнесенному стеной городу. К этому времени хмель у Сунь У-куна стал проходить. Подняв голову и оглядевшись, он увидел на стене железную вывеску: «Преисподняя».

«Как же это я очутился здесь? – промелькнуло в голове у Сунь У-куна. – Ведь Преисподняя находится во власти Князя смерти Янь-вана».

– Годы твоей жизни кончились, – промолвили тут духи, доставившие его сюда, – и нас послали за тобой.

– Я выше земного мира чувственных страстей, – воскликнул Сунь У-кун. – Я не состою из пяти элементов и не подчинен власти Князя смерти. Вы что, с ума сошли? Как же осмелились вы схватить меня и тащить сюда? !

Но посланцы ада продолжали тащить Сунь У-куна, не обращая внимания на его слова. Тут Царь обезьян рассердился, вытащил из уха свою драгоценность, потряс ею, и она стала толщиной с чашку. Он легонько взмахнул ею и ударил духов, посланных за его душой. От тех

какая-то женщина начала строить пагоду. Ей помогали еще тридцать два человека. После окончания постройки женщина сделалась правительницей этого сооружения, а помогавшие ей строить – ее помощниками.

осталось лишь мокрое место. Освободившись от веревок, Сунь У-кун, широко шагая, направился в крепость, размахивая своим посохом. Увидев его, демоны с головой быка и мордой лошади в страхе стали метаться из стороны в сторону, а толпа других демонов ринулась во дворец и доложила:

– Великий царь! Беда! Беда! Какой-то Бог грома с обросшим шерстью лицом приближается ко дворцу!

Тут десять судей смерти⁵⁹ пришли в сильное замешательство и, быстро приведя себя в порядок, вышли посмотреть, что происходит. Увидев рассвирепевшего Сунь У-куна, они выстроились в ряд и громко приветствовали его:

– Великий бессмертный, назовите нам свое имя!

– Раз вы не знаете меня, то как осмелились послать за мной своих людей?– крикнул Сунь У-кун.

– Да разве посмели бы мы поступить подобным образом! – возразили судьи. – Вероятно, посланные допустили какую-то ошибку!

– Я святой мудрец из Пещеры водного занавеса, с Горы цветов и плодов, – представился Царь обезьян. – А вы кто будете?– спросил он их в свою очередь.

– Мы десять судей Владыки Преисподней, – отвечали те с поклоном.

– Ну так вот, если не хотите, чтобы я побил вас, быстрее называйте свои имена! – приказал Сунь У-кун.

И все десять судей назвали свои имена.

– Если вы действительно судьи смерти, то должны быть наделены божественным провидением, – сказал Сунь У-кун. – Как же вы не разбираетесь в делах? Я постиг истину и стал бессмертным праведником, вечным, как небо. Я стою выше чувственного мира и не подчиняюсь законам пяти стихий. Как же смели вы послать своих людей схватить меня и привести сюда?

– Не гневайтесь, праведник, – отвечали судьи. – Мир велик, и людей, носящих одинаковые имена, много. Очевидно, наши посланцы совершили ошибку и спутали вас с кем-нибудь другим.

– Все это ерунда! – крикнул Сунь У-кун. – Ведь существует даже поговорка, которая гласит: «Правители могут быть плохими, чиновники могут быть плохими, но тот, кого они посылают, ни при чем». Дайте-ка мне сейчас же книги с именами живых и мертвых, и мы посмотрим, в чем дело !

Судьи пригласили Сунь У-куна во дворец Владыки Преисподней, и он с посохом в руках последовал за ними и уселся в центре зала лицом к югу⁶⁰. Между тем судьи приказали чиновнику, ведающему списками, принести все дела для проверки. Чиновник поспешил в канцелярию, вытащил там несколько папок с документами и десять книг со списками и стал одну за другой просматривать их. Он проверил список обыкновенных насекомых, насекомых, покрытых шерстью, крылатых насекомых, чешуйчатых, но нигде не обнаружил имени Сунь У-куна. Тогда он взялся за списки обезьян, но и здесь Сунь У-куна не оказалось. А надо вам сказать, что обезьяны, хоть и похожи на человека, а в списках людей не числятся. Есть у них сходство и с животными, но они не живут в какой-либо определенной стране. Похожи они также на зверей, однако не подчиняются Цилиню и, несмотря на свое сходство с птицами, не подвластны фениксу.

Но нашлась еще одна книга, которую Сунь У-кун решил проверить сам. И вот здесь он прочитал: «Душа номер 1350», а ниже: «Сунь У-кун. Каменная обезьяна, порожденная небом. Продолжительность жизни – 342 года. Спокойная смерть».

⁵⁹ *Десять судей смерти.* – Под этим именем подразумевается один Владыка ада Янь-ван. Наименование десяти судей, или князей смерти, присвоено ему потому, что в каждой из десяти секций, на которые разделен ад, он выступает под другим именем.

⁶⁰ В древнем Китае лицом к югу садились цари, князья, правители.

– Я сам не помню, сколько лет я прожил! – воскликнул Сунь У-кун. – Мое имя надо вычеркнуть отсюда! Дайте-ка мне кисть!

Чиновник поспешно подал ему кисть, густо обмакнув ее в тушь.

Тогда Сунь У-кун взял книгу и вычеркнул из нее все имена обезьян, которые там значились. Затем, отбросив книгу, он воскликнул:

– Ну, теперь мы в расчете! Больше мы вам не подвластны!

И, взяв свой посох, он стал прокладывать себе дорогу из царства мрака.

Ни один из десяти судей не решился даже приблизиться к нему. Они отправились во Дворец бирюзовых облаков и, склонившись перед бодисатвой Дицзан-ваном⁶¹, стали спрашивать его, следует ли им обратиться с жалобой к Нефритовому императору. Однако рассказывать об этом мы сейчас не будем.

Выбравшись из крепости, Царь обезьян запутался в траве и едва удержался на ногах. Тут он пришел в себя и понял, что все это было сном. Потягиваясь, он услышал, как четыре его полководца и другие обезьяны говорили:

– Великий царь! Вы много выпили, проспали здесь всю ночь и все еще не можете проснуться.

– Все это не важно, – отвечал им Сунь У-кун. – Но когда я спал, сюда пришли два человека, которые увели меня в царство мрака. Тут только я проснулся и произнес свое волшебное заклинание. Меня проводили прямо во дворец Владыки Преисподней, где восседали судьи смерти. Их было десять. Я поссорился с ними, с этими судьями, просмотрел книгу жизни и смерти и там нашел наши имена. Я вычеркнул их, и теперь мы не будем больше подчиняться Владыке Преисподней.

Обезьяны стали земно кланяться своему повелителю, благодарили его. И вот с тех пор многие горные обезьяны не стареют, потому что их имена были вычеркнуты из списков ада. Царь поведал о том, что с ним произошло, и обезьяны-полководцы оповестили обо всем Духов – властителей пещер. А те не замедлили прийти и принести свои поздравления. Прошло несколько дней, и шесть побратимов Сунь У-куна явились с поздравлениями. Они тоже выслушали рассказ Сунь У-куна и несказанно обрадовались тому, что имена обезьян вычеркнуты из книги. Вместе с царем братья проводили время в забавах и увеселениях, но рассказывать об этом мы не будем.

Послушайте лучше о том, как Дракон Восточного моря подал жалобу божественному все милостивейшему Нефритовому императору неба. Как-то раз во время утреннего приема, когда император восседал в своем облачном дворце с золотыми воротами в Зале божественного небосвода, окруженный божественными сановниками, военными и гражданскими чинами, один из придворных, праведник Цю Хун-цзи, почтительно молвил:

– Разрешите доложить вам, великий царь! Ко дворцу прибыл Дракон Восточного моря, он принес жалобу и нижайше просит принять его.

Император велел пригласить Дракона. Ао Гуана ввели в Зал божественного небосвода, и он воздал императору полагающиеся почести. После этого стоявший в стороне божественный отрок взял у Дракона бумагу и поднес ее императору. Император начал читать:

Я – Ао Гуан, Восточного моря Дракон,
Отдаю повелителю неба смиренный поклон,
Доношу, что обидел меня безо всяких на это причин
Сунь У-кун, знаменитый волшебник из горной пещеры.

⁶¹ *Дицзан-ван* – или бодисатва Кшитигарба, известен также под названием Учитель, правитель или преобразователь ада. По народному поверью, на эту должность он назначен самим небом, что подтверждает факт смешения народных поверий с буддизмом. Дицзан-ван имеет свободный доступ во все части ада и, как гласит народное поверье, считает своим долгом облегчать участь осужденных на мучения.

Он без спроса спустился на дно океанских пучин
И ворвался в подводный дворец, обнаружив плохие манеры,
И, оружия требуя, поднял в покоях скандал,
И тогда, повелев прекратить назревавшую драку,
Я невольно злодею оружие грозное дал,
Повинуясь смиренно волшебному жесту и знаку...
Распугал он в воде обитающих рыб и зверей,
В скалах прятались крабы, уплыли на дно черепахи,
И драконы могучие трех океанских морей
Притаились, втянув чешуйчатые головы в страхе.
И тогда перед ним я склонился, бессилён и нем,
И поднес победителю посох волшебный, железный,
Золотой, разукрашенный перьями феникса, шлем,
Башмаки для ходьбы в облаках над воздушною бездной
И кольчугу с замком... Дорогие подарки приняв,
Удалился злодей, повторяя прыжки и удары, —
Не принес извинений за свой необузданный нрав
И ушел неврежденный, избегнув заслуженной кары.
И поскольку волшебная сила его велика,
О привычном спокойствии в мире подводном радея,
Я прошу императора тотчас отправить войска
И могучей рукой покарать наглеца и злодея⁶².

Прочитав жалобу до конца, император соизволил приказать:

– Пусть Дракон возвращается в свое море. Мы пошлем войска и арестуем преступника.

Склонившись перед императором и поблагодарив его, Дракон удалился. Но не успел он уйти, как появился небесный советник по имени Гэ Сянь-вэн, который, представ перед императором, провозгласил:

– Ваше величество! Во дворец прибыл первый судья смерти. Он принес с собой жалобу от бодисатвы Дицзан-вана.

Тогда божественная фея взяла бумагу и преподнесла ее императору. Нефритовый владыка прочитал ее с начала до конца:

В тиши Преисподней в подземной таинственной мгле
Судом беспристрастным подводятся жизням итоги,
И демоны ищут приюта на грешной земле,
И есть для святых в небесах безмятежных чертоги.
Как мир изначально мелькание ночи и дня,
У птиц и зверей оболочки телесные тленны,
Но души не старятся, цепь воплощений храня,
Законы природы во веки веков неизменны.
И эти законы задумал нарушить злодей —
По воле небесной родившийся Царь обезьяний.
Он вестников смерти убил, напугал в Преисподней судей,
Устроил скандал во дворце и немало иных злодеяний.
Он в книге судеб, что в подземных покоях хранится,
Посмел зачеркнуть подчиненных своих имена

⁶² Стихи в обработке В. Гордеева.

И черною тушью запачкал святые страницы, —
Теперь над его обезьянами смерть не вольна.
Подземные силы бессильны его покарать,
Небесное войско для этого дела пригодней,
И мы умоляем направить волшебную рать,
Могуществом неба покой возродить в Преисподней⁶³.

– Пусть правители царства мрака возвращаются к себе в Преисподнюю, – приказал император, прочитав все до конца. – Мы отправим военачальников и схватим этого смутьяна.

Склонившись перед императором и поблагодарив его, первый судья царства мрака удалился. Тогда император обратился к окружавшим его сановникам:

– Когда появилась эта волшебная обезьяна и в каком перевоплощении ей было предназначено постигнуть великое учение?

Едва он произнес это, как вперед выступили Всевидящий глаз и Всеслышащее ухо:

– Эта каменная обезьяна появилась триста лет назад из расщелины скалы. Вначале она ничем особенным не отличалась. Но за последние годы ей каким-то образом удалось усовершенствовать себя и достичь бессмертия. И вот теперь она покоряет драконов, усмиряет тигров и самовольничает, изменяя списки царства мрака.

– Кто же из вас, бессмертных, согласится сойти вниз, чтобы смирить этого беззаконника? – спросил, выслушав их, император.

Тут выступил вперед Дух Вечерней звезды и, преклонив колена, молвил:

– О священнейший! Все существа, которые населяют землю и имеют девять отверстий, могут достичь бессмертия. Поэтому вовсе не удивительно, что обезьяна, созданная небом и землей, сиянием солнца и луны, вскормленная росой и жившая под открытым небом, достигла пределов возможного. Она самоусовершенствовалась, познала великое учение и теперь обладает силой, способной покорять драконов и тигров. Обезьяна эта ничем не отличается от человека. Поэтому я обращаюсь к вашему величеству с нижайшей просьбой: явите свое императорское милосердие и вызовите эту обезьяну на небо, назначьте на официальную должность и занесите в списки слуг вашего величества. Здесь она будет постоянно находиться под надзором. И тогда, если она станет подчиняться велениям неба, вы сможете даже повысить ее в должности и наградить. А не пожелает слушаться, то ее тут же можно и усмирить. И вот, если мы поступим подобным образом, не нужно будет посылать войска, а кроме того, это будет лучшим способом привлечь к себе бессмертного.

Слова эти доставили большое удовольствие Нефритовому императору.

– Быть посему! – молвил он и тут же велел своему писцу написать соответствующий указ, с которым отправил Духа Вечерней звезды. Дух вышел через Южные ворота, сел на облако и вскоре очутился на Горе цветов и плодов у Пещеры водного занавеса.

– Я посланец неба, – обратился он к толпе обезьян, – и прибыл сюда с высочайшим указом. Нефритовый владыка призывает вашего царя на небо. Доложите ему об этом поскорее.

Обезьяны стремглав бросились во внутренние помещения пещеры.

– Великий царь! – обратились они к своему повелителю. – Там, у пещеры, стоит какой-то старец. Он говорит, что послан сюда небом с высочайшим указом, в котором вас приглашают отправиться вместе с ним на небо.

Услышав это, Прекрасный царь обезьян не мог скрыть своей радости.

– А я ведь последнее время как раз думал о том, чтобы отправиться на небо, – промолвил он, – и вот видите, посланец прибыл очень кстати. Пригласите-ка его побыстрее сюда.

Царь быстро привел в порядок свою одежду и головной убор и поспешил навстречу гостю.

⁶³ Стихи в обработке В. Гордеева.

Пройдя в середину зала, Дух звезды остановился, повернулся лицом к югу и произнес:
– Я – Дух Вечерней звезды. Меня послал сюда Нефритовый император. Он шлет вам указ, в котором призывает вас на небо. Там вы получите должность и станете небесным чиновником.

– Я очень тронут тем вниманием, которое вы оказали мне, спустившись на землю, – отвечал на это Сунь У-кун и тут же велел своим подданным устроить в честь гостя пир.

– Но я привез с собой священный указ, – возразил Дух звезды, – и поэтому не могу долго задерживаться. У нас еще будет случай побеседовать с вами после вашего назначения.

– Не смею настаивать, – почтительно отвечал Сунь У-кун. – Благодарю за честь, которую вы оказали нам своим посещением.

После этого он подозвал четырех старых обезьян-военачальников и дал им наставления.

– Обучайте молодых обезьян со всем усердием и ждите меня. Я побываю на небе, посмотрю, хорошо ли там, и тогда возьму и вас туда с собой, и мы будем жить вместе.

Обезьяны-полководцы склонились перед своим повелителем в знак согласия, и Царь обезьян последовал за Духом звезды. Они сели на облако и стали подниматься ввысь.

И поистине:

Вознесся на небо,
И ныне в высшем сане

В одном ряду
С бессмертными он встанет:

Теперь он к облакам
Небесным близок,

Внесенный
В самый драгоценный список.

Читатель! Вы еще не знаете, какую должность получил Сунь У-кун. Поэтому прошу вас послушать, о чем повествует следующая глава.

Глава четвертая, ***повествующая о том, как Царь обезьян остался*** ***недоволен назначением на должность бимавэня и*** ***о том, как он не успокоился даже после того, как*** ***стал называться «Великий Мудрец, равный небу»***

Итак, Дух звезды вместе с Прекрасным царем обезьян покинул пещеру. Они сели на облако и поднялись ввысь. А надо вам сказать, что Сунь У-кун передвигался на облаках особым способом и именно благодаря этому двигался необычайно быстро. Очень скоро Дух звезды остался далеко позади, и Сунь У-кун первым прибыл к Южным воротам неба. Однако в тот момент, когда он уже собирался войти, дорогу ему преградил начальник стражи небесных ворот сопровождаемый большим отрядом охраны, вооруженной пиками, мечами и алебардами.

– Оказывается, этот старый Дух просто жулик! – возмутился Царь обезьян. – Ведь он сам пригласил меня сюда, зачем же ему понадобилось выслать навстречу мне стражу с мечами и пиками? !

Как раз в этот момент подоспел запыхавшийся Дух звезды. Увидев его, Сунь У-кун сердито крикнул:

– Ты что это, старик, вздумал обманывать меня! Ты сам сказал, что по указу Нефритового императора пригласил меня на небо ! Почему же стража не выпускает меня?

– О государь! Не сердитесь, – с улыбкой промолвил Дух. – Ведь вам еще не приходилось посещать небесные чертоги, и здесь вас никто не знает. Как же могла небесная стража впустить вас? Вот сегодня, когда вы представитесь императору и получите назначение и звание, никто больше не помешает вам входить и выходить.

– Ах, вот как, – сказал Сунь У-кун, – в таком случае я не хочу идти туда.

– Да нет, со мной-то вы войдете, – и с этими словами Дух остановил Сунь У-куна, собиравшегося уже уходить, и, приблизившись к небесным воротам, громко крикнул:

– Эй! Охрана, военачальники и стражники! Дайте дорогу! Сюда явился бессмертный с земли, которого я вызвал по указу Нефритового императора.

Тут начальник стражи и охрана убрали оружие и удалились. Лишь теперь Сунь У-кун поверил Духу и спокойно последовал за ним. Когда он вошел во дворец, его глазам представилась картина, о которой поистине можно было сказать:

Кто посещал впервые мир небесный,
Тот попадал и во дворец чудесный,
Где радуга на стенах трепетала
И алые лучи свои сплетала.
Где сотни струй эфирных в сочетанье
Отбрасывали алое сиянье
Взгляните же на Южные ворота —
Какая здесь искусная работа! —
Отделаны глазурью совершенной
И темно-синей яшмой драгоценной.
По сторонам начальники стояли
И потолка главою достигали,
В руках бунчук держали и оружие,

А воины стояли полукружем,
В строю, за полководцами своими,
Кольчугами сверкая золотыми.
У них в руках стальные были плети,
Блюли порядок строгий стражи эти.
Снаружи все не слишком поражало,
Зато внутри пришельцев ослепляло.
Стремилась ввысь огромные колонны,
Вокруг которых обвились драконы,
И чешуя сверкала золотая.
Прогуливались фениксы, блистая
Раскрашенными яркими крылами
И красными качая головами;
Здесь длинные мосты повсюду были,
По ним-то эти фениксы ходили,
Неся лучей небесных отраженье
В своем прекрасном, пестром оперенье;
Оно цветы земли напоминало,
Туманы над Медведицею Малой!
Здесь тридцать три дворца в небесной сени;
Вот, например, «Дворец пяти учений»,
Большой «Дворец Хранителя закона»,
Иль «Облаков – скитальцев небосклона».
Здесь семьдесят и два имелось зала:
«Лингуандянь»... да и других немало,
«Просторов неба», «Светов знаменитых»;
Цилини здесь стояли из нефрита.
Терраса Шоусин была веками
Засажена бессмертными цветами,
И никогда цветы не увядали.
Здесь в тигле эликсир приготавливали —
Бессмертье сообщающий напиток;
И был вокруг зеленых трав избыток.
Когда же императора покои
Увидели пришельцы пред собою,
То темно-синий занавес кисейный,
Весь в звездах, распахнулся легковейно.
Там в глубине покоилась корона,
Она казалась мальвой золоченой,
Алмазным блеском ослепляли взоры
Бесценные прекрасные уборы.
Расшиты были туфли жемчугами,
Лежали ленты рядом с орденами.
При звуках колокола золотого
Сановники к вратам спешили снова.
Когда же громко в барабан ударят,
Князя идут в покои государя.
Вошли пришельцы в Зал небес священный,
Где дверь была из яшмы драгоценной,

А створки на золотых гвоздях держались,
Где фениксом ворота украшались.
Его изобразили кисть и краски,
Прекрасного в своей священной пляске.
Так шли они от зала к залу – дале,
И множество чудес они видали:
Лепились по карнизам крыш драконы,
На гребне кровли, высоко взнесенном,
Темно-пурпурный куполок вздымался;
Источником сиянья он являлся,
И был подобен тыквочке-горлянке;
Внизу же феи, верные служанки,
Держали – кто зонты, кто – опахала,
А та салфеткой блюдо прикрывала.
И стража и начальник по приему
Хранили верность духу боевому,
Здесь воины стояли в карауле
И стерегли бессмертия пилюли,
Которые в прекрасном этом зале
В лазурной вазе горкою лежали.
А в дивной вазе черного агата
Коралла ветвь светилась красновато.
Здесь столько было во дворцах небесных
Вещей необычайных и чудесных:
Ворота раскрывались золотые,
Звонили колокольчики литые
Серебряным своим прозрачным звоном,
Луна плыла тихонько перед тронном,
И солнце, к утреннему встав приему,
В низине шло по небу голубому.
Попав сюда, владыка обезьяний
Не должен был спускаться в мир страданий
И пасть на землю из небесной сени
Для суеты людской, для искушений.

Вместе с Прекрасным царем обезьян Дух подошел к Залу священного небосвода и без доклада проследовал прямо к императорскому трону. Здесь он, низко склонившись, приветствовал императора. Сунь У-кун между тем стоял выпрямившись рядом с ним. Он, видимо, не имел ни малейшего намерения отдавать почести императору и лишь слегка склонил ухо, чтобы слышать все, что скажет Дух.

– Разрешите доложить, – начал посланец неба, – я выполнил ваш указ и привел земного бессмертного.

– О каком бессмертном идет речь?– взглянув вниз, спросил владыка неба.

– Это я – Сунь У-кун, – подал голос Царь обезьян, склонившись, наконец, перед императором.

– Что за невежественная обезьяна! – побледнев от негодования, возмущенно заговорили присутствовавшие на приеме сановники. – Как осмелилась она не воздать императору должных почестей, а ответить просто: «Это я – Сунь У-кун». Да за такой поступок она достойна смерти!

– Этот Сунь У-кун – земной бессмертный, – соизволил заметить император. – К тому же он недавно приобрел человеческий облик. Не удивительно, что он не знает правил придворного этикета, и на этот раз мы должны отнестись к нему снисходительно.

Подобная милость вызвала восхищение божественных сановников, а Сунь У-кун только теперь произнес приветствие. Затем император приказал всем гражданским и военным сановникам просмотреть списки и найти для Сунь У-куна свободную должность. Тут выступил вперед властитель звезды Уцюй и почтительно доложил:

– Сейчас ни в одном из дворцов и залов небесных чертогов не найдешь свободной должности. Только у надзирателя императорских конюшен есть место смотрителя.

– Ну что ж, назначьте его на должность бимавэня⁶⁴ – смотрителя конюшен, – приказал император.

Все снова выразили восхищение милостью императора. А император велел Духу звезды Мудэ проводить Сунь У-куна к надзирателю конюшен, где он и должен был приступить к исполнению своих обязанностей.

Между тем Прекрасный царь обезьян очень охотно последовал за Духом звезды Мудэ и, прибыв на место, вступил в свою должность. После того Дух звезды Мудэ вернулся во дворец. В конюшнях собрались надзиратели, их помощники, военная охрана, писари, служители и все остальные, большие и малые чиновники конюшен. Ознакомившись с делами, Сунь У-кун узнал, что здесь находится только тысяча небесных коней. Тут были и восемь знаменитых скакунов Чжоуского императора Мувана⁶⁵, знаменитый скакун Гуань-юя⁶⁶ – Красный заяц и много других прославленных в истории коней.

Каждый конь был так могуч, что от ржання его поднимался ветер, и так быстр, что мог догнать молнию. Эти кони умели бегать по туманам и облакам, и сила их была неиссякаемой.

Сунь У-кун вначале просмотрел все инвентарные списки, а затем проверил количество коней и ознакомился с обязанностями служащих. Писари ведали заготовкой фуража, конюхи должны были чистить и мыть коней, косить и нарезать траву, носить воду и готовить корм. Надзиратели и их помощники помогали управляющим вести остальные дела. День и ночь все они ухаживали за лошадьми, кормили их, и ни у кого не оставалось времени даже поспать. Коня подобралась капризные и беспокойные. День еще проходил сносно, но вот ночью они доставляли всем конюхам много хлопот. Надо было поднять и накормить лошадей, которые уже улеглись спать, или же идти и ловить тех, что убежали.

В тот день, когда небесные кони увидели Царя обезьян, они с такой жадностью стали пожирать корм, что очень скоро разъелись. Недели через две выдалось свободное утро, и служащие конюшен решили устроить пирушку в честь прибытия Сунь У-куна. Они хотели поздравить его с назначением. В разгар веселья Царь обезьян вдруг отставил свой бокал.

– Что за звание бимавэнь? – поинтересовался он.

– Это просто название твоей официальной должности, – отвечали ему.

– А к какому рангу относится эта должность? – снова спросил У-кун.

– Да ни к какому.

– Выходит, должность эта настолько высока, что не относится ни к одному из разрядов?

– Да нет, это совсем маленькая должность, она даже так и числится «без ранга».

– Как это так «без ранга»? – продолжал допытываться Сунь У-кун.

⁶⁴ *Бимавэнь* – должность, присвоенная Сунь У-куну в конюшнях небесного императора. В переводе означает: излечивающий лошадиные болезни. Здесь автор использовал народное поверье, по которому обезьяны обладают способностью предохранять лошадей от болезни.

⁶⁵ *Му-ван* (1001—955 гг. до н. э.) – правитель династии Чжоу. По преданию, у него была восьмерка самых быстроногих в мире коней. На этих конях знаменитый возникший Му-вана – Цзао-фу – возил его по империи и в поход на запад.

⁶⁶ *Гуань-юй* – один из героев средневекового классического романа «Троецарствие» Ло Гуан-чжуна. Его знаменитый скакун был назван по имени легендарного животного «красным зайцем».

– Это самая последняя должность. На такие должности, как ваша, назначается тот, кто не зачислен ни в один из служебных рангов. Назначенные на должность бимавэня должны присматривать за конями. Если они делают это добросовестно, может быть, их и похвалят иногда. Если же кони станут хиреть, то за это может и достаться. А когда с ними что-нибудь случится, нечего и говорить – накажут без всякого снисхождения.

В груди Царя обезьян забушевало пламя гнева, и он даже зубами заскрежетал.

– Так вот как обошлись со мной – Сунь У-куном! На Горе цветов и плодов я был отцом и государем, а здесь меня обманули и заставили ухаживать за лошадьми! Если моя должность считается такой ничтожной и ее могут выполнять подростки и низкие люди, так зачем назначили меня сюда? ! Нет, не стану я больше работать на них и сейчас же уйду!

С криком негодования Сунь У-кун опрокинул стол, вынул из-за уха свое сокровище, которое вмиг превратилось в посох толщиной с чашку и, прокладывая себе дорогу, ринулся вон из конюшен прямо к Южным воротам. Небесная стража, которой уже было известно, что он зачислен в списки бессмертных и занимает официальную должность бимавэня, не осмелилась задержать Сунь У-куна, и он свободно прошел через Южные ворота.

Вскоре на облаке он достиг Горы цветов и плодов и здесь увидел, как его четыре военачальника вместе с духами – правителями пещер производят военные учения.

– Ребятки! К вам вернулся ваш господин! – громко крикнул Сунь У-кун.

В тот же миг его толпой окружили обезьяны и, земно кланяясь, приветствовали. Затем они с почетом проводили своего повелителя в пещеру, усадили на трон и спешно занялись приготовлением пира в честь его прибытия.

– Примите наши поздравления, великий царь, – говорили они. – Вы прожили на небе более десяти лет, остались, несомненно, довольны и прибыли со славой.

– Ведь я покинул вас всего каких-нибудь полмесяца назад, откуда же вы взяли, что я пробыл там более десяти лет?– удивился Сунь У-кун.

– На небе время течет незаметно, – отвечали ему. – Один день, проведенный там, равен году на земле. Осмелимся ли мы узнать, великий царь, какую вы там получили должность?

– Даже сказать стыдно ! – замахал в ответ руками Сунь У-кун. – От подобного позора можно умереть! Этот Нефритовый император совсем не умеет ценить людей и не придумал ничего лучшего, как назначить меня на должность бимавэня, как у них она называется. Мне поручили уход за лошадьми, а занимающему эту должность звания вообще не полагается. Вначале я ничего об этом не слышал и жил в свое удовольствие в императорских конюшнях. И лишь сегодня, беседуя со своими сослуживцами, узнал о постигшем меня позоре. Я сильно разгневался, опрокинул рабочий стол и, бросив свою должность, спустился на землю.

– Вы замечательно поступили, великий царь! – воскликнули в один голос обезьяны. – Разве можно променять трон правителя столь счастливой страны, как наша, на должность какого-то конюха!

– В таком случае, ребятки, приготовьте-ка поскорее вина, чтобы рассеять печаль вашего повелителя, – приказал Сунь У-кун.

И вот, в разгар веселья в пещеру вошел дежурный и доложил:

– Великий царь, у дверей ожидают два духа Единорога, они хотят видеть вас.

– Ну что же, зови их сюда.

Духи оправили на себе одежду и, войдя в пещеру, пали ниц перед царем.

– По какому делу вы пожаловали ко мне?– молвил Прекрасный царь обезьян.

– Мы давно слышали о том, что вы принимаете в свое царство всех достойных, – отвечали духи, – но до сих пор у нас не было случая засвидетельствовать вам свое почтение. И вот, узнав о том, что вы получили назначение на небесах и с почетом вернулись, мы решили принести вам, великий царь, свои поздравления и в знак нашего уважения преподнести вам халат оранжевого

цвета. Если же вы не сочтете унижительным принять к себе на службу нас, недостойных, то мы до конца дней своих будем служить вам верой и правдой.

Эти слова доставили большое удовольствие Царю обезьян. Он тут же облачился в оранжевый халат, а остальные обезьяны, сияя радостью, выстроились в ряды и воздали ему почести. Духам было присвоено звание военачальников передовых отрядов. Поблагодарив за оказанную им милость, духи принялись расспрашивать Сунь У-куна о том, долго ли он пробыл на небе и какую должность там занимал.

– Нефритовый император не ценит способных людей, – отвечал на это Царь обезьян. – Он назначил меня на должность какого-то бимавэня.

– Да разве можно с такими волшебными способностями, какими обладаете вы, великий царь, ухаживать за лошадьми? – воскликнули духи. – Неужели вы недостойны получить звание «Великого Мудреца, равного небу»?

Царь обезьян пришел в неопишуемый восторг и стал радостно восклицать:

– Вот это чудесно ! Замечательно !

Он тут же велел четырем военачальникам отдать приказ изготовить знамя с надписью из четырех больших иероглифов: «Великий Мудрец, равный небу», и вывесить его на большом бамбуковом шесте. Отныне все должны были называть его «Великим Мудрецом, равным небу», а не просто великим царем, как раньше. Он повелел оповестить об этом приказе всех демонов – властителей пещер. Однако распространяться об этом больше нет надобности.

На следующий день, когда у Нефритового императора происходил прием, небесный наставник подвел к трону начальника конюшен и его помощника, а те склонились перед императором.

– Разрешите доложить тебе, великий государь, что вновь назначенный бимавэнем Сунь У-кун вчера покинул небесный дворец, так как считает для себя эту должность унижительной.

Как раз в этот момент к трону приблизился начальник охраны Южных небесных ворот в сопровождении стражников.

– По неизвестным причинам бимавэнь прошел через небесные ворота и удалился, – доложил он.

Тогда Нефритовый император повелел:

– Пусть небесные служители возвращаются к своим делам. Мы пошлем небесных воинов арестовать негодника.

Тут из толпы царедворцев выступил князь неба Вайсравана⁶⁷ со своим сыном Ночжа⁶⁸ и, приветствуя владыку неба, молвил:

– Великий государь! Хотя способности мои и невелики, но я просил бы послать меня с этим поручением.

⁶⁷ *Вайсравана* – один из четырех небесных князей. По буддийской традиции, это – четыре мифических властителя, командующие небесной армией, которые охраняют склоны священной горы Сумеру и почитаются защитниками буддийского мира небожителей, а также буддийских храмов. Поэтому их статуи устанавливаются у входа в буддийские храмы. Имена этих князей: *До-вэнь* (Многослышащий) – Вайсравана; *Чи-го* – Дритастра; *Цэн-чжан* – Вирудака; *Гуан-моу* (Многовидящий) – Вирупакша.

⁶⁸ *Ночжа*, или *принц Ночжа*. – Одно из второстепенных божеств. Заимствован даосской мифологией из индийских источников. Герой фантастических легенд, проникнутых духом буддийской традиции. Как и большинство даосских божеств, Ночжа почитается звездным божеством, но прежде он жил и действовал на земле. По буддийской версии, Ночжа считается сыном бога грома (Ваджра). В «Истории духов» рассказывается о том, что, когда Небесный император решил усмирить армию демонов (мара), он сделал так, что один из приближенных к нему духов воплотился и сделался третьим сыном Тота-тяньвана, то есть «Небесного князя, несущего пагоду», что соответствует санскритскому Вадж-рипани. Зазубренную молнию, которую держит в руках это божество, китайцы, очевидно по ошибке, приняли за пагоду и потому стали изображать его на картинах с погодой в руках. За проступок Ночжа был казнен собственным отцом, но сумел возродиться. Будда помог Ночже перевоплотиться и поручил ему ведать колесом закона (символ распространения буддийской доктрины). Изображается Ночжа с восемью руками, а колесо Будды в народной легенде превратилось в два огненных колеса, на которых он и изображается странствующим по небу.

Нефритовый император остался очень доволен, назначил Вайсравану главным командиром, сына его – Ночжа – помощником, велел им собрать войско и отправиться в поход.

Вайсравана и Ночжа пали ниц перед императором, поблагодарили его за оказанную честь и вернулись к себе во дворец, где собрали войско и назначили командиров. Передовым отрядом должно было командовать огромное божество. В арьергарде следовало войско под командой генерала Юйду, а Якша командовал резервом. Войско прошло через Южные небесные ворота и очень быстро достигло Горы цветов и плодов. Выбрав ровное место, воины расположились лагерем. Дух рек Цзюйлиншэнь⁶⁹ должен был вызвать врага на бой. Он привел себя в боевую готовность и, размахивая огромными топорами, приблизился к Пещере водного занавеса. Там он увидел множество оборотней. Среди них были волки, тигры, шакалы и другие звери, которые с диким визгом и ревом прыгали и бегали, размахивая пиками и мечами. Они проводили учебный бой.

– Эй вы, твари! – крикнул Дух рек. – Я прибыл сюда по приказанию Нефритового императора, чтобы усмирить бимавэня. Немедленно доложите ему об этом и скажите, чтобы он сейчас же вышел сюда, не то я всех вас уничтожу.

С криком: «Беда пришла, беда пришла!» – оборотни стремглав бросились в пещеру.

– Какая там еще беда? – спросил их Царь обезьян.

– К пещере подошел какой-то небесный полководец и говорит, что прибыл сюда по повелению Нефритового императора, чтобы усмирить вас. Он требует, чтобы вы сейчас же вышли к нему и выразили свою покорность небу, иначе все мы поплатимся жизнью.

– Подать мне боевые доспехи! – приказал Царь обезьян. Ему принесли шлем из пурпурного золота и кольчугу из желтого золота, туфли для хождения по облакам и волшебный посох. Облачившись и взяв в руки посох, царь вывел всех своих воинов и выстроил их в боевой порядок. Дух рек от удивления даже глаза раскрыл и не мог не согласиться с тем, что Царь обезьян действительно выглядел великолепно:

Кольчуга дивная была на нем,
Он в шлеме красовался золотом;
На посохе был обруч золотистый;
Звездой светился взор его лучистый.
Магические туфли на ногах
Носил он для хождения в облаках;
А тело, подготовя к превращенью,
Держал он непрерывно в напряженье.
Стояли брови у него торчком,
И в голосе был колокольный гром;
А уши у него до плеч свисали.
Он скалился – и зубы выступали.
Но бимавэнь, зубастый, остромордый,
Охвачен был одной мечтою гордой,
И целый день он помышлял о том,
Что будет Равным Небу мудрецом.

– Ничтожная обезьяна! – громко крикнул Дух рек Цзюйлиншэнь. – Ты что, не узнаешь меня?

⁶⁹ Цзюйлиншэнь – бог рек. При помощи рук и ног раздвинул гору и разделил ее на две части, которые якобы образовали современные горы Хуа-шань и Шоу-ян шань.

– Ах ты, несчастный дух! – крикнул в ответ Мудрец. – Мне никогда не приходилось встречать тебя. Ну-ка, говори живее, как тебя зовут?

– Да как ты смеешь, низкая обезьяна, притворяться, что не узнаешь меня, – крикнул Дух рек. – Я Цзюйлиншэнь – командир передового отряда небесного войска, которое по повелению Нефритового императора прибыло сюда под командованием князя неба Вайсраваны, чтобы умирить тебя! Немедленно сложи оружие и сдавайся на милость неба, если не хочешь, чтобы все обитатели этих гор были уничтожены. Помни! При малейшем сопротивлении тебя сотрут в порошок!

Эти слова привели Царя обезьян в неопишное бешенство:

– Ах ты, подлый дух! Перестань бахвалиться и спрячь свой длинный язык! Я мог бы прикончить тебя своим посохом, но не сделаю этого только потому, что мне некого будет отправить с донесением на небо. Сейчас же ступай к своему императору и передай ему мои слова. Он совершенно не ценит способных людей, если не нашел для меня лучшей должности, чем бимавэнь. Видишь, что написано на этом знамени? Так вот, если император согласен сохранить за мной это звание, я не стану с ним воевать, и тогда и на небе и на земле будет царить покой. Если же он не пожелает поступить подобным образом, я нанесу такой удар по его священному трону, что он свалится.

Цзюйлиншэнь взглянул в ту сторону, куда указывал Сунь У-кун, и увидел там развевающееся по ветру большое знамя с крупными иероглифами: «Великий Мудрец, равный небу». Тут Цзюйлиншэнь не выдержал и презрительно расхохотался:

– Какая дерзость! Значит, ты, ничтожная обезьяна, хочешь стать «Великим Мудрецом, равным небу», ну, так испробуй сначала моего топора!

С этими словами он взмахнул топором и нацелился прямо в голову Сунь У-куна. Но Царь обезьян увернулся и отразил удар. Между ними завязался жестокий бой.

«Посохом желаний» – назывался посох,
«Истины поборник» – топора названье.
И достойны оба встретиться друг с другом,
Началось в сраженье их соревнованье.

Дар свой чародейный скрыл один противник,
А другой хвалился волшебством могучим:
Дунув, мог он вызвать облака, туманы,
И, воздевши руки, пыль вздымал он тучей.

Постиженьем дао Цзюйлиншэнь был славен,
Сунь У-кун – искусством дивных превращений.
Был топор, как феникс среди цветов душистых,
Посох был драконом с красотой движений.

Цзюйлиншэня чтили всюду в Поднебесье,
Но его противник славился не даром:
В голову нацелясь, посохом враждал он,
Чтоб его обрушить бешеным ударом.

Наконец Цзюйлиншэнь понял, что ему не устоять. И в тот момент, когда Царь обезьян занес над его головой посох и Цзюйлиншэнь, чтобы отразить удар, поднял свой топор, раздался громкий треск, и рукоятка топора разлетелась надвое. Тут Цзюйлиншэнь бежал с поля боя.

– Эх ты, щенок! – крикнул смеясь Царь обезьян. – Я пощажу твою жизнь ! Беги быстрее и сообщи, что произошло !

Вернувшись в лагерь, Цзюйлиншэнь прошел прямо к Вайсраване и, повалившись ему в ноги, задыхаясь, промолвил:

– Бимарэнь обладает столь чудодейственной силой, что я не смог одолеть его, потерпел поражение и вот явился к вам с повинной.

– Этот негодяй опозорил меня! – с негодованием закричал Вайсравана. – Выгнать его отсюда и отрубить ему голову!

Но в этот момент вперед выступил сын Вайсраваны – Ночжа и, низко поклонившись отцу, молвил:

– Не гневайся, отец! Помилуй на этот раз Цзюйлиншэня и разреши мне вступить в бой с обезьяной. Я сам хочу посмотреть, что за существо этот бимавэнь.

Вайсравана послушался совета сына, приказал Цзюйлиншэню вернуться в лагерь и ждать там окончательного решения. А Ночжа, надев на себя шлем и кольчугу, помчался из лагеря и сразу же очутился у Пещеры водного занавеса. Сунь У-кун как раз собирался отвести свои войска, как вдруг увидел Ночжа. Этот принц выглядел настоящим героем.

В косички часть волос заплетена,
Лишь темя закрывать она должна,
А волосы, что на затылке были,
Длиной до плеч ему не доходили.
Был юноша и мудр, и даровит,
Имел прекрасный и изящный вид;
Открытым был, разумным и спокойным,
И сыном своего отца достойным.
Он праведностью славился своей;
Конечно, не походит на людей
Ведущий род от самого дракона,
И, с детства красотой одаренный,
Он отличался от детей земных
И существом не походил на них.
Шестью приемами он мог сражаться —
Оружье неба может изменяться;
Указ же императорский гласил,
Чтоб он высокий чин в войсках носил —
«Помощника и друга полководца».
Так этот чудный юноша зовется.

– Ты откуда взялся? – выступив вперед, спросил его Сунь У-кун. – И зачем ворвался к нам?

– Да ты, я вижу, и узнавать меня не желаешь, негодная обезьяна? – крикнул тот. – Я принц Ночжа, сын небесного князя Вайсраваны. По повелению Нефритового императора мы прибыли сюда схватить тебя.

– Вот что, князек! – рассмеялся Сунь У-кун. – У тебя молоко еще на губах не обсохло, да и пупок не совсем засох, а ты осмеливаешься разговаривать со мной таким тоном! Я сохраню тебе жизнь, но хочу, чтобы ты прочитал надпись на этом знамени. Передай Нефритовому императору: если он присвоит мне такое звание, я сам выражу ему покорность и ему незачем будет посылать сюда свои войска. Если же он не согласится выполнить мое желание, я разнесу его драгоценный Зал священного небосвода.

«Видно, эта подлая обезьяна в самом деле вообразила себя каким-то необычайным волшебником, раз посмела называться таким именем!» – подумал Ночжа, прочитав надпись на знамени. – Ну, держись! Придется тебе познакомиться с моим мечом.

– Смотри же! – крикнул Сунь У-кун. – Руби своим мечом, сколько хочешь! Я с места не двинусь.

Эти слова вывели Ночжа из себя.

– Изменись! – воскликнул он и тотчас же превратился в божество с тремя головами и шестью руками.

Ночжа был страшен. В каждой руке он держал оружие. Тут были и меч для казни чудовищ, и нож, и веревка, и пест для покорения, и разрисованный шар, и огненное колесо. С этим оружием принц ринулся вперед.

Сунь У-кун встревожился.

– А этот мальчишка кое-что умеет, – сказал он. – Смотри не зазнавайся! Сейчас я покажу тебе свое волшебство! Изменись! – раздался громкий голос Сунь У-куна.

И в тот же миг он превратился в существо с тремя головами и шестью руками. Затем он взмахнул своим жезлом с золотым обручем и в руках у него оказалось сразу три жезла. Сунь У-кун ринулся вперед, и вот между Царем обезьян и принцем завязался такой бой, что задрожала земля и покачнулись горы. Поистине это было замечательное сражение:

Был Ночжа шестирукий смел и рьян,
Соперник – Царь прекрасный обезьян;
Для одного – здесь с неба нисхождение,
Чтоб данное исполнить порученье.
Другой же о себе настолько мнил,
Что небеса мятежно возмutil.
Был приготовлен острый меч для казни.
Никто не мог увидеть без боязни
То лезвие, что чудища разит,
Пред ним святой и демон задрожит.
Уже взвились удавом жадным путы,
Был волчьей мордой пест, смирявший смуты,
Вращенье посоха рождало блеск и жар,
И грозно перекатывался шар.
Три «Посоха желаний» вверх взлетали
И Мудреца надежно прикрывали.
Вничью кончалась схватка не одна,
И не была победа решена.
Ночжа не допускал и на мгновение
Прекрасного сраженья прекращенье;
Он много раз оружие умножал,
По-разному врага он поражал,
Но Сунь У-куна это не страшило,
Смеялся он, сражаясь с новой силой:
Не посохом одним вооружен, —
Был в тысячи тот посох превращен.
И посохов теперь взметнулась стая,
Как молнии, по воздуху летая.
И повалились демоны в горах,
Скрыв головы, испытывая страх.

Властители пещер закрыли входы;
Перед Ночжа трепещет вся природа.
Когда ж оружие двух бойцов встречалось,
То грохотанье грома раздавалось,
Небесный вопль с одной шел стороны,
И люди были им потрясены;
С другой же стороны во вражьем стане
Взвивался стяг высокий, обезьяний,
И это было страшно для людей.
Так битва шла в жестокости своей:
Противники сражались, не робея,
Но кто из них сильнее, кто – слабее?

Принц Ночжа и Царь обезьян Сунь У-кун вихрем носились, пустив в ход все свое искусство. Они схватывались уже более тридцати раз. За это время принц успел приумножить свое оружие во много тысяч раз. То же самое проделал Сунь У-кун со своими посохами. Оружие их сверкало в воздухе, искры разлетались во все стороны; но все еще нельзя было сказать, кто из них победит.

Сунь У-кун был очень ловок и проворен. В разгар боя он выдернул у себя из шерсти волосок и крикнул: «Изменись!» В тот же миг волосок превратился в точную копию царя. И этот второй Сунь У-кун стал наступать на Ночжа спереди. Воспользовавшись этим, Сунь У-кун зашел позади Ночжа и, взмахнув своим жезлом, нанес ему сильный удар в левое плечо. В этот момент Ночжа собрался совершить какое-то магическое заклинание. Услышав позади свист посоха, он хотел уклониться от удара, однако не успел и, ощутив сильную боль, бросился бежать с поля боя. Ночжа потерпел поражение. Он снял с себя чары волшебства, принял свой обычный вид и вернулся в лагерь.

А надо вам сказать, что наблюдавший за ходом боя Вайсравана хотел уже послать войска на помощь сыну, как вдруг перед ним предстал принц Ночжа и, весь дрожа от страха, доложил:

– Венценосный отец мой! Этот бимавэнь – существо поистине необыкновенное! Даже я, твой сын, владея всевозможными волшебными приемами, не в состоянии был одолеть его. Он нанес мне поражение и ранил в плечо.

– Если этот мошенник обладает столь чудодейственной силой, то разве сможем мы усмирить его? ! – воскликнул, окончательно растерявшись, Вайсравана.

– Около его пещеры на огромном шесте висит знамя с надписью: «Великий Мудрец, равный небу», – продолжал Ночжа. – И вот он хвастается, что заставит Нефритового императора пожаловать ему это звание. Иначе он угрожает разнести Зал священного небосвода.

– Тогда лучше пока оставить его в покое, – заметил на это Вайсравана. – Вернемся на небо и обо всем доложим императору. А потом усилим небесные войска подкреплением и еще успеем окружить и захватить этого негодяя.

Мы не станем подробно рассказывать вам о том, как принц из-за боли в плече уже не мог сражаться и вместе со своим отцом вернулся на небо.

Когда Царь обезьян с победой возвратился к себе на гору, Демоны – правители семидесяти двух пещер и шесть его побратимов явились к нему с поздравлениями. По этому случаю в пещере обетованной земли был устроен великолепный пир. И вот на пиру Сунь У-кун обратился к своим побратимам:

– Поскольку отныне меня будут величать Великим Мудрецом, равным небу, вы все также должны называться великими мудрецами!

В ответ на это князь Демонов громко воскликнул:

– О! Это очень разумно, мудрый брат! Пусть теперь все называют меня «Великим Мудрецом, умиротворяющим небо».

– А меня «Великим Мудрецом, будоражающим море», – закричал демон Водяной дракон.

– А я буду «Мудрецом, вызывающим смуту на небе», – предложил Дух грифа.

– А я – «Мудрецом, сдвигающим горы», – промолвил Дух льва.

– Пусть зовут меня «Мудрецом, проникающим всюду ветром», – заявил Дух обезьяны-макаки.

– А меня – «Мудрецом, изгоняющим священных духов», – откликнулся Дух обезьяны.

Итак, каждый из шести названных братьев сам пожаловал себе звание; все они остались очень довольны друг другом, гуляли и веселились весь день и разошлись только с наступлением вечера.

Между тем Вайсравана и принц Ночжа во главе своих отрядов вернулись на небо, явились в Зал священного небосвода и доложили:

– По твоему приказу, наш повелитель, мы с войсками спустились на землю, чтобы усмирить бессмертного Сунь У-куна. Однако, вопреки нашим ожиданиям, его волшебные силы оказались настолько велики, что мы не смогли одолеть его. Поэтому покорнейше просим, ваше величество, дать нам еще подкрепление, – тогда мы уничтожим его.

– Как же так! Неужели какая-то ничтожная обезьяна обладает такими огромными силами, что для того, чтобы справиться с ней, нужно еще подкрепление? – молвил император.

В этот момент вперед выступил Ночжа.

– Великий государь! – сказал он. – Я совершил тяжкое преступление, но прошу милости над собой. У этой дикой обезьяны есть железный посох, им-то она и поразила Цзюйлиншэня, а затем ранила в плечо и меня. Около пещеры, в которой она живет, стоит бамбуковый шест, на котором висит знамя с иероглифами: «Великий Мудрец, равный небу». И вот она заявила, что если получит это звание, тогда незачем посылать войска, она сама придет сюда. В противном случае обезьяна грозит разрушить Зал священного небосвода.

– Как же смеет эта дикая обезьяна так нагло вести себя! – гневно воскликнул император и тут же приказал отправить войско уничтожить Сунь У-куна.

Но в этот момент из рядов придворных выступил вперед Дух Вечерней звезды и так сказал:

– Все это пока только разговоры. Никто не знает, на что способна эта обезьяна. Если снова послать войска для ее усмирения, то надо приготовиться к длительной и упорной борьбе, так как вряд ли удастся справиться с ней сразу. Уж лучше вы, великий государь, явите свое милосердие. Призовите эту обезьяну к себе и пожалуйте ей титул «Великого Мудреца, равного небу». Это можно сделать лишь для виду, не назначая обезьяну на сколько-нибудь важную должность с жалованьем.

– Я что-то не совсем понимаю, как можно иметь должность и не получать жалованья, – удивился император.

– Очень просто, обезьяна получит звание «Великого Мудреца, равного небу», но никакой официальной должности и жалованья иметь не будет, – ответил Дух Вечерней звезды. – Однако, находясь в Поднебесной, она отучится от своих порочных привычек и не станет вести себя так сумасбродно, как до сих пор. Тогда на небе и на земле воцарятся мир и спокойствие.

– Быть посему, – молвил император, выслушав Духа звезды и тут же велел приготовить указ, с которым приказал отправить Духа звезды.

И вот Дух снова вышел через Южные небесные ворота и направился прямо к Пещере водного занавеса. Однако теперь здесь все изменилось. Местность имела грозный вид. Каких только чудовищ, свирепых, сильных, могущественных, здесь не было! Размахивая мечами и пиками, саблями и палицами, они с диким визгом скакали и носились. Увидев Духа, они сразу же ринулись на него.

– Эй вы, начальники! – обратился к ним Дух. – Доложите своему повелителю, что сюда со священным указом прибыл посланец небесного императора. Вашего царя приглашают прибыть в небесный дворец.

Чудовища тотчас же бросились докладывать.

– Возле пещеры стоит какой-то старик, – сказали они. – Он говорит, что прибыл сюда с императорским указом, в котором вас приглашают в небесный дворец.

– Что ж, очень хорошо! – обрадовался Сунь У-кун. – Это, наверное, Дух Вечерней звезды. Он и в прошлый раз приходил приглашать меня на небо. Хотя мне и не дали достойного звания, но я не жалею, что побывал там. А сейчас он, вероятно, прибыл сюда с хорошими вестями.

И Сунь У-кун приказал своим командирам выстроить войска и встретить посланца с развернутыми знаменами и барабанным боем. Сам Мудрец облачился в оранжевый халат, надел шлем, кольчугу и туфли для хождения по облакам, поспешил во главе своих подданных навстречу посланцу и, низко склонившись перед ним, громко его приветствовал:

– Прошу вас, почтенный Дух, войти и извинить меня за то, что не успел встретить вас.

Быстрыми шагами Дух Вечерней звезды вошел в пещеру и, остановившись в центре, повернулся лицом к югу и провозгласил:

– Я должен сообщить тебе, Великий Мудрец, следующее: когда небесному императору доложили о том, что ты счел для себя оскорбительным то назначение, которое ты получил, и покинул конюшни, владыка сказал: «При прохождении службы обычно начинают с низких должностей и постепенно доходят до более высоких. Как же можно уже в самом начале выражать недовольство незначительной должностью?» После этого император отдал приказ Вайсраване и Ночжа спуститься на землю, чтобы усмирить тебя. Однако твоя волшебная сила победила их. Вернувшись на небо, они доложили о том, что ты требуешь для себя звания «Великого Мудреца, равного небу». Тогда против тебя снова хотели направить войска, и вот я, рискуя навлечь на себя гнев императора, предложил не отправлять против тебя войск, а присвоить тебе это звание. Император согласился, и сейчас я пришел за тобой.

– Премного благодарен вам за ваши хлопоты и заботу обо мне, как в прошлый раз, так и сейчас, – с улыбкой промолвил Сунь У-кун. – Не знаю только, есть ли на небе звание «Великий Мудрец, равный небу»?

– Я осмелился явиться сюда лишь после того, как уверился, что звание это ты получишь, – отвечал Дух звезды. – Во всяком случае, что бы там ни произошло, всю вину я готов принять на себя.

Слова эти очень обрадовали Сунь У-куна. Он хотел было задержать Духа звезды, чтобы устроить в честь его пир, но тот отказался. Тогда они отправились на облаке к Южным небесным воротам и там прошли прямо в Зал священного небосвода. Склонившись перед императором, Дух звезды доложил:

– Ваше повеление выполнено: Сунь У-кун здесь.

– Подойди сюда, – приказал император Сунь У-куну. – Я провозглашаю тебя «Великим Мудрецом, равным небу». Звание это высокое, и я надеюсь, что отныне ты будешь вести себя рассудительно.

Царь обезьян остановился перед тронном и громко приветствовал императора, выражая свою благодарность. После этого император приказал небесным служителям выстроить справа от персиковых садов управление Великого Мудреца, равного небу. В управлении учреждалось два департамента: один под названием «департамент тишины и спокойствия», другой – «департамент спокойных духов». Для ведения дел ему выделили целый штат небесных служащих. Затем император приказал Духу созвездия Удоу проводить Сунь У-куна в его помещение. Царю обезьян были пожалованы две меры вина и десять золотых цветов. При этом ему

пожелали успокоить свое сердце, утвердиться в своих стремлениях и не допускать впредь безрассудных поступков.

Получив свое назначение, Сунь У-кун тотчас же отправился с Духом созвездия Удоу к себе. Здесь он откупорил вино и вместе со всеми распил его. После этого Дух созвездия вернулся во дворец. Добившись осуществления всех своих желаний, Сунь У-кун был безмерно счастлив и стал жить в свое удовольствие в небесных чертогах, не зная ни забот, ни печали.

Поистине:

Бессмертный, в списки жизни занесенный
И времени уже не подчиненный,
И превращеньям не подвластен он...
Что для него круговорот времен!

О том же, что происходило в дальнейшем, вы можете узнать из следующей главы.

Глава пятая, ***из которой вы узнаете о том, как Сунь У-кун расстроил Персиковый пир и украл эликсир бессмертия, а также о том, как он учинил дебош в небесных чертогах и небожители устроили поход против волшебной обезьяны***

По правде говоря, Мудрец, равный небу, был всего-навсего волшебной обезьяной. В чинах и званиях он совершенно не разбирался, деньги его тоже не прельщали и больше всего ему хотелось, чтобы имя его значилось в списках небожителей. Жил он во дворце, где к нему были приставлены чиновники двух департаментов. Три раза в день наш Мудрец принимал пищу, по ночам великолепно спал, не знал забот и наслаждался полной свободой.

Все свое время он употреблял на встречи с друзьями, прогулки во дворец и на завязывание знакомств с обитателями неба. Из всех небожителей он должен был с особым почтением относиться только к троице буддийского божества⁷⁰ и правителям четырех небес, называя буддийское божество «преподобным», а каждого правителя «ваше величество». С Духами же девяти планет, зенита и четырех стран света, двадцати восьми созвездий, четырех небесных правителей, двенадцати знаков зодиака и остальными обитателями звезд и Млечного Пути, Сунь У-кун обращался как равный с равными.

Свои прогулки Сунь У-кун совершал на облаках. Сегодня он отправлялся на восток, завтра держал путь на запад. В своих передвижениях он не ставил перед собой каких-нибудь определенных целей, а летел куда ему вздумается. Но вот однажды во время утреннего приема у императора из рядов придворных выступил бессмертный по имени Сюй Цзин-ян и, склонившись перед императором, молвил:

– Почтительно довожу до сведения вашего величества, что Великий Мудрец, равный небу, проводит время в безделье и праздности. Он со всеми перезнакомился, и сейчас все духи звезд, как высших, так и низших, стали его закадычными друзьями. Боюсь, как бы он не натворил беды. Не лучше ли дать ему какую-нибудь работу.

Император тут же велел привести Царя обезьян. Сунь У-кун явился в радостном настроении.

– Вы звали меня, ваше величество, конечно, для того, чтобы объявить мне о повышении или награде?

– Мы слышали, – отвечал император, – что у тебя нет сейчас подходящего дела и решили дать тебе работу. Отныне ты будешь охранять Персиковый сад⁷¹, надеюсь, что к своим новым обязанностям ты отнесешься с должным усердием.

Подобная милость доставила Великому Мудрецу огромное удовольствие. Он поблагодарил императора и, отдав ему почести, удалился. Горя нетерпением вступить в новую должность, Сунь У-кун поспешил в Персиковый сад. Но, когда он приблизился, Дух-сторож преградил ему дорогу.

– Куда вы направляетесь, Великий Мудрец?

– Нефритовый император повелел мне наблюдать за Персиковым садом, и вот я прибыл сюда, чтобы осмотреть мои новые владения.

⁷⁰ Троица буддийского божества – Лао-цзы, Пань-гу и Верховный владыка неба – Нефритовый император.

⁷¹ Персиковые сады – сады, принадлежащие богине Запада – Сиван-му, в которых произрастают священные плоды персика, приносящие бессмертие.

Тогда Дух оказал Сунь У-куну все полагающиеся почести и позвал землекопов, водоносов, подметальщиков, чтобы представить их новому начальнику. Работники поклонились ему до земли, а потом провели в сад. Что за волшебная картина открылась перед глазами Сунь У-куна!

Качаются, блестят на солнце
Деревьев стройные ряды,
Одни – еще цветут прекрасно,
А на других – висят плоды.

На кожицу плодов – узоры,
Как на парчу, легко легли;
Под тяжестью плодов созревших
Склонились ветви до земли.

Но только раз в тысячелетье
Деревья ведают расцвет,
Для них значенья не имеют
Ни миг, ни десять тысяч лет.

Созрев, плоды в румянце алом
Казались от вина пьяны,
На черенках еще висели
Те, что остались зелены;

Под солнцем искрились янтарно,
А у корней трава росла,
И ни в какое время года
Она увянуть не могла.

Везде встречались там беседки,
Менялись радуги цвета,
И поражала, ослепляла
Неведомая красота.

Ведь не простой садовник смертный
Творцом был этаких чудес:
Сад посадила драгоценный
Ван-му⁷² – владычица небес.

– Сколько же здесь деревьев? – спросил Великий Мудрец.

– Деревьев здесь три тысячи шестьсот, – отвечал Дух. – В начале сада растут деревья с мелкими цветами и небольшими плодами, их всего тысяча двести. Плоды на них созревают раз в три тысячи лет. Тот, кто вкусит эти плоды, превращается в бессмертного, познавшего истину; тело его становится крепким и легким. В центре сада растет еще тысяча двести деревьев. Цве-

⁷² *Сиван-му* (или *Ван-му*) – божество даосской мифологии, мифическая фея далеких западных стран, живущая в мраморных и яшмовых чертогах в горах Куэнь-лунь, окруженная сонмом фей. Известна также под названием Западная царица, или Золотая дева. Живет среди Персиковых садов. Миф о ней сохранился во многих исторических и литературных произведениях Китая.

тут они в несколько слоев и имеют сладкие плоды, которые созревают раз в шесть тысяч лет. Тот, кто отведал этих плодов, остается вечно юным; он может свободно подниматься на облаках и туманах. И в конце сада вы увидите еще тысячу двести деревьев. Плоды у них пурпурного цвета, с бледно-желтыми косточками. Созревают они раз в девять тысяч лет, и тот, кто отведал этих плодов, становится равным небу и земле, вечным, как солнце и луна.

Все, что услышал Сунь У-кун, привело его в восторг. Он сразу же проверил, в порядке ли деревья, пересчитал беседки, пагоды и павильоны, после чего вернулся в свой дворец. В дальнейшем раз в пять дней, а то и чаще Сунь У-кун, с удовольствием посещал сад. Теперь он уже не встречался со своими друзьями и не путешествовал.

Но вот однажды высоко на деревьях он заметил много спелых персиков. Ему захотелось отведать свежих плодов, но, как нарочно, его всегда сопровождал кто-нибудь из служителей – то Дух, то работники сада. В этот раз он решил во что бы то ни стало избавиться от своих провожатых.

– Вы можете идти, – сказал он им. – Я что-то устал и, пожалуй, отдохну немного здесь, в беседке.

Оставшись один, Царь обезьян сбросил одежду и, вскарабкавшись на дерево, принялся рвать самые крупные и спелые плоды. Когда персиков собралось очень много, он пристроился на ветвях и стал с наслаждением уплетать их. Вдоволь наевшись, Сунь У-кун спустился вниз, облачился в свои одежды, позвал свиту и торжественно вернулся в свои покои. Дня через три он снова нашел способ, чтобы полакомиться персиками.

Но вот однажды царица неба Ван-му задумала устроить Персиковый пир. Для этого праздника были отведены драгоценные залы и Дворец нефритовой заводи. Царица приказала феям-служанкам – в красном, синем, черном, пурпурном, желтом и зеленом одеяниях – отправиться с корзинами в сад и собрать там персиков. У ворот феи встретили Духа, служителей сада в чиновников двух департаментов.

– Царица Ван-му приказала нам собрать персиков для пира, – молвили феи. – Мы пришли сюда выполнить ее поручение.

– Придется вам обождать, волшебные красавицы, – отвечал им Дух. – Сейчас здесь не так, как в прошлом году. Нефритовый император назначил Великого Мудреца, равного небу, наблюдать за Персиковым садом. Мы должны доложить ему о вас, и если он разрешит, то откроем ворота.

– А где сейчас Великий Мудрец? – спросили феи.

– Он утомился и отдыхает в беседке.

– Ну, так пойдите за ним. Нельзя нам здесь задерживаться.

И вот они все вместе направились к беседке. Но там они нашли лишь головной убор да одежду Великого Мудреца. Тщательные поиски оказались напрасными – Сунь У-куна нигде не было. А надо вам сказать, что, ускользнув от своих спутников, наш Мудрец съел несколько персиков и, превратившись в крохотного человечка, уснул под большим листом на верхушке дерева.

– Мы должны выполнить приказ царицы, – тревожились феи-служанки, – что будет, если вы не отыщете Великого Мудреца? Ведь не можем мы вернуться с пустыми руками!

– Ну что ж, волшебные красавицы, раз вы пришли сюда по высочайшему повелению, – сказал один из служителей Великого Мудреца, – мы не смеем задерживать вас. Наш Великий Мудрец в свободное время обычно совершает прогулки и сейчас, возможно, отправился к кому-нибудь из своих друзей. Идите за персиками, а когда он вернется, мы доложим о вас.

Феи-служанки так и сделали. В начале сада они собрали три корзины, потом столько же в центральной его части и затем пришли в конец сада. Но тут на деревьях почти ничего не было. Лишь на некоторых ветках можно было заметить несколько зеленых персиков. Все спелые плоды съел Царь обезьян. Долго искали феи-служанки и, наконец, на ветке, обращенной к югу,

увидели один-единственный еще не дозревший персик. Фея в синем нагнула ветку, а фея в красном сорвала плод. Это была как раз та самая ветка, на которой спал превратившийся в крохотного человечка Великий Мудрец. Когда ветку отпустили и она взлетела вверх, Сунь У-кун от резкого толчка проснулся. Он тут же принял свой обычный вид и вытащил из уха посох с золотыми обручами. Помахав им, он превратил его в большой посох и закричал:

– Ах вы ведьмы, откуда вы явились? И как осмелились без разрешения срывать мои персики? !

Перепуганные феи одна за другой упали на колени и взмолились:

– Не гневайтесь на нас, Великий Мудрец, мы вовсе не ведьмы. Мы феи, нас послала сюда сама царица неба Ван-му и велела нам собрать волшебных персиков. Ведь скоро в Драгоценном зале будет Персиковый пир. Когда мы прибыли сюда, то встретили Духа-сторожа и другую вашу стражу. Они везде искали вас, но так и не нашли. А мы, боясь нарушить приказ царицы, не дождалась вас и стали собирать персики. Умоляем вас простить нашу вину!

Выслушав их, Великий Мудрец сменил гнев на милость и молвил:

– Встаньте, красавицы, и скажите мне, кого позовут на Персиковый пир к царице Ван-му?

– По обычаю, – отвечали ему феи, – на пир приглашают Будду западного неба, Лоханей⁷³ бодисатв⁷⁴, небожителей. Приходят также богиня южного полюса – Гуаньинь⁷⁵, высокочтимый священный император Востока, бессмертные духи десяти материков и трех островов, Дух северного полюса, Великий Мудрец вселенной – с желтым рогом, божества всех частей света, духи восьми верхних пещер, духи трех небес, четыре небесных правителя, Дух Северной звезды Тай-и⁷⁶, духи восьми верхних средних пещер Нефритового императора, духи моря и гор, духи восьми нижних пещер, Владыка Преисподней и те, что ведут счет всем живым существам. Ну и, конечно, все высокочтимые небожители дворцов и залов небесных чертогов.

– Ну а меня пригласят на пир?– спросил улыбаясь Сунь У-кун.

– Об этом мы ничего не слышали, – отвечали ему феи.

– Ведь я Великий Мудрец, равный небу. Почему бы вашей царице не пригласить и меня на это торжество?

– Мы сказали вам лишь о том, как было раньше, – отвечали феи, – а кого пригласят на этот раз – не знаем.

⁷³ *Лохани* – или *Алохани*, транскрибированное санскритское слово Архаты. Под этим названием китайские буддисты почитали святых четвертой, высшей степени, то есть подвижников, освободившихся от перерождений. По верованиям буддистов, имеется две категории Алоханей: 1) Алохани без остатка, то есть погрузившиеся в нирвану, и 2) Алохани с остатком, то есть оставшиеся в мире и принимающие человеческий образ. Алоханей второй категории насчитывается пятьсот, их местопребыванием считаются горы Кашмира. Изображение главных Алоханей, в количестве восемнадцати, можно встретить в виде статуй почти во всех буддийских храмах.

⁷⁴ *Бодисатва* – в китайской транскрипции Пуса. В переводе значит – достижение познания управления своими чувствами. У буддистов третья степень святости, после которой остается только еще одно перерождение на земле, чтобы сделаться Буддой. Одно из средств перехода в нирвану. Символически изображается в виде слона, переходящего реку.

⁷⁵ *Гуаньинь* – бодисатва Авалокиташвара. Наиболее почитаемое и популярное буддийское божество в старом Китае. Изображается в виде женщины либо с младенцем на руках, либо с вазой и веткой ивы. Почитается как божество милосердия, оказывающее помощь всем обездоленным и избавляющее от всех бед и несчастий. Известна также под названиями Гуань-ши инь и Гуаньинь Пуса (бодисатва). По преданию, Гуаньинь была младшей дочерью правителя одного из индийских княжеств. Она была очень религиозной и страстной почитательницей Будды. Вопреки воле отца, хотевшего отдать ее замуж, она покинула дом и ушла в монастырь. В монастыре ей пришлось пережить большие трудности, так как другие монахини, завидуя ее красоте, старались свалить на нее самую тяжелую работу. Позднее, когда ее отец узнал о ее местопребывании, он послал туда отряд солдат. Солдаты сожгли монастырь и привезли дочь князя домой. Здесь ей предложили на выбор: или выйти замуж, или умереть. Она предпочла смерть и была задушена. В царстве мрака она получила персик, приносящий бессмертие. И после этого повсюду, где бы она ни появлялась, она приносила с собой счастье и благополучие. Князь ада Яма, он же Янь-лован, не захотел, чтобы она оставалась в аду, и потому она вернулась на землю. Здесь для постоянного местопребывания ей была отведена гора Путошань, или как ее еще называют Путолоцзяшань, находящаяся на небольшом острове, восточнее провинции Чжэцзян. На этой горе в честь Гуаньинь сооружен главный храм.

⁷⁶ *Тай-и*. – Великое начало, от которого в результате развития и взаимодействия двух начал: *Ян* – положительного и *Инь* – отрицательного, произошли все существующие вещи.

– Да, это верно, – согласился Великий Мудрец, – и я на вас нисколько не сержусь. Побудьте здесь, а я обо всем узнаю.

О, Прекрасный Мудрец! Он поднял руки, произнес заклинание и крикнул феям:

– Стойте на месте! Не шевелитесь!

И тотчас феи словно приросли к земле и застыли под деревьями, от испуга тараща друг на друга глаза. А Великий Мудрец в это время покинул сад, взобрался на облако и устремился во Дворец заводи зеленого нефрита. По дороге ему открылось удивительное зрелище.

До краев простор небесный
Наполняли облака,
Разноцветные качались,
Прилетев издалека.

Вдруг журавль прекрасный, белый
Громко крикнул с высоты,
Пробудив в речных низинах
Задремавшие цветы.

А кругом необозримо
Закипал листвы разлив.
Появился дух бессмертный,
Благороден и красив.

Танец радуги волшебной
Свод небесный окружал.
Списки точные бессмертных
Босоногий дух держал.

В красоте, великолепье,
Восходя в небесный мир,
С этой книгой вечной жизни,
Шел на Персиковый пир.

И вот, повстречавшись с Босоногим бессмертным, Великий Мудрец решил обмануть его и пробраться на Персиковый пир.

– Куда путь держите, почтенный Мудрец?– склонившись, спросил Сунь У-кун.

– Царица неба Ван-му зовет меня на Персиковый пир, – отвечал тот, – сейчас я туда и направляюсь.

– О, вы еще ничего не слышали, – промолвил Великий Мудрец: – Нефритовый император, зная, как быстро я передвигаюсь на облаках, послал меня предупредить всех гостей, чтобы они сперва посетили Дворец космического света, где начнется торжество, а затем уже отправлялись на пир.

По простоте душевной, бессмертный принял эту выдумку за истину, но все же заметил:

– Обычно торжество начиналось во Дворце заводи зеленого нефрита. Почему же сейчас все изменилось?

Но, несмотря на некоторое сомнение, он повернул свое облако и направился во Дворец космического света. А Великий Мудрец тем временем произнес заклинание, встряхнулся и в тот же миг принял вид Босоногого бессмертного. После этого он помчался ко Дворцу заводи

зеленого нефрита и очень быстро достиг Башни сокровищ. Здесь Сунь У-кун остановил свое облако и потихоньку вошел внутрь. Что за картина представилась его глазам!

Дым благовонных свечей заполнял все пространство.
И расходилась кругами волна аромата.
Башня сокровищ энергией жизни лучилась,
Мрамор террас был украшен резьбой богатой.

Как бы парили, спускаясь с небес на колонны,
Фениксов пестро окрашенных изображенья.
Девять престолов стояло, – над каждым был феникс,
Радугой яркой блистало его оперенье.

На середине прекрасный престол возвышался;
Радугой он отливал, золотой и точеной,
А с потолка опускались цветы золотые,
Словно жемчужные гроздья, свисали бутоны.

Тонкий рисунок сквозил на нефритовых вазах,
Яства изысканны были, и редки, и странны:
Феникса хрящ и отменная печень дракона,
Лапа медведицы или губа обезьяны.

Были плоды неземной красоты ароматны;
Свежестью яства пленяли и были приятны.

Все уже было приготовлено к пиру, но гости еще не собрались. Великий Мудрец никак не мог насмотреться на это великолепии. Вдруг в нос ему ударил аромат вина. Он обернулся и увидел, что справа, под балконом, у стены, несколько волшебных служителей готовят вино. Одни подносили барду, другие таскали воду, подростки подбрасывали щепки в огонь, мыли и вытирали чаны и кувшины. Готовое вино и всевозможные настойки издавали нежный аромат. У Великого Мудреца даже слюнки потекли, и ему захотелось сейчас же отведать вина, но из-за служителей он не мог сделать этого. Тогда он решил пустить в ход волшебство. Выдернув у себя из шерсти несколько тоненьких волосков, он положил их в рот, разжевал на мелкие кусочки, выплюнул и громко произнес заклинание:

– Изменитесь!

В тот же миг волоски превратились в насекомых, от укусов которых люди засыпали. Они мгновенно облепили лица служителей. И что только с теми случилось! Руки их ослабли, голова опустилась, глаза сомкнулись. Забыв о своей работе, служители заснули. Тогда наш Мудрец выбрал самые лучшие яства и отправился под балкон. Здесь, переходя от кувшина к кувшину, наклоняя каждый чан с вином, Сунь У-кун напился допьяна.

Надо сказать, что он довольно долго наслаждался трапезой, но вдруг спохватился:

– Плохи мои дела! Скоро начнут собираться гости, и тогда мне несдобровать. Они сразу схватят меня. Как же быть? Пожалуй, пока их еще нет, надо отправиться домой и выспаться хорошенько.

О прекрасный Великий Мудрец! Покачиваясь из стороны в сторону, совершенно пьяный, он побрел прочь. Он плохо понимал, что делает, и поэтому ничего нет удивительного в том, что

сбился с дороги, и вместо того чтобы отправиться к себе домой, забрел во дворец Тушита⁷⁷. Оглядевшись, он понял, куда попал, и удивился.

– Ведь дворец Тушита – заоблачное обиталище великого Тайшан Лао-цзюня – находится над тридцать третьим небом. Как же я мог спутать дорогу и очутиться здесь? А впрочем, все равно! Я давно хотел встретиться с этим почтенным старцем, но до сих пор не было подходящего случая. Раз уж я по ошибке попал сюда, пожалуй, будет неплохо, если познакомлюсь с ним.

И вот, приведя себя в порядок, Сунь У-кун вошел во дворец. Но ни самого Тайшан Лао-цзюня, ни других небожителей он там не увидел. А надо сказать, что в этот момент Тайшан Лао-цзюнь вместе с Буддой Прошлого Дипамкара находился на третьем ярусе верхнего помещения Небесной жемчужной террасы и вел беседу об Истине. Вокруг расположились слушатели – небесные отроки, военачальники, чиновники и служащие.

Тогда Сунь У-кун отправился в помещение, где изготовлялся эликсир бессмертия, но и там никого не нашел. У очага он увидел жаровню, в ней горел огонь. Рядом стояло кувшинов пять, сделанных из тыквы и наполненных эликсиром бессмертия.

– О? Ведь это самое драгоценное сокровище бессмертных! – с восторгом воскликнул Великий Мудрец. – С тех пор как я постиг учение о Великой Истине, мне удалось познать законы единства тождества внутреннего и внешнего. Еще тогда я хотел заняться изготовлением эликсира бессмертия, чтобы помочь людям. Но неожиданно мне пришлось вернуться домой и уже некогда было взяться за это дело. Но вот сегодня я случайно попал сюда, во дворец, и нашел эликсир бессмертия. Воспользуюсь тем, что здесь нет самого Тайшан Лао-цзюня, и отведаю этой божественной пищи.

С этими словами наш Мудрец взял тыкву, наклонил ее и съел все содержимое, словно жареные бобы. От эликсира Сунь У-кун стал приходить в себя и понял, что совершил преступление.

– Плохи мои дела! – воскликнул он. – Страшно даже подумать, что может получиться из всего этого! Если о моем поступке узнает Нефритовый император, я погиб! Бежать! Бежать сейчас же! Уж лучше быть правителем на земле!

Сунь У-кун покинул дворец Тушита, но побежал не обычным путем, а через Западные ворота неба. Здесь он произнес заклинание, стал невидимым и, взобравшись на облако, отправился на Гору цветов и плодов. Прибыв в свои владения, Сунь У-кун увидел множество знамен, перед ним засверкали пики и мечи. Оказалось, что как раз в этот момент его подданные – четыре военачальника и Духи – правители семидесяти двух пещер проводили военные занятия.

– Дети мои! Я снова вернулся к вам! – крикнул Великий Мудрец.

Все мигом побросали оружие и, склонившись перед Сунь У-куном, молвили:

– Великий Мудрец! Вы так беззаботны! Сколько времени прошло с тех пор как вы покинули нас! Вы совершенно забыли о своих подданных.

– Но ведь я совсем недавно расстался с вами, – оправдывался Сунь У-кун.

Так, беседуя, они вошли в пещеру. Здесь военачальники распорядились привести все в порядок, тщательно убрали возвышение, на котором обычно восседал Сунь У-кун и, склонившись перед царем, стали спрашивать:

– Вы провели сто с лишним лет на небе. Что делали вы там все это время? И какое получили назначение?

– Почему сто с лишним лет! Мне кажется, я пробыл там всего лишь полгода, – отвечал со смехом Сунь У-кун.

– Но ведь день на небе равен году на земле, – молвили в ответ военачальники.

⁷⁷ *Тушита* – у буддистов небо, где бодисатвы ожидают своего воплощения на земле в качестве будд. В данном случае – это обитель верховного даосского божества Тайшань Лао-цзюня.

– В этот раз мне удалось добиться милости Нефритового императора, – продолжал Сунь У-кун, – и он пожаловал мне титул Великого Мудреца, равного небу. Для меня выстроили дворец с двумя департаментами: один назывался «Департамент тишины и спокойствия», другой – «Департамент спокойных духов». При департаментах состоял целый штат служащих. Но потом император узнал, что я не у дел, и отдал в мое ведение Персиковый сад. И вот царица неба Ван-му задумала устроить Персиковый пир, а меня не позвала. Не дожидаясь приглашения, я сам отправился во Дворец заводи зеленого нефрита и тайком съел там все яства и выпил вино, которое было приготовлено для пира. Я сильно опьянел и, выйдя из Дворца заводи зеленого нефрита, по ошибке попал во владения великого Тайшан Лао-цзюня, где опустошил еще пять кувшинов с эликсиром бессмертия. Тут я решил, что за все это Нефритовый император непременно накажет меня, сейчас же покинул небо и вот, как видите, прибыл к вам.

Все радовались возвращению Сунь У-куна. Сейчас же появился большой чан с вином из кокосового ореха. Верноподданные собирались распить его в честь своего царя. Но Великий Мудрец отведал вина, скривился и воскликнул:

– Да это вино никуда не годится! Его просто невозможно пить!

– Конечно, после того как вы вкусили волшебного напитка и чудесных яств в небесных чертогах, вам уже не нравится вино из кокосового ореха, – почтительно молвили два военачальника. – Однако поговорка гласит: «Не важно, какое на вкус, а важно, что свое».

– А есть и другая, – добавил Сунь У-кун:– «Земляки всегда близкие люди». Кстати, сегодня утром, когда я был на небе и пировал внизу под галереей, то заметил там множество кувшинов, наполненных экстрактом из нефрита и рубина. Вам, я думаю, никогда в жизни еще не приходилось отведать подобного напитка. Я мигом слетаю на небо и добуду там несколько кувшинов для вас. Кто выпьет хоть полчашки этого вина, никогда не состарится и будет жить вечно.

Обезьяны пришли в восторг. А Великий Мудрец снова покинул пещеру, сделал магический прыжок, превратился в невидимку и тотчас же очутился на том месте, где должен был состояться Персиковый пир. Когда он вошел во Дворец заводи зеленого нефрита, служители, изготавливавшие вино, подносчики барды, водоносы, истопники все еще сладко похрапывали. Захватив два огромных кувшина под мышки и взяв в каждую руку еще по кувшину, Сунь У-кун благополучно покинул дворец, повернул свое облако и пустился в обратный путь. И вот в пещеру собрались все обезьяны на «пир с вином бессмертных». Каждой досталось по несколько чашечек небесного напитка. Можете представить себе, какое поднялось веселье!

Однако оставим в покое подвыпивших обезьян и вернемся к феям-служанкам, которых, если вы помните, заколдовал Великий Мудрец. Весь день стояли они, не шелохнувшись, на месте и лишь к вечеру освободились от чар. Феи тут же подхватили свои цветные корзинки, помчались к царице неба Ван-му и доложили ей о том, как Великий Мудрец своим волшебством приковал их к месту. Вот почему они и запоздали.

– А сколько вы набрали персиков? – поинтересовалась царица.

– Две корзины маленьких персиков и три корзины средних, – отвечали феи. – Затем мы пошли в конец сада, но там не нашли ни одного. Вероятно, их тайком съел Великий Мудрец. Когда мы искали персики, вдруг показался он сам. Вид у него был очень свирепый, и он уж совсем было собрался нас бить, но потом спросил, кто приглашен на Персиковый пир. Мы рассказали ему, кого звали раньше в подобных случаях. Тогда он при помощи волшебства пригвоздил нас к месту, а сам куда-то исчез. Только сейчас нам удалось избавиться от его чар и вернуться.

Царица Ван-му тотчас же отправилась к Нефритовому императору и сообщила ему обо всем, что произошло. Не успела она закончить, как явилась толпа служителей, изготавливавших вино, и другие слуги, которые доложили императору о том, что в зале, отведенном для Персикового пира, какой-то неизвестный учинил беспорядок. Он выпил весь экстракт из нефрита

и рубина, а также съел все яства. В этот момент четыре небесных наставника доложили, что прибыл сам Тайшан Лао-цзюнь. Нефритовый император вместе с царицей неба Ван-му поспешил ему навстречу. Когда была закончена церемония приветствия, Лао-цзюнь обратился к императору:

– Позвольте доложить вашему величеству, что девять сортов эликсира бессмертия, которые я приготовил специально для пира, украл какой-то разбойник.

Такое сообщение не могло не встревожить императора.

В это время появился служащий из управления Великого Мудреца. Он доложил о том, что Сунь У-кун со вчерашнего дня не выполняет своих обязанностей, куда-то исчез и до сего времени еще не возвращался. Нефритовый император, давно уже питавший недоверие к Великому Мудрецу, еще больше убедился в своей проницательности. Вдобавок ко всему, явился Босоногий бессмертный, который, склонившись перед императором, сообщил следующее:

– Получив приглашение царицы неба прибыть на пир, я отправился в путь и вчера повстречался с Великим Мудрецом, равным небу. Он сказал мне, что по приказу вашего величества должен оповестить всех гостей о том, что в этот раз торжество начнется в Зале космического света. Ну, я и отправился туда. Однако, не обнаружив там вашей колесницы, поспешил сюда, во дворец.

Тут возмущение Нефритового императора достигло предела, и он воскликнул:

– Как смеет этот бездельник обманывать моих мудрых сановников, выдумывая, будто я просил его оповестить гостей? Сейчас же послать небесных инспекторов разыскать этого мошенника!

Инспекторы, не мешкая, произвели тщательное расследование, вернулись к императору и подробно обо всем доложили, подтвердив, что беспорядки в небесных чертогах действительно произведены Великим Мудрецом, равным небу.

Нефритовый император дал волю своему гневу. Он приказал четверем главным небесным князьям, а также Князю неба Вайсраване и его сыну Ночжа взять с собой двадцать восемь военачальников дворцов, Духов девяти планет и военачальников двенадцати счастливых созвездий, пять Духов – распространителей учения Будды, четырех небесных стражей, Духов созвездий Востока и Запада, Духов Южной и Северной полярных звезд, Духов пяти священных гор и четырех больших рек, а также Духов всего небосвода и во главе стотысячного небесного войска выступить в поход. Император велел захватить восемнадцать заграждений и спуститься на землю, окружить Гору цветов и плодов, схватить и наказать преступника. Получив приказ, небесные полководцы тотчас же собрали войско и покинули небесные чертоги. Поистине поход этот являл собою величественное и грозное зрелище:

Сильный ветер клочкотал и бился,
Желтизной окрашивая небо,
И туман клубился темно-красный,
Нагоняя сумерки на землю.
Только потому, что князь-волшебник
Обманул на небе государя,
Отдан был приказ сойти на землю
Четверым небесным полководцам.

На землю были отправлены четыре главных небесных военачальника и пять Духов – распространителей учения Будды. В руках главных четырех небесных военачальников находилась вся власть. Пять Духов – распространителей учения Будды ведали передвижением войск. Вайсравана занимал командный пост, грозный Ночжа командовал передовыми отрядами. Князь

тмы Раху⁷⁸ был назначен главным инспектором, князь Кету⁷⁹ вздымался в арьергарде. Дух луны имел бодрый и воинственный вид, Дух солнца ярко освещал все вокруг. Духи пяти стихий горели желанием проявить свое геройство и отвагу, Духи девяти планет были рады возможности отличиться друг перед другом, Духи двенадцати счастливых созвездий ведали распределением времени. Все, как один, были отважны и сильны. С востока и запада следовали духи У-вэнь и пяти священных гор, следившие за боевым и моральным духом воинов, слева и справа – даосские духи тьмы и света Лю-дин и Лю-цзя. Священные драконы четырех рек, разделившись, контролировали верхнее и нижнее течение. Духи двадцати восьми планет следовали рядами один над другим. Четыре Духа восточных планет были назначены начальниками, а четыре Духа западных планет бурно проявляли свой боевой дух. Семь Духов северных созвездий показывали свои способности, семь Духов южных созвездий, потрясая пиками и размахивая мечами, проявляли божественную мощь. Приостановив облака и опустив туман, они спустились на землю и разбили лагерь перед Горой цветов и плодов. Стихи гласят:

Царь прекрасный обезьяний,
Небом и землей рожденный,
Зная тайны превращения,
Эликсир бессмертной жизни
И вино украл на небе;
У себя в пещере горной
Он устроил угощенье.

Но за то, что он нарушил
Персиковый пир священный,
Пренебрег порядком древним,
Войск стотысячная сила,
Под начальством полководцев
И начальников небесных,
Ту пещеру окружила.

И вот небесный князь Вайсравана отдал приказ разбить лагерь и окружить Гору цветов и плодов таким плотным кольцом, чтобы даже вода туда не проникала. Когда, наконец, устроили крепкий заслон и в восемнадцати местах на небе и на земле выставили заставы, вперед отправились Духи девяти планет. Они должны были вызвать Сунь У-куна на бой. Когда духи во главе отряда прибыли к пещере, то увидели множество обезьян самых различных возрастов, которые забавлялись и кувыркались.

– Эй вы, оборотни! – крикнул начальник, Дух планеты. – Где ваш Великий Мудрец? Мы посланцы небесного войска, которое прибыло усмирить этого мятежника, Великого Мудреца. Скажите ему, чтобы он немедленно явился и выразил нам свое повиновение. Иначе все вы будете уничтожены!

Обезьяны опрометью бросились в пещеру с криком:

⁷⁸ *Раху* и *Кету* – места, где луна выходит из эклиптики и входит в нее, отчего и происходят затмения. Эти места называются светилами и в китайской астрологии, которая заимствовала их из Индии; им придается очень важное значение. Изображения их встречаются только в Японии: две статуи, имеющие гневный вид – одна на зеленом драконе, другая на черной корове. В руках они держат солнце и луну.

⁷⁹ *Раху* и *Кету* – места, где луна выходит из эклиптики и входит в нее, отчего и происходят затмения. Эти места называются светилами и в китайской астрологии, которая заимствовала их из Индии; им придается очень важное значение. Изображения их встречаются только в Японии: две статуи, имеющие гневный вид – одна на зеленом драконе, другая на черной корове. В руках они держат солнце и луну.

– Великий Мудрец! Беда пришла, беда! К пещере явились Духи девяти планет. Они говорят, что посланы сюда небом для того, чтобы вас привести в покорность.

А надо вам сказать, что Великий Мудрец в это время как раз веселился и распивал вино вместе с Духами – повелителями семидесяти двух пещер и четырьмя полководцами. Он пропустил мимо ушей слова своих подчиненных и, как бы невзначай, сказал:

– Раз есть вино, будем пить. Нам дела нет до того, что творится за дверьми нашего дома!

Однако не успел он договорить, как в пещеру снова вбежали его подчиненные.

– Эти страшные духи в бешенстве бранятся и рвутся в бой! – кричали они.

– А вы не обращайтесь на них внимания, – рассмеялся Великий Мудрец. – Лишь бы были вино и стихи, чтобы сделать радостным сегодняшний день, а за славой не гонитесь.

Тут в пещеру вбежала целая толпа обезьян.

– Повелитель! Ужасные духи сломали ворота и ворвались сюда, – сообщили они.

– Видно, эти негодяи совсем не знают приличий! – разгневанно крикнул Великий Мудрец. – Я не хотел связываться с ними, зачем же они сами лезут сюда и наносят мне оскорбление!

И он тут же приказал Единорогу – повелителю дьяволов, а также Духам – повелителям семидесяти двух пещер вступить в бой с врагом, сам же он вместе со своими четырьмя полководцами последовал за ними. Повелитель дьяволов немедленно отправился со своим войском вперед, но у железного моста дорогу им преградили Духи девяти планет. Вид у них был грозный. Повелитель дьяволов приготовился к бою, однако в этот момент на помощь ему подоспел Великий Мудрец.

– Прочь с дороги! – закричал он и несколько раз взмахнул своим посохом. Посох тотчас же удлинился до двух чжанов и стал в чашку толщиной. Тогда наш Мудрец начал орудовать им и пробивать себе дорогу. Ни один из девяти небесных духов не осмелился оказать ему сопротивление, все они отступили. Однако после того они все же выстроились в боевой порядок и предводитель их крикнул:

– Ах ты, конюх несчастный! Глупая твоя голова! Каких только преступлений ты не совершил! Украл персики и вино! Расстроил Персиковый пир. Утащил эликсир бессмертия у Лао-цзюня! Унес божественное вино, чтобы наслаждаться им здесь! Неужели ты не понимаешь, что натворил? !

– Ну что ж, все это правильно ! Все так и было! – рассмеялся Великий Мудрец. – Но что вы можете со мной сделать? !

– Мы получили приказ Нефритового императора прибыть сюда с войском и усмирить тебя, – отвечали ему Духи планет. – Немедленно сдавайся, тогда мы сохраним жизнь всем этим существам. Если же будешь сопротивляться, разнесем всю вашу пещеру и сравняем эту гору с землей.

Но Великий Мудрец с гневом крикнул:

– Да как вы, презренные духи, посмели сказать мне все это? ! Разве хватит у вас сил выполнить свою угрозу? ! Ну, держитесь! Сейчас вы познакомитесь с моим посохом!

Все девять духов ринулись на Великого Мудреца, но Прекрасного Царя обезьян это ничуть не испугало. Размахивая своим посохом, он спокойно отражал сыпавшиеся на него со всех сторон удары. Наконец духи окончательно выбились из сил и, волоча за собой оружие, один за другим покинули поле боя. Потерпев поражение, они поспешили укрыться в своем лагере и, представ перед Вайсраваной, доложили:

– Этот Царь обезьян поистине отважный воин. Мы не могли одолеть его и отступили.

Тогда Вайсравана приказал вступить в бой четверем главным военачальникам и духам двадцати восьми звезд. Однако Великий Мудрец и на этот раз не испугался. Он вывел войска Единорога – повелителя дьяволов, Духов – повелителей семидесяти двух пещер и своих четырех полководцев и расставил их перед пещерой в боевом порядке.

Невозможно описать, какая ожесточенная борьба началась между врагами, она могла повергнуть в трепет людей.

Холодный ветер завывал уныло,
И землю тень туманная покрыла.
Взвивался стяг на стороне одной,
Напротив – копьа высились стеной;
Кипело море шлемов и сверкало.
Казалось, небо музыкой звучало,
И разносилась в воздухе игра
Звенящего на солнце серебра.
Подобно молнии взлетающий меч
Одним ударом тучу мог рассечь,
А демонов заостренные копьа
Туманные нанизывали хлопья.
И плети с глазом тигра встали в ряд,
Как в поле стебли конопли стоят.
Из арбалетов пущенные стрелы
Летели во враждебные пределы,
И опереньем беркута была
Оснащена крылатая стрела.
Гадюками кончавшиеся пики
В сердцах врагов рождали страх великий,
А бронзовых мечей высокий лес,
Казалось, подымался до небес.
На этом необъятном поле брани
Мудрец сражался «Посохом желаний»,
Желал он войско неба одолеть.
Здесь птица не могла бы пролететь, —
Настолько всюду стало в Поднебесной
От схваток и ударов этих тесно.
Для всех был страшен бушевавший гнев:
Спасались бегством тигры, оробев,
И край нагорный волки покидали,
Удары грома землю сотрясали.
Пугал чертей и духов грозный звон,
Казалось, грохот шел со всех сторон.

Бой завязался ранним утром и не утихал до захода солнца. Единорог – повелитель дьяволов и Духи – повелители семидесяти двух пещер попали в плен к небесным воинам. А четверем полководцам и обезьянам удалось бежать и скрыться в самых отдаленных уголках Пещеры водного занавеса. На поле боя остался только Великий Мудрец. Он один своим посохом сдерживал натиск четырех главных небесных военачальников, князя Вайсраваны и Ночжа, продолжая биться с ними даже в воздухе. Долго сражался наш Мудрец не на жизнь, а на смерть со своими врагами. Наконец он заметил, что становится уже поздно. Он вырвал у себя клоч шерсти, пожевал ее и, выплюнув, крикнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.